

Министерство образования и науки Российской Федерации

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский

ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Монография

Екатеринбург
2017

УДК [316.3:115]:303.4

ББК 60.5в6

А 61

Рецензенты:

доктор социологических наук,
заведующий кафедрой теории и социологии управления
Уральского института управления – филиала РАНХиГС
при Президенте Российской Федерации **А. С. Ваторопин**;
доктор социологических наук, заведующая кафедрой
прикладной социологии Уральского государственного
экономического университета **Е. Н. Заборова**

*Издание подготовлено при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований, проект № 16-06-00014
«Время социальной общности: методология и методы исследования
стратегий разрешения темпоральных противоречий»*

А 61

Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время социальной общности :
монография / П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский. – Екатеринбург : Гу-
манитарный университет, 2017. – 347 с.

ISBN 978-5-7741-0321-8

В монографии отражены результаты проведенного в 2015–2017 гг. теоретического и эмпирического исследования времени социальной общности. В ней раскрываются его концептуальные основы: характеризуется методология исследования, выявляются теоретические основания, показываются междисциплинарность и плюрализм основных научных подходов, среди которых особое внимание уделяется социологическому. Осуществляется категориальный анализ социального времени и социальной общности. Даются определения этих понятий. Рассматриваются структура и функции социального времени и социальной общности – как порознь, так и во взаимосвязи. Особое внимание уделяется рассмотрению сквозь призму темпоральности двух видов социальной общностей – возрастных и образовательных. Анализируются их темпоральные характеристики и темпоральные противоречия. Даются трактовки этих общностей как субъектов социального времени. Монография завершается рассмотрением темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Книга предназначена для социологов, специалистов, изучающих социальное время и социальные общности, а также для всех тех, кто интересуется проблемами темпоральной организации жизни в современном обществе.

ISBN 978-5-7741-0321-8

© П. А. Амбарова, Г. Е. Зборовский, 2017

© Оригинал-макет.

Гуманитарный ун-т, 2017

Ministry of education and science of the Russian Federation

Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

P. A. Ambarova, G. E. Zborovsky

THE TIME OF SOCIAL COMMUNITY

Scientific monograph

Ekaterinburg
2017

УДК [316.3:115]:303.4

ББК 60.5Б6

A 61

Reviewers:

Doctor of Sociology, Head of the Department of Management Theory and Sociology, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration **A. S. Vatoropin**;
Doctor of Sociology, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics **E. N. Zaborova**

The monograph was prepared with the support of Russian Foundation for Basic Research, project no. 16-06-00014 «The time of social community: methodology and methods of research strategies decision of temporal contradictions»

A 61 Ambarova P. A., Zborovsky G. E. The time of social community: scientific monograph / P. A. Ambarova, G. E. Zborovsky. – Yekaterinburg : Liberal Arts University – University for Humanities, 2017. – 347 p.

ISBN 978-5-7741-0321-8

The monograph reflects the results of the survey conducted in 2015–2017 years theoretical and empirical study of the time of social community. It reveals its conceptual foundations: the methodology of research is characterized, theoretical grounds are revealed, interdisciplinarity and pluralism of the basic scientific approaches are shown, among which special attention is paid to the sociological approach. Categorical analysis of social time and social community is carried out. Definitions of these concepts are given. The structure and functions of social time and social community are considered both separately and in interrelation. Particular attention is paid to the consideration through the prism of temporality of two types of social communities – age community and education community. Their temporal characteristics and temporal contradictions are analyzed. The interpretations of these communities as subjects of social time are given. The monograph concludes by examining the temporal strategies of the behavior of social communities.

The book is intended for sociologists, specialists studying social time and social communities, as well as for all those who are interested in the problems of the temporal organization of life in modern society.

ISBN 978-5-7741-0321-8

© P. A. Ambarova, G. E. Zborovsky, 2017

© Dummy layout

Liberal Arts University – University for Humanities, 2017

Оглавление

Введение	9
Глава 1	
Методология исследования времени	
социальной общности	18
§ 1.1. Междисциплинарность и плюрализм подходов как методологическая основа исследования времени социальной общности	18
§ 1.2. Теоретические основания исследования времени социальной общности	29
§ 1.3. Социологический подход к исследованию времени социальной общности	39
Глава 2	
Категория времени в современном понимании	52
§ 2.1. Категориальный анализ времени	52
§ 2.2. Опыт исследования категории времени на перекрестке естественно-научного и социологического знания	60
§ 2.3. Категория социального времени в контексте современного социологического знания	78
Глава 3	
Социальная общность в зеркале социального времени	103
§ 3.1. Понятие, структура и функции социальной общности	103
§ 3.2. Социальные общности и их временные характеристики	126
§ 3.3. Образ жизни и социальное время общности	140
Глава 4	
Возрастные общности сквозь призму темпоральности	155
§ 4.1. Возрастная общность: понятие и методология ее темпорального исследования	155
§ 4.2. Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления	164

§ 4.3. Поколенческая общность в зеркале темпоральных характеристик	179
---	-----

Глава 5	
Образовательные общности	
сквозь призму темпоральности	193
§ 5.1. Образовательные общности как субъекты социального времени	193
§ 5.2. Темпоральная организация образовательной и научной деятельности вузовских общностей	210
§ 5.3. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи	225
§ 5.4. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования	238
Глава 6	
Темпоральные стратегии поведения	
социальных общностей	256
§ 6.1. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как предмет социологического анализа	256
§ 6.2. Особенности темпоральных стратегий поведения возрастных общностей	283
§ 6.3. Регулирование социального времени возрастных общностей и темпоральных стратегий их поведения	296
Заключение	309
Список литературы	310

CONTENTS

Introduction	9
Chapter 1	
Methodology of the study the time of social community	18
§ 1.1. Interdisciplinarity and pluralism of approaches as a methodological basis for the study the time of social community	18
§ 1.2. Theoretical grounds for studying the time of social community	29
§ 1.3. Sociological approach to the study the time of social community	39
Chapter 2	
The category of time in the modern sense	52
§ 2.1. Categorical analysis of time	52
§ 2.2. The experience of researching the category of time at the crossroads of natural science and sociological knowledge	60
§ 2.3. The category of social time in the context of modern sociological knowledge	78
Chapter 3	
Social community in the mirror of social time	103
§ 3.1. The concept, structure and functions of social community	103
§ 3.2. Social communities and their time characteristics	126
§ 3.3. Lifestyle and social time of the community	140
Chapter 4	
Age communities through the prism of temporality	155
§ 4.1. Age community: the concept and methodology of its temporal research	155
§ 4.2. Temporal contradictions of age communities: a typological analysis the strategies of overcoming	164
§ 4.3. Generational community in the mirror of temporal characteristics	179

Chapter 5	
Educational communities through the prism of temporality	193
§ 5.1. Educational communities as subjects of social time	193
§ 5.2. Temporal organization of educational and scientific activities of university communities	210
§ 5.3. Temporal characteristics and contradictions of students	225
§ 5.4. «Maturation» of students as a phenomenon of changing higher education	238
Chapter 6	
Temporal strategies for the behavior of social communities ...	256
§ 6.1. Temporal strategies of behavior of social communities as a subject of sociological analysis	256
§ 6.2. Features of temporal strategies of behavior of age communities	283
§ 6.3. Regulation of the social time of age communities and temporal strategies of their behavior	296
Conclusion	309
References	310

ВВЕДЕНИЕ

*И поступь и голос у времени тише
Всех шорохов, всех голосов.
Шуршат и работают тайно, как мыши,
Колесики наших часов.
Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет.
Глядишь, – на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет.
Секундная стрелка бежит что есть мочи
Путем неуклонным своим.
Так поезд несется просторами ночи,
Пока мы за шторами спим.*

Самуил Маршак

Не так много книг, посвященных проблеме времени, выходит в последние годы. Одни из них написаны с позиций естественно-научного знания, в них используются материалы физических, биологических, физиологических и иных исследований. Другие представляют собой результаты философского анализа времени как формы и способа бытия. В третьих отражаются некоторые аспекты психологического и социально-психологического его изучения. Но почти нет монографических работ, посвященных характеристике социального времени. Социологическая наука обращает на него очень мало внимания.

Предлагаемая монография призвана в какой-то степени компенсировать дефицит интереса к социологическим проблемам времени. Центральное место в ней занимает рассмотрение с позиций этой науки не просто времени (более конкретно – социального времени), а анализ времени определенного субъекта общества – социальной общности.

В нашей книге объясняется, почему именно время социальной общности требует сегодня особого внимания. В ней доказывается, что один из основных взглядов на структуру общества состоит в том, чтобы рассматривать его как взаимосвязь самых разных социальных общностей, в рамках которых проходит жизнь людей. Люди ведь реально живут и проводят время не в обществе, а, прежде всего, в семьях, учебных и трудовых кол-

лективах, группах по интересам и других социальных общностях, которым «нести числа». Общество – потом, а сначала – социальные общности. В них люди реализуют себя, взаимодействуют с другими людьми и социальными общностями, используют определенным образом то время, которым они располагают.

Прежде чем мы написали монографию «Время социальной общности», было проведено несколько исследований, составивших ее теоретическую и эмпирическую основу. В общем и целом это заняло примерно 3 года. Но и до этого мы много лет занимались проблемами социального времени и темпоральной ресурсности различных социальных общностей. В последние годы особое внимание обращалось на изучение темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей на основе современных социологических методик, интегрирующих продуктивный потенциал количественных и качественных подходов.

Результаты многолетних исследований по проблемам социального времени и социальных общностей отражены в ряде монографий Г. Е. Зборовского (Пространство и время как формы социального бытия, 1974; Социология досуга и культуры, 2006; Теория социальной общности, 2009) и П. А. Амбарово́й (Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей, 2015; Нелинейное время. Как люди в нем живут? 2016), а также в большом количестве нашей статей, опубликованных в ведущих журналах («Социологические исследования», «Социологический журнал», «Философские науки», «Вопросы философии», «Журнал социологии и социальной антропологии», «Высшее образование в России», «Социология образования» и др.).

Г. Е. Зборовским еще в 1970-х гг. была создана одна из первых теоретико-социологических концепций социального времени как формы и способа существования социального бытия. Была показана его структура, взаимосвязь с социальным пространством, введено понятие «социальное пространство – социальное время». Была осуществлена одна из первых попыток в отечественной социологии рассмотреть время не только как объективный, но и как субъективный феномен, показан перцептуальный характер времени и возможности его социального конструирования.

В последующие десятилетия Г. Е. Зборовским было осуществлено исследование структуры и функций как социального времени, так и его элементов – рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени. Свободное время было показано как время, детерминированное родовой характеристикой – свободной деятельностью, осуществляемой на основе свободного выбора варианта поведения и ответственности за него. Впервые была сформулирована идея необходимости интеграции и взаимодействия отраслей социологического знания – социологий времени, досуга, культуры, образования.

Г. Е. Зборовским в 2000-х гг. была разработана одна из первых в стране теорий социальной общности. В ней доказывается, что подлинно социологический анализ общества может быть осуществлен только через представление о нем как взаимосвязи социальных общностей различного порядка и уровня. Были показаны общностнообразующие признаки, имеющие как объективный, так и субъективный характер. Одним из основных среди этих признаков стало время социальной общности, проявляющееся в его биологической, психологической и социальной формах.

П. А. Амбаровой в 2010-х гг. была разработана оригинальная концепция динамики социального времени, проявляющейся в переходе от линейного к нелинейному темпоральному режиму. Ею было показано, что нелинейное социальное время представляет собой особую форму жизнедеятельности социальной общности, основными качественными характеристиками которого являются напряженность, текучесть, мобильность, мгновенность, рекурсивность, нестабильность, разновекторность, многоструктурность.

Автор сформулировал новую позицию, согласно которой различные социальные общности по-разному реагируют на влияние динамики социального времени. У одних она формирует понимание значимости фактора времени и на этой основе стимулирует выработку инновационных моделей поведения, новых социокультурных качеств, наращивание адаптационного потенциала к социокультурным изменениям, мобилизует их на поиск новых способов жизненного продвижения. Другие общности отвечают на «темпоральный вызов» ростом пассивности и

маргинальности, ухудшением социального самочувствия, отказом от попыток самостоятельно выстраивать собственную жизнь, биографию, конструктивно преодолевать трудности. Третьи находятся в противоречивой ситуации неопределенности, выжидательности, колебания, поиска какого-либо варианта ответа на «темпоральные вызовы».

П. А. Амбаровой была разработана методика исследования проблемы социального времени, которая позволила операционализировать его динамику, выявить влияние нелинейного времени на темпоральные стратегии поведения социальных общностей. Апробация авторской методики, основанной на комбинации количественных и качественных методов, показала наибольшую продуктивность последних для изучения сложных темпоральных процессов и явлений. В этом состояла ее принципиальная новизна.

В работах П. А. Амбаровой впервые обосновывается необходимость введения в социологический оборот понятия темпоральной стратегии поведения, трактуемой как система жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени для достижения конкретных жизненных целей. Ею утверждается, что темпоральные стратегии поведения следует рассматривать как способ реагирования общностей на социальную турбулентность, вызванную динамикой социального времени. Показана связь социальных эмоций и темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Описанные оригинальные научные результаты, полученные с помощью методов, разработанных и апробированных в ходе многочисленных теоретических и эмпирических исследований, стали источником идей для ряда наших проектов, поддержанных российскими научными фондами и посвященных исключительно проблемам времени:

– «Нелинейная динамика социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей» (РГНФ, № 14-03-00072, 2014–2015 гг., руководитель Г. Е. Зборовский, ответственный исполнитель П. А. Амбарова);

– «Нелинейное время: как люди в нем живут?» (РГНФ, № 16-43-93514, 2016 г., руководитель П. А. Амбарова);

– «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий» (РФФИ, № 16-06-00014, 2016–2017 гг., руководитель Г. Е. Зборовский, ответственный исполнитель П. А. Амбарова).

Обозначенные концептуальные идеи и методики нашли также свое отражение и применение при реализации отдельных задач, посвященных изучению темпоральности образовательных общностей и гражданского общества, в исследовательских проектах:

– «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности» (РГНФ, № 16-03-00051, 2016–2017 гг., руководитель Г. Е. Зборовский, ответственный исполнитель П. А. Амбарова и др.);

– «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления» (РГНФ, № 16-03-00016, 2016–2018 гг., руководитель Г. Е. Зборовский, ответственный исполнитель П. А. Амбарова и др.);

– «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности» (РНФ, № 16-18-10046, 2016–2018 гг., руководитель Г. Е. Зборовский, ответственный исполнитель П. А. Амбарова и др.).

Источником ключевых идей для данной монографии выступают результаты, полученные в ходе нашего исследования «Время социальной общности: методология и методы исследования стратегий разрешения темпоральных противоречий» (проект РФФИ, 2016–2017 гг.). Нами были разработаны: 1) концепция единства и противоречивости биологического, психологического и социального времени социальной общности; 2) методология и методика социологического исследования дисхроноза биологического, психологического и социального времени в жизнедеятельности возрастных общностей; 3) методология и методика социологического исследования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей; 4) методика качественного исследования условий и механизмов формирования темпораль-

ных стратегий поведения возрастных общностей; 5) типология темпоральных стратегий поведения возрастных общностей; 6) модель механизмов формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей.

Кроме исследований темпоральной проблематики, авторы предлагаемой монографии имеют большой опыт теоретических и эмпирических исследований различных социальных общностей:

– *горожан* (Зборовский Г. Е. Социальные общности и их временные характеристики // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123, № 1. С. 148–158 ; Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова [и др.]. Екатеринбург : УрФУ, 2014 ; Амбарова П. А. Темпоральные стратегии поведения горожан: опыт качественного исследования // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 1. С. 120–130);

– *образовательных общностей* (Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Будущее образовательных общностей: временная перспектива в условиях социальной неопределенности // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 3–13 ; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 48–55 ; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Время в жизни преподавателя вуза глазами социологов // Высшее образование в России. 2015. № 2. С. 70–79 ; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 3 (91). С. 8–18);

– *бизнес-сообщества* (Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Time as the resource of development of the modern manager in the conditions of the economic crisis in Russia // The Conference Proceedings The 9th International Days of Statistics and Economics. Prague, 2015. Pp. 1814–1823. URL: <http://msed.vse.cz> ; Ambarova P., Zborovsky G.E. Freelancers in Russia: innovative approaches to time management // The Conference Proceedings The 9th Interna-

tional Days of Statistics and Economics. Prague, 2015. Pp. 33–42. URL: <http://msed.vse.cz>);

– *волонтеров* (Амбарова П. А., Кузьминчук А. А. Темпоральные характеристики социальной общности волонтеров // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 140–146; Амбарова П. А. Темпоральные ресурсы волонтерства // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. 2015. № 3. С. 150–158; Зборовский Г. Е., Кузьминчук А. А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2014. № 2 (29). С. 57–70.);

– *мигрантов* (Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Засыпкин В. П. Образовательно-адаптационные практики трудовых мигрантов и их детей (на материалах исследований в ХМАО-ЮГРЕ) // Социология образования. 2015. № 3. С. 86–100; Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Обучение детей мигрантов как проблема их социальной адаптации // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 80–91);

– *учителей* (Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность: социологический анализ // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 5 (48). С. 8–24; Засыпкин В. П., Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Учительство как социально-профессиональная общность // Социологические исследования. 2015. № 2 (370). С. 113–122).

Предлагаемая вниманию читателей монография состоит из шести глав и 19 параграфов. Логика изложения материала строится по принципам «от общего к частному», от методологии исследования к его конкретным результатам, от социального времени – к социальным общностям и затем – к темпоральным стратегиям их поведения.

В первой главе рассматривается методологическая основа исследования времени социальной общности, раскрываются его теоретические основания. Особое внимание уделяется анализу социологического подхода к изучению времени социальной общности.

Вторая глава посвящена трактовкам категории времени в современном понимании. В ее структуре – категориальный анализ времени, показ опыта исследования времени на перекрестке естественно-научного и социологического знания, рассмотрение категории социального времени в контексте современного социологического знания.

Объект исследования в третьей главе – социальная общность в зеркале социального времени. Глава включает в себя характеристику понятия, структуры и функций социальной общности, ее временные характеристики, а также рассмотрение образа жизни социальной общности в связи с ее социальным временем.

Четвертая и пятая главы посвящены анализу двух типов социальных общностей, темпоральные характеристики которых оказывают исключительно важное воздействие на их функционирование. Это возрастные и образовательные общности.

В процессе изучения возрастных общностей (четвертая глава) рассматриваются: понятие и методология их темпорального исследования; темпоральные противоречия и типологический анализ стратегий их преодоления; поколенческая общность в зеркале темпоральных характеристик.

Что касается пятой главы, в которой анализируются образовательные общности сквозь призму темпоральности, то в ней в первую очередь дается характеристика этих общностей как субъектов социального времени. При этом из всей совокупности образовательных общностей выделяются студенты и преподаватели вузов. Именно они стали объектом авторского теоретического и эмпирического исследования. На материалах этого исследования рассматриваются: темпоральная организация образовательной и научной деятельности вузовских общностей; темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи; «взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования.

В заключительной, шестой главе монографии в центре исследования – темпоральные стратегии поведения социальных общностей. В ней представлены темпоральные стратегии поведения социальных общностей как предмет социологического анализа, рассматриваются их особенности на материалах иссле-

дования поведения возрастных общностей, характеризуется регулирование социального времени возрастных общностей и темпоральных стратегий их поведения.

Завершая «Введение», мы считаем необходимым отметить, что все основные положения монографии прошли апробацию в форме совместных публикаций в таких журналах, как «Социологические исследования», «Социологический журнал», «Высшее образование в России», «Журнал социологии и социальной антропологии» и др.

Мы надеемся, что монография принесет пользу всем интересующимся проблемами темпоральной организации жизни в современном обществе и использования времени социальными общностями.

ГЛАВА 1

Методология исследования времени социальной общности

§ 1.1. Междисциплинарность и плюрализм подходов как методологическая основа исследования времени социальной общности

Анализ зарубежной и отечественной литературы по проблематике времени в области естествознания и социальных наук показывает, что она привлекает внимание исследователей, представляющих самые разные отрасли знания – философского, астрономического, физического, биологического, психологического, социального и т. д. Каждая из этих отраслей может быть конкретизирована, и тогда количество видов знания о времени вырастет в несколько раз. Следовательно, получение научно обоснованного, достоверного знания о времени, темпоральных характеристиках бытия, включая жизнь общества и его структур, особенно таких, как социальные общности (далее это положение будет специально обосновано и развито), должно опираться на методологию дисциплинарных (предметных, отраслевых) и междисциплинарных (межотраслевых) подходов в изучении поставленных проблем.

Прежде чем говорить о применении этих подходов при рассмотрении времени социальной общности, мы хотели бы поставить ряд проблем методологического характера, связанных с плюрализмом самих подходов и имеющих значение для любого как дисциплинарного (в том числе социологического), так и междисциплинарного анализа.

Аксиоматично признание того обстоятельства, что проведение всякого научного исследования обязательно базируется на использовании определенных методологических подходов. Однако обсуждение этого вопроса на страницах изданий (как монографических, так и периодических) и диссертационных работ зачастую превращается в пустую формальность. Обычно перечисляются традиционно применяемые теоретические и эмпирические подходы, что сопровождается в ряде случаев ссылками на работы известных ученых в конкретной отрасли научного знания и перечень созданных ими концепций и теорий. После соблюдения этого методологического «ритуала» автор считает

свою миссию выполненной и приступает к непосредственному анализу своей проблемы.

Между тем работа над определением подходов к проведению научного исследования может принести немало пользы, если к ней отнестись с соответствующим пониманием и уважением. Мы имеем в виду учет одного из требований научного исследования – осмысленный и обоснованный выбор методологических подходов к нему на основе использования принципа их плюрализма.

Учитывая специфику монографии как работы преимущественно социологической и аналогичной по характеру и содержанию профессиональной деятельности авторов, целью параграфа является рассмотрение проблемы плюрализма научных подходов в рамках подготовки и проведения, прежде всего, социологического исследования. Известно, что социологическое исследование (как теоретическое, так и эмпирическое) можно осуществлять, используя различные пути – в зависимости от его характера, объекта и предмета, цели, задач и гипотез, работы с накопленной ранее информацией и т. д. Существует ряд способов проведения такого исследования, которые целесообразно рассматривать как определенный алгоритм его подготовки и осуществления.

Со времен первой Чикагской социологической школы (1920-е гг.) этот алгоритм принято называть программой социологического эмпирического исследования, включающей в себя принцип плюрализма подходов в изучении конкретных проблем. Согласно этому принципу доказывалась возможность попеременного либо одновременного использования количественных и качественных стратегий и, в их рамках, соответствующих методологических и методических подходов. Как пишет В. В. Семенова, «методологическое преимущество сочетания двух подходов [*качественных и количественных – прим. авт.*] состоит в том, что одни и те же социальные объекты рассматриваются с разных позиций. <...> Сущность такого совмещения состоит в комбинировании “подхода, ориентированного на изучение перемен-

ных”, и “подхода, ориентированного на человека”»¹. По существу речь идет о своеобразном принципе дополнительности как факторе смешанной исследовательской стратегии, когда одни подходы – количественные – дополняют и усиливают другие – качественные (или наоборот). Следовательно, уже в эмпирическом исследовании становится возможным использование принципа плюрализма подходов.

Многие положения методологии (и программы как ее составной части) эмпирического исследования вполне пригодны для осуществления и теоретического исследования. Но специфика последнего требует несколько иного алгоритма. В принципе он существует и в самом общем виде может быть сведен к системе (методологии и методике) любого теоретического социологического исследования.

Теоретическое исследование включает в себя разработку комплекса идей, взглядов, представлений, направленных на анализ и решение конкретных научных проблем, истолкование и объяснение каких-либо социальных явлений и процессов. Признаками такого исследования являются: использование взаимосвязанных суждений, представлений, понятий, гипотез; наличие способа объяснения целого класса объектов; система доказательств, выводов; создание теории (концепции); связь (и взаимосвязь) с другими рядоположенными теоретическими исследованиями по рассматриваемой проблеме.

Теоретическое исследование воплощает определенную программу, которая обуславливает его целостность как единой системы знания. Это исследование включает в себя, как минимум, четыре компонента. Во-первых, это исходная теоретическая основа, включающая множество первичных допущений, постулатов, аксиом, общих законов, в совокупности описывающих идеализированный объект теории. Во-вторых, это исходная эмпирическая основа, означающая использование множества зафиксированных в данной области знания фактов, требующих теоретического объяснения. В-третьих, это логика исследования, предполагающая наличие множества допустимых в его рамках

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 93.

правил логического вывода и доказательства. В-четвертых, это совокупность выведенных в исследовании утверждений с их доказательствами, составляющими основной массив теоретического знания.

Методологически центральную роль в теоретическом исследовании играет лежащий в его основе идеализированный объект – теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализаций¹. Эта модель строится на основе определенной научной парадигмы (или нескольких парадигм). Создание модели предполагает использование целого ряда методологических подходов на основе перехода от одного к другому. Это означает, что возникает необходимость учета и применения принципа их плюрализма.

Рассмотрим названный принцип, его реализацию более конкретно в рамках нашего социологического теоретического исследования. Его специфика означает ориентацию на анализ времени социальных общностей. Социальные общности, выступающие объектом нашего макросоциологического теоретического исследования, – это не только цивилизация в целом и наиболее крупные ее социальные образования, включающие реальные виды обществ и их взаимодействия. Его объектом становятся реально существующие, теоретически и эмпирически фиксируемые, относительно единые и самостоятельные взаимосвязи (совокупности) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям².

Макросоциологическое исследование не требует детального рассмотрения конкретных проблем и ситуаций, возникающих в социальных общностях, а нацеливает на их комплексный охват, предполагает наличие широкого взгляда на них, позволяющего включить эти локальные процессы, проблемы и ситуации в об-

¹ Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 676–677.

² Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – С. 110.

щетеоретический контекст анализа. Теоретическое социологическое исследование дает возможность трактовать социальную общность сквозь призму общих и специфических тенденций ее функционирования и развития, ориентирует на выявление механизмов их действия и форм проявления в различных сферах общественной жизни, позволяет осуществить анализ социального развития, в том числе сквозь призму социального времени.

Однако социологические теоретические исследования касаются не только общества и его структур (включая социальные общности). В меньшей степени они охватывают жизнь человека и его поведение, соотношение человеческого действия и социальной структуры.

Любое социологическое теоретическое исследование включает в свою структуру понятия, суждения, переменные и формы¹. Понятия описывают качественное своеобразие изучаемых явлений, суждения отражают закономерные связи в исследуемой области явлений и процессов, переменные (различного уровня общности и зависимости) выражают степень изменения определенного свойства или признака, форма есть логическое структурирование полученных знаний.

Описанный выше путь теоретического исследования является многократно апробированным, традиционным. Иногда социологи идут по нему осознанно, акцентируя внимание на каждом его этапе, стараясь ничего не упустить и не пропустить. Вместе с тем нередко они не обращают специального внимания на последовательное прохождение этих этапов, поскольку алгоритм исследования оказывается прочно усвоенным и вошедшим, что называется, в «кровь и плоть» научной деятельности.

Есть еще одно важное обстоятельство, которое может оказаться упущенным в ее процессе. Речь идет об отсутствии у исследователей стремления к выбору не одного, а нескольких методологических подходов для рассмотрения интересующей их проблемы. Другими словами, упускается возможность использования принципа плюрализма применяемых методологических подходов.

¹ Российская социологическая энциклопедия. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 567.

Такая возможность нам представляется крайне важной для проведения теоретического социологического исследования. С этой целью научно оправдано использование как конкретных дисциплинарных (предметных), так и междисциплинарных (межпредметных) методологических подходов. Собственно, сам социологический анализ конкретной проблемы и является одним из предметных подходов к ее исследованию. В таком же качестве могут выступать философский, исторический, биологический, психологический и иные подходы, тесно сопряженные с социологическим анализом. Взятые в единстве применительно к изучению какой-либо проблемы, они могут придать ее исследованию многоаспектный, разносторонний и глубокий характер.

С этой точки зрения еще более важно использование междисциплинарных методологических подходов. К их числу мы отнесем в первую очередь системный, институциональный, общностный, деятельностный, социокультурный, пространственно-временной, ресурсный, аксиологический и другие подходы.

По нашему мнению, использование целого ряда научных подходов в социологическом исследовании есть не что иное, как проявление социологического плюрализма. Сегодня подобная постановка вопроса вряд ли вызовет какую-либо дискуссию, но еще некоторое время назад, в середине 1990-х гг., она была предметом серьезных споров. Правда, они разгорелись не вокруг применения различных дисциплинарных и междисциплинарных подходов к изучению какой-то одной проблемы (плюрализм подходов), а в связи с использованием для этого ряда парадигм и теорий. В этом отношении представляет интерес дискуссия между М. Н. Руткевичем (сторонником «марксистско-ленинского» монизма и борцом против социологического плюрализма) и В. А. Ядовым (сторонником социологического плюрализма), которая имела место на страницах «Социологического журнала» в 1996 г.¹

¹ Руткевич М. Н. О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 12 ; Ядов В. А. Реплика уважаемому оппоненту // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 89–92.

Предметом для дискуссии послужила небольшая, но крайне важная в методологическом отношении статья В. А. Ядова, вышедшая годом раньше¹. В ней он доказывал возможность и даже необходимость при исследовании той или иной социологической проблемы, того или иного социального феномена использовать не одну, а несколько парадигм, разных теоретических подходов для того, чтобы осуществить различные интерпретации тех или иных социальных фактов. По мнению Ядова, это могло бы способствовать более глубокому их объяснению. Согласно его позиции, наличие ряда теоретических моделей, выступающих как опорные конструкции для исследования, крайне важно для социальных наук. Последовательно переходя от одной к другой объяснительной модели, мы получаем возможность увидеть анализируемый феномен (проблему) под новым углом зрения.

С точки зрения Руткевича, подход Ядова есть не что иное, как эклектика, смешивание того, что не подлежит соединению и тем более совместному использованию. Ядов же отстаивает, с нашей точки зрения совершенно обоснованно, необходимость теоретического плюрализма. Упоминая и характеризуя эту дискуссию, не следует забывать, что она имела место в 1990-х гг., в период активизации социологической гласности и складывания, формирования в российском обществе нового социологического мышления.

После выхода в свет упомянутой статьи В. А. Ядова мы попытались использовать предложенный им принцип плюрализма в анализе образования как социального феномена с позиций ряда парадигм и теорий: обмена, конфликта, структурного функционализма и др. Это позволило получить ощутимую прибавку знания о реальных проблемах образования и его концепциях – как в отечественной, так и в зарубежной социологии².

При рассмотрении социологического плюрализма как принципа теоретической социологии большой интерес представляет

¹ Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 70–72.

² Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. проф.-пед. университета, 2000. – 301 с.

точка зрения на него А. Г. Здравомыслова. Он пишет, что «признание теоретического плюрализма в социологической теории есть прежде всего результат признания “многослойности” социальной реальности»¹. Тем самым он призывает социологов в процессе анализа тех или иных парадигм, теорий, концепций обращаться к выявлению связи между ними и теми реальными социальными фактами, событиями, процессами, которые они отражают и в концентрированном виде выражают. Это важно для того, чтобы анализ принципа плюрализма не превращался в теоретическую «игру», «плетение» научных, может быть даже наукообразных, «кружев».

Здесь следует отметить одно весьма значимое обстоятельство: чем более разнообразной, многослойной и мозаичной становится социальная реальность, тем более заметным оказывается плюрализм ее интерпретаций. Одним из ярких доказательств этой связи стало появление в нашей стране в течение последних 15–20 лет большого количества достаточно разных теорий переходного периода, модернизации, трансформации общества и его структур, нелинейности этих процессов. Многослойность, мозаичность, плюрализм социальной реальности вызывают ее различные интерпретации и стимулируют тем самым резкое возрастание смыслообразующих возможностей социологических трактовок.

Рассматривая плюрализм научных подходов в социологическом исследовании, отметим, что речь не идет о том, нужно или не нужно, важно или не важно, целесообразно или нет применять те или иные дисциплинарные (философский, социологический, исторический, психологический, правовой и др.) либо междисциплинарные (системный, институциональный, деятельностный, общностный, социокультурный, пространственно-временной, ресурсный) подходы. Конечно, нужно, важно и целесообразно. Вопрос состоит в определении возможности делать это в рамках исследования какой-то одной, конкретной, четко сформулированной проблемы или какого-то одного конкретного объекта (процесса). Главное – определить, какие подходы могут

¹ Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010. – С. 282.

или даже должны быть применены в предпринимаемом исследовании. Выявление таких подходов зависит от характера проблемы, уровня ее методологической и методической разработанности, цели и задач исследования, предполагаемых результатов и ряда других обстоятельств. Не последнюю роль могут играть и личные пристрастия и интересы авторов.

Существенное значение приобретает понимание того, как соотносятся между собой дисциплинарные (предметные) и междисциплинарные (межпредметные) подходы, какие из последних оптимально соответствуют тем или иным конкретным научно-предметным подходам, а какие – нет. В этом аспекте интерес может представить конструирование своеобразной матрицы (схемы) обоих типов подходов – дисциплинарных и междисциплинарных, локализованных на горизонтальном и вертикальном уровнях, на перекрестье которых обнаруживаются их связи, сочетания и совмещения. Создание такой матрицы есть, по существу, результат индивидуальных представлений социологов, работы их научного сознания относительно самих подходов, их типологии, группировки, классификации, выявления связей и взаимодействий между ними.

В процессе использования того или иного предметного (дисциплинарного) подхода могут быть задействованы любые из междисциплинарных подходов. Это – теоретическое допущение. Его реализация возможна лишь тогда, когда исследователь стремится выявить перспективы применения каждого из них для того, чтобы получить как можно более полную и адекватную картину изучаемого феномена либо рассматриваемой проблемы.

Сама схема (матрица) подходов, конструируемая исследователем, позволяет увидеть, что социологический подход рассматривается как один из рядоположенных дисциплинарных (предметных) подходов, наряду с философским, историческим, психологическим, биологическим и другими подходами. Важно отметить, что он с ними взаимодействует. Благодаря этому взаимодействию рождается иной тип социологического знания, обогащенного философским, историческим, психологическим, естественно-научным знанием.

Подобная ситуация становится базовой для возникновения интегрального знания. Можно попытаться сформулировать на-

бор требований к полноте социологического знания по той или иной проблеме с учетом смежных подходов. Вместе с тем, как и все дисциплинарные подходы, социологический взаимодействует с междисциплинарными (межпредметными) подходами: системным, институциональным, деятельностным, социокультурным, пространственно-временным, общностным, ресурсным.

Проблема плюрализма научных подходов в социологическом исследовании получает в последние годы новый импульс для своего рассмотрения в результате усиливающегося взаимодействия социологии с естественно-научными подходами и достижениями естественно-научного знания. Позитивистская ориентация социологической науки с самого начала ее возникновения (в первой половине XIX в.) была основной. Одной из доминирующих она осталась и сегодня, что было бы невозможно без стремления социологии к тесной связи с естественно-научными подходами. Плюрализм методологических подходов в научном социально-гуманитарном исследовании становится реальностью во многом благодаря этой связи.

Обратимся к конкретному опыту социологического изучения одной проблемы, ставшего возможным благодаря использованию принципа плюрализма подходов, на сей раз естественно-научных. Речь идет о разработке социологических представлений о нелинейных социальных явлениях и процессах на рубеже XX–XXI вв., которые формировались благодаря мощному импульсу, поступавшему от теорий и концепций, сложившихся в естествознании во второй половине прошлого столетия. Работы выдающихся ученых (Дж. Чу, Д. Бома, И. Пригожина, Г. Хакена и многих других) имели важное значение не только для естествознания, но и для социальных наук, поскольку коренным образом изменили представления о мире, частью которого выступают социальные явления¹.

¹ Подробнее об этом см.: Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 2 ; Амбарова П. А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. – Екатеринбург : УрФУ, 2015.

Рост интереса к «нелинейной» проблематике вызван не только тенденциями развития и достижениями самой науки, но и, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно – социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук подготавливают адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

Рассмотренная трактовка нелинейности социальных процессов сквозь призму естественно-научных подходов показывает возможность применения и продуктивность естественно-научной методологии в исследованиях разных проблем, в том числе такой, как социальное время, его динамика и влияние на темпоральные стратегии поведения социальных общностей и их социальное самочувствие¹. На основе этой методологии в ее сочетании с социологическим подходом формируется проблематика нелинейного социального времени, вытекающих отсюда противоречий, связанных с переходом от линейного к нелинейному темпоральному режиму жизнедеятельности людей.

Ориентация социологии на использование естественно-научных методов, достижения естественных наук позволила ей сформулировать новый взгляд на общество как турбулентный социум, который лишен предсказуемых изменений. Их разнонаправленность, многоуровневые темпоритмы, с трудом поддающиеся систематизации структуры социальных пространств, иными словами, сложнейший пространственно-временной континуум этого турбулентного социума вызывает сегодня еще большую необходимость его исследования, чем раньше, с одной стороны, и делает его неизмеримо более сложным – с другой.

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 63–73.

§ 1.2. Теоретические основания исследования времени социальной общности

Целью параграфа является представление авторской концепции единства и противоречивости времени социальной общности. Время, являющееся формой и способом существования социальных общностей, рассматривается нами в виде трех его основных разновидностей – биологической, психологической и социальной. Мы полагаем, что, находясь в единстве и, вместе с тем, существенно отличаясь друг от друга, эти три вида времени социальной общности порождают противоречия, которые могут либо препятствовать, либо способствовать ее развитию.

Суть нашей концепции состоит в выявлении, анализе и поиске путей разрешения противоречий между биологическим, психологическим и социальным временем социальной общности. Эти противоречия базируются на разности потенциалов и динамики каждого из названных видов времени. Исследование, которое найдет свое отражение в последующих главах монографии, позволило обнаружить стратегии и механизмы разрешения темпоральных противоречий социальной общности. Между тем известные нам в мировой науке исследования биологического, психологического и социального времени не содержат анализа темпоральных противоречий и дисхроноза (рассогласований), проявляющихся в жизнедеятельности социальных общностей.

Исходя из оценок современной зарубежной и отечественной литературы, посвященной изучению темпоральной проблематики, мы убеждены в том, что она (литература) содержит лишь фрагментарные представления о темпоральных стратегиях поведения социальных общностей, но не дает о них достаточно полного и целостного знания. Мы же претендуем на получение такого знания благодаря разработанным нами методологии и методике социологического исследования таких темпоральных стратегий. Авторская методология базируется на адаптации достижений современной темпоралистики, развивающейся как в естественных, так и в социальных науках, к задачам социологического исследования темпоральных стратегий поведения социальных общностей. Квинтэссенцией этих достижений являются

новейшие концепции времени, которые получают отражение в авторской методологии.

Проблема, рассматриваемая в концепции, по своему характеру фундаментальна. Ее новизна обусловлена: 1) междисциплинарностью исследования (на стыке биологии, психологии, социальной психологии, социологии); 2) использованием взятых во взаимосвязи темпорального, общностного и деятельностного подходов; 3) рассмотрением в единстве линейных и нелинейных качеств биологического, психологического и социального времени социальной общности; 4) обращением в социологическом исследовании к опыту изучения времени в биологии, психологии и социальной психологии; 5) созданием оригинальной методологии и методики исследования времени социальной общности; 6) анализом социальной общности сквозь призму темпоральных характеристик, порожденных ее биологическим, психологическим и социальным временем.

Раскроем подробнее каждую из обозначенных позиций.

Прежде всего, мы предлагаем междисциплинарный анализ (на пересечении биологического, психологического, социально-психологического, социологического знания) противоречий биологического, психологического и социального времени социальной общности. Предпринимавшиеся ранее исследования времени в биологии, психологии и социологии носили преимущественно узкодисциплинарный характер и не позволяли ставить вопрос о возможности общих подходов и методов к их исследованию.

Новизна методологии, применяемой нами в исследовании, определяется взятymi во взаимосвязи темпоральным, общностным, деятельностным подходами. В предшествующих исследованиях наблюдалось использование деятельностного и темпорального подходов вне их связи между собой и практически отсутствовал общностный подход. Мы делаем акцент на общностном подходе, который органично сочетается с принципами темпорального и деятельностного подходов.

В ранее предпринимавшихся исследованиях времени в биологии, психологии, социальной психологии, социологии доминировали подходы, раскрывавшие, прежде всего, его линейные качества. Лишь в самые последние годы стали формироваться

принципы нового видения биологического, психологического и социального времени как времени нелинейного. Принципиальной особенностью нашего исследования является рассмотрение в единстве линейных и нелинейных характеристик биологического, психологического и социального времени социальной общности.

В исследованиях времени в биологии, психологии, социальной психологии, социологии накоплен определенный опыт использования тех или иных специальных методов и методик. Это касается изучения биологических ритмов, часов, специфики биологического времени в различных видах популяций, психологического восприятия времени, темпоральных страхов и надежд, ностальгии, изучения бюджетов времени отдельных социальных групп и общностей и т. д. Мы видим новизну нашего научного подхода в том, чтобы использовать уже существующий в естественных и социальных науках опыт применительно к исследованию условий, механизмов, стратегий разрешения противоречий биологического, психологического и социального времени социальной общности.

Авторская методика исследования времени социальной общности состоит в применении качественных методов – глубинного полуформализованного интервью, биографического метода, кейс-стади, анализа письменных документов, интент-анализа. Особенности предлагаемой нами методики заключается в использовании названных качественных методов для исследования трех видов времени социальной общности – биологического, психологического, социального, взятых в их единстве и противоречивости с целью анализа темпоральных стратегий поведения социальных общностей.

Наша концепция не имеет прямых аналогов ни в мировой, ни в отечественной литературе. В связи с этим обстоятельством анализ современного состояния исследований поставленной проблемы касается ее отдельных аспектов как в самой социологии, так и в смежных с ней областях научного знания. Междисциплинарный характер концепции предполагает обращение к достижениям в области исследования биологического, психологического и социального времени в современной отечественной и зарубежной науке.

Проблема биологического времени, поставленная впервые выдающимися представителями естествознания – К. Бэр, И. П. Павловым, И. М. Сеченовым, В. И. Вернадским и др., – получила дальнейшее развитие во второй половине XX – начале XXI в. Вопросу о природе биологического времени, который окончательно не решен до сих пор, посвящены работы современных представителей естествознания¹.

Достижения физики, химии, математики и биологии предопределили разработку разнообразных теорий и методов исследования биологического времени, позволили открыть белки часовых генов². Сформировалось несколько направлений исследований: теория продолжительности жизни и старения³; концепции адаптации человека к пространственно-временному континууму окружающей среды, симметричного и асимметричного биологического времени; парадигма информационно-энергетической природы биологического времени⁴; теория метаболического времени⁵.

Значительный вклад в развитие знания о биологическом времени внесла психофизиология. В ней особое внимание уделялось исследованию соотношения биологического и субъек-

¹ Оловников А. М. Редусомная гипотеза старения и контроля биологического времени в индивидуальном развитии // Биохимия. – 2003. – Т. 68, Вып. 1. – С. 7–41; Романов Ю. А. Хронотопобиология как одно из важнейших направлений современной теоретической биологии // Хронобиология и хрономедицина. – М., 2000. – С. 9–24.

² Golombek D. A., Bussi I. L., Agostino P. V. Minutes, days and years: molecular interactions among different scales of biological timing // Philosophical Transactions of the Royal Society B. – 2014. – Vol. 369. – URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2012.0465> (дата обращения: 17.07.2015).

³ Галицкий В. А. Эпигенетическая природа старения // Цитология. – 2009. – Т. 51, № 5. – С. 388–397.

⁴ Чернышева М. П. Временная структура биосистем и биологическое время. – СПб., 2014.

⁵ Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем // Метафизика. – 2013. – Т. 2, № 1. – С. 50–73.

тивного времени¹, а также влиянию на это соотношение таких факторов, как режимы деятельности, питания, освещенности помещения, сменная работа, сознательное голодание, двигательная активность².

Для нас исключительное значение приобретает то обстоятельство, что разработка проблемы времени в современной отечественной биологии соответствует мировому уровню, в ряде случаев отличается от зарубежной науки системным мышлением, приближающим ее к философскому осмыслению биологического времени.

При этом особый интерес представляет ряд достижений в исследованиях биологического времени. Среди них: его трактовка как совокупности временных процессов, генерируемых на разных структурных уровнях организма; представление о временных процессах как референтах субстанционального времени, которое позволило описать специфику свойств и функций биологического времени; идея взаимосвязи и одновременного генезиса материи, энергии, информации и времени биологической системы; концепция обмена биологическим временем с окружающей средой; представления о возрасте человека как специфической форме биологического времени.

Сегодня основные направления исследований биологического времени в основном связаны с молекулярными механизмами восприятия времени и генезиса временных процессов, что, однако, не дает ответа на фундаментальный вопрос естествознания: «Что такое время?» Другой вопрос, который требует сегодня ответа, – что такое нелинейное время в его биологической форме. Ответ на него поможет прояснить сущность противоречий биологического времени с другими формами времени, в том числе и социального, что представляет для авторов концепции одну из задач ее разработки.

¹ Salvioni P., Murray M. M., Kalmbach L., Bueti D. How the visual brain encodes and keeps track of time // *Journal of Neuroscience*. – 2013. – № 33. – Pp. 12423–12429.

² Antunes L. C., Levandovski R., Dantas G., Caumo W., Hidalgo M. P. Obesity and shift work: chronobiological aspects // *Nutrition Research Reviews*. – 2010. – No. 23. – Pp. 155–168.

В современной зарубежной психологии наблюдается ренессанс интереса к проблемам времени. Об этом свидетельствует несколько направлений ее исследований. Первое среди них – создание новых методов изучения чувства времени¹. Речь идет о поиске новых, более совершенных инструментов измерения и восприятия времени. Развитие инновационных методов, особенно тех, которые могут быть применены в связи со шкалами времени, используемыми в различных методиках изучения мозга, сближает психологические и биологические исследования времени².

Второе важное направление психологии времени касается изучения индивидуальных различий в восприятии времени³. Третье направление охватывает взаимосвязь и взаимовлияние памяти и внимания, что связано с восприятием прошлого, настоящего и будущего времени⁴. Четвертым направлением, представляющим для нашей работы особый интерес, является изучение систематического влияния возраста и пола человека на его восприятие и оценки времени⁵. Анализ зарубежной литературы по проблемам психологии времени показывает, что, поскольку время относится к нематериальным явлениям, именно этот факт делает психологическое восприятие времени более сложным для понимания по сравнению с другими психологическими проблемами.

Говоря о проблемах времени в зарубежной социальной психологии, следует отметить, в первую очередь, работы, касаю-

¹ Grondin S. *Psychology of time*. – Bingley, 2008.

² Wittmann M., van Wassenhove V. The experience of time: Neural mechanisms and the interplay of emotion, cognition and embodiment // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. – 2009. – No 364. – Pp. 1809–1813.

³ Zimbardo P. G., Boyd J. *The time paradox: The new psychology of time that will change your life*. – N.Y., 2008.

⁴ Block R. A., Hancock P. A., Zakay D. How cognitive load affects duration judgments: A meta-analytic review // *Acta Psychologica*. – 2010. – No 134. – Pp. 330–343.

⁵ Hancock P. A. *Cognitive differences in the ways men and women perceive the dimension and duration of time: Contrasting Gaia and Chronos*. – Edwin Mellen Pr., 2011.

щиеся времени организации, организационных изменений, лидерства, темпоральных дистанций между участниками организационных процессов¹.

В отечественной психологии и социальной психологии проблема времени, так же как и в зарубежной науке, занимает заметное место. Ей посвящены фундаментальные работы монографического характера². В этих и некоторых других работах заложены идеи о природе психологического времени, его свойствах, связи с фундаментальными проблемами жизни индивидов, личности, групп, организаций, повседневности, провозглашены положения о новых отраслях психологического знания и исследования времени – хронопсихологии, социальной психологии времени. Для нашей концепции особенно важно, что в этих работах имеется выход на междисциплинарность изучения проблемы времени, анализ его как единства объективного и субъективного, связи времени и возраста, жизненного пути человека, его самореализации.

Особо следует сказать о социальной психологии времени групп, поскольку ее проблематика оказывается очень близкой к исследуемой нами проблеме времени социальной общности. Среди положений, выдвигаемых социальными психологами, отметим, в первую очередь, идею превращения времени во все более важный ресурс совместной жизнедеятельности группы и тезис о роли временных категорий в формировании групповой идентичности и «воображаемых сообществ». Кроме того, важным является понимание социально-психологических механизмов, лежащих в основе конструирования групповых представлений о прошлом и будущем, а также влияния формирующегося группового отношения к будущему на интегрированность группы и эффективность совместной деятельности.

¹ Carmi N. Caring about tomorrow: future orientation, environmental attitudes and behaviors // *Environmental Education Research*. – 2012. – No 1. – Pp. 1–15.

² Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. – СПб., 2001 ; Головаха Е. И., Кроник А. А. *Психологическое время личности*. – М., 2008 ; Нестик Т. А. *Социальная психология времени*. – М., 2014 ; Петровский А. В. *Психология и время*. – СПб., 2006.

Следует согласиться с социальными психологами, что до сих пор не предложено концепции, описывающей структуру отношения к времени в группах и увязывающей ее с собственно групповыми социально-психологическими процессами. Остается неисследованной связь отношения к времени в группе с процессами социальной интеграции и дифференциации, равно как и нераскрытой социально-психологической структурой отношения к времени в социальных группах.

Отечественные социальные психологи ставят как одну из наиболее значимых проблем учет временного фактора в управлении совместной деятельностью людей, организациями, процессами. С этим связан рост внимания к восприятию и организации времени в психологии управления, экономической психологии и других прикладных областях социальной психологии¹.

Обзор и анализ современных исследований и литературы по проблемам биологического и психологического времени дают нам основание выдвинуть предположение о том, что многие подходы к изучению и трактовкам времени в психологии близки к биологическим, тогда как социально-психологические концепции времени все больше сближаются с социологическими. В этом убеждает нас анализ ряда разработок социального времени.

В социологии проблема социального времени оставалась одной из центральных на протяжении всего развития этой науки. В истории социологии она имеет свою эволюцию, которая на рубеже XX–XXI вв. привела к появлению новых и совершенно оригинальных концепций социального времени. В них социальное время рассматривается как один из важнейших факторов социальной жизни, по своему значению и роли превосходящий многие другие.

Содержание книг, статей З. Баумана, Э. Гидденса, П. Штомпки, Дж. Урри² свидетельствует о том, что трансформация соци-

¹ Зарубин П. В., Сырцова А. *Временная перспектива и экономическая нестабильность (сравнительное исследование 2007 и 2013)* [Электронный ресурс] // *Психологические исследования*. – 2013. – Т. 6, № 32. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.07.2015).

² Бауман З. *Текущая современность*. – СПб., 2008 ; Гидденс Э. *Последствия современности*. – М., 2011 ; Штомпка П. *Социология*. Ана-

ального времени, его форм, качеств, функций приводит к изменению роли времени в жизни «текущего» социума, задает новые параметры существования человека, становится основой новых форм социального неравенства. В них проводится идея о том, что время «текущего», «мобильного» общества» неконгруэнтно времени обычного человека, живущего по законам «твердого» общества. Это время порождает не просто мир скоростей, виртуальных и реальных, но мир с особой предметной средой, наполненной «одноразовыми вещами»¹. В таком мире идентичность человека по определению нестабильна и не дает возможности найти опору в обращении к какой-то устойчивой системе ценностей, представлений, идей².

Специально подчеркнем то внимание, которое социологи придают феномену динамики социального времени. Его рассмотрение дает возможность классифицировать типы и виды времени, изучить способы их взаимодействия и смены. Наряду с общетеоретическими размышлениями о социальном времени осуществляется его анализ на микроуровне, т. е. он привязывается к конкретным социальным общностям. Это дает возможность рассмотреть механизмы влияния социального времени на различные виды жизнедеятельности социальной общности. Отмеченные тенденции в развитии зарубежной социологии социального времени нашли отклик у отечественных социологов. Вместе с тем в современной российской социологии развиваются собственные оригинальные подходы к изучению социального времени³.

Особую группу составляют немногочисленные публикации, в которых рассматривается проблема нелинейности в рамках

лиз современного общества. – М., 2005 ; Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, 2000. – London, N.Y., 2000.

¹ Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century*, 2000. – London, N.Y., 2000.

² Бауман З. *Текущая современность*. – СПб., 2008.

³ Семенова В. В. *Социальная динамика поколений: проблема и реальность*. – М., 2009 ; Штомпель Л. А. *Смыслы времени*. Ростов н/Д, 2010 ; Ярская В. Н. *Калейдоскоп времени. Следы биографии*. – М., 2015.

социологического дискурса¹. Большой интерес к нелинейному социальному времени проявляют представители смежных с социологией наук (социальной философии, культурологии, истории), а также социальной синергетики². Для реализации нашего замысла существенное значение имеют положения вышеназванных работ, касающиеся сущности и качеств нелинейного социального времени – текучести, мобильности, многоструктурности, разновекторности, мгновенности, вероятности, напряженности. Именно эти качества позволяют анализировать возникающие противоречия, дисхроноз биологического, психологического, социального времени.

Социологический подход к проблеме социального времени сближает с социально-психологическим подходом интерес к восприятию и переживанию времени сквозь призму социальных эмоций. Время не просто осознается и понимается людьми, оно эмоционально переживается ими. Отношение к времени выражается в целом спектре эмоциональных состояний индивида, группы, социальной общности – тревогах, страхах, надежде, ностальгии, безразличии³.

Недостаточно разработанной в современной западной и отечественной социологии нам представляется проблема времени социальной общности. Однако для развития теории социальной общности и социологии времени требуются новые трактовки темпоральных общностей (поколений, когорт, возрастных общностей). Их поиску посвящены современные работы ряда авторов⁴.

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. На перекрестке естественно-научного и социологического знания: опыт исследования одной проблемы // *Социологические исследования*. – 2015. – № 9. – С. 14–21 ; Кравченко С. А. *Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота*. – М., 2015.

² Алюшин А. Л., Князева Е. Н. *Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени*. – М., 2012.

³ Желтикова И. В., Гусев Д. В. *Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология*. – Орел, 2011.

⁴ Рождественская Е. Ю. *Биографический метод в социологии*. – М., 2012 ; Семенова В. В. *Социальная динамика поколений: проблема и реальность*. – М., 2009.

Представленный выше анализ отражает современный мировой и отечественный уровень научных достижений в разработке проблемы времени в биологии, психологии, социальной психологии, социологии. Вместе с тем, по нашему мнению, он позволяет определить соответствие авторской концепции тенденциям современных исследований. Она не воспроизводит и не повторяет зарубежных и отечественных достижений, но закрывает «лакуны», имеющиеся в них, расширяет возможности исследования в обозначенных зарубежными и отечественными авторами направлениях.

Создание концепции единства и противоречивости биологического, психологического и социального времени социальной общности способствует объяснению и поиску путей разрешения противоречий между тремя основными формами времени, формированию представлений о значимости темпоральных факторов в жизни социальной общности и общества в целом. Концепция позволяет развивать социологию времени, теорию социальной общности, методологию и методику исследования темпоральных процессов путем использования достижений биологической и психологической наук в области изучаемых проблем. Познавательные и научно-исследовательские возможности концепции имеют не только существенное научное, но и практическое значение – при условии взятия на вооружение его результатов соответствующими управленческими органами и властными структурами, заинтересованными в оптимизации поведения социальных общностей. Это будет означать выявление новых ресурсов социального управления.

§ 1.3. Социологический подход к исследованию времени социальной общности

Проблема времени социальной общности в социологическом и, более широко, социально-гуманитарном знании является малоразработанной. При рассмотрении этой проблемы, когда речь заходит о времени социальной (профессиональной, образовательной, этнической, семейной и иных) общности, оно очень часто подменяется временем человека (индивидуальным временем). Последнее изучено гораздо лучше, оно достаточно известно и исследовано философами, психологами, экономистами,

юристами, социологами, культурологами, антропологами. Представители иных наук (областей знания) имеют дело с временем общества. Здесь следует, в первую очередь, назвать историков и широко известную, многократно поднимаемую многими из них проблему исторического времени. Стоит также отметить, что в сферу исследования некоторых названных выше отраслей знания попадает время и человека, и общества. Это касается, в частности, экономической и правовой наук.

Что касается времени социальной общности как предмета специального исследования, то оно остается «за кадром» конкретного (предметного) научного изучения. Ответ на вопрос, кто должен этим заниматься, находится в тесной связи с ответом на другой вопрос: представители какой науки исследуют социальную общность как субъект социального действия (социальной деятельности)? По нашему мнению, это должны быть социологические и тесно связанные с ними социально-психологические исследования, посвященные теориям и практикам социальной общности¹.

В рамках именно этих двух наук – социологии и социальной психологии – заметны наиболее серьезные трактовки социальной общности. Не меньше, а возможно, и больше внимания было уделено представителями данных наук проблеме социального времени в его самых различных ипостасях. Так что благоприятные возможности органического соединения, глубокой интеграции проблем социальной общности и социального времени и их исследований в социально-гуманитарных науках реально имеют место.

Эти возможности обусловлены существующими в социологии и социальной психологии интересными и имеющими длительную историю исследованиями времени человека, рассматриваемого как в социальном, так и в психологическом ракурсе. В трактовке времени общности и времени человека, наряду с наличием ряда общих аспектов, заметны и значительные различия. Отсюда следуют, по меньшей мере, два необходимых для начала анализа этой проблемы вопроса: 1) что общего между

¹ Зборовский Г. Е. Теория социальной общности : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009.

временем социальной общности и временем человека; 2) чем они отличаются друг от друга?

Начнем с первого. И тот и другой типы времени являются необходимым способом и столь же необходимой формой бытия обоих социальных субъектов – общности и человека. Каждый из этих субъектов характеризуется в своей жизнедеятельности совпадающими (по крайней мере, по названию) этапами и фазами темпорального характера: рождение (зарождение), становление, функционирование, старение, смерть (исчезновение). Используются и иные понятия, которые по своей сути тоже являются темпоральными: детство, юность, зрелость, старость. Эти этапы характеризуют вертикальную структуру времени, показывают его вектор, направленность – в соответствии с темпоральным «движением», «перемещением» социального субъекта.

Вместе с тем следует отметить неодинаковую временную протяженность и различные временные «отметки» и границы каждого из названных этапов у рассматриваемых субъектов (это суждение касается уже второго вопроса). У человека хронология его жизнедеятельности охватывает диапазон от мгновенного – почти в прямом смысле слова (не по Урри) – времени рождения и смерти до достаточно длительного, многолетнего времени «прохождения» всех остальных этапов. У общности мгновенность (краткость) времени как таковая отсутствует, она в хронологическом отношении проживает длительные, иногда очень длительные этапы (например, этническая общность или имеющая долгую историю профессиональная общность). Рождение же и исчезновение общности, в отличие от ее конкретного представителя, приобретают характер зарождения и исчезновения как растянутых во времени и постепенных процессов.

Что касается горизонтальной структуры времени человека и общности, то и здесь имеет место как общее, так и различное. Во многом это объясняется тем, что социальные общности включают в себя людей, близких по ряду параметров друг к другу. Это могут быть демографические параметры (дети – дошкольники, дети – школьники начальных, средних, старших классов), параметры профессиональной деятельности (те, кто идентифицирует себя с той или иной профессией по роду производственной деятельности), параметры национально-этнической принадлежно-

сти (относящие себя к одной и той же национально-этнической общности) и т. д. Понятно поэтому, что если мы рассматриваем особенности времени человека – представителя конкретной социальной общности, то и темпоральные характеристики самой этой общности будут иметь немало общего с соответствующими характеристиками человека.

Подобные суждения уместны и в отношении структуры времени обоих социальных субъектов – человека и общности. Так, говоря о конкретном представителе социально-профессиональной общности, мы выделяем в одном из вариантов структурирования его времени рабочее и внерабочее время, в рамках последнего – время удовлетворения физиологических потребностей, бытовых потребностей, свободное время. Аналогичному анализу может быть подвергнуто время социально-профессиональной общности в целом.

В отечественной социологии и экономической науке проводились в последней трети прошлого столетия исследования бюджетов времени некоторых социально-профессиональных общностей, жизнедеятельность которых имела достаточно проблемный характер с точки зрения отсутствия в ней разумных пропорций между отдельными структурными элементами времени. Так, подвергался ряду исследований бюджет времени учителя, одной из причин проведения которых был ненормированный рабочий день (такая же рабочая неделя), а также переизбыток рабочего и большой дефицит свободного времени.

Вместе с тем, говоря о соотношении времени человека и времени социальной общности, мы должны понимать, что полного тождества между ними нет и быть не может. Даже в приведенном выше примере с временем учителя как социально-профессиональной общности можно увидеть значительные различия между пропорциями временных расходов у ее отдельных представителей. Одни из них работали, как показали исследования, по 50–60 часов в неделю (что дало нам в тот период – 1970–1980-х гг. – основание сравнивать продолжительность их рабочей недели с величиной рабочего времени руководителей заводов и начальников крупных цехов), другие – намного меньше, укладываясь в нормативные показатели 40 часов недельного

труда¹. Не меньшие, а иногда и большие расхождения фиксировались относительно затрат времени, связанных с удовлетворением физиологических, бытовых, досуговых потребностей. Здесь многое уже зависело от объема учебной нагрузки, состава семьи, наличия мужа (жены), маленьких детей и пожилых родителей, характера жилья, его бытового обустройства, необходимых удобств и т. д.

Различия между временем человека и временем социальной общности могут быть обнаружены в единицах его измерения. У человека – это секунды, минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы. Для социальной общности дробные единицы измерения (секунды, минуты, часы) вряд ли могут иметь большое значение. Слова популярной песни из кинофильма «17 мгновений весны» «Не думай о секундах свысока» значимы, прежде всего, для человека, причем сегодня гораздо больше, чем раньше. Те единицы измерения, которые для времени человека являются максимальными, – годы, для времени многих социальных общностей оказываются начальными.

Сходства и различия между временем человека и временем социальной общности обусловлены в значительной степени видом (типом) и особенностями последней, ее темпоральными характеристиками. Некоторые социальные общности оказываются вообще темпоральными по своей природе. Такими, в частности, являются возрастные группы, когорты, поколения. Приведем на этот счет суждение В. В. Семеновы: «Все возрастные характеристики по своей сути являются функцией времени. Отношения между отдельными жизненными событиями во времени требуют привлечения временных понятий скорости, последовательности событий в жизненном опыте индивидов от рождения до смерти. Поэтому при концептуальном рассмотрении поколений проблематика социального времени является исходной базовой категорией». При этом автор оговаривается, что ее интересуют, прежде всего, не общеполитические концепции времени, а «проблема времени в приложении к поколенческой проблематике – “время, переживаемое коллективно”, или как коллективный опыт про-

¹ Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М. : Гардарики, 2005.

живания времени становится основой поколенческого единства»¹.

Таким образом, можно считать, что существует определенный тип социальных общностей, базирующихся на темпоральной основе их возникновения и функционирования, независимо от того, каких темпоральных стратегий поведения придерживаются люди, входящие в эти общности. Это, прежде всего, возрастные, когортные и поколенческие общности. Поскольку же абсолютно все люди являются их членами, постольку каждый человек становится субъектом, носителем и возрастного, и когортного, и поколенческого времени. Не существует вне времени (в том числе конкретизированного таким образом) ни одного человека. Это суждение, по-видимому, столь же справедливо, сколь справедливо утверждение М. Хайдеггера о том, что «не существует времени вне человека»².

Цитируя немецкого философа, мы не раскрываем многочисленных дискуссий с его позицией и иных точек зрения на этот счет, согласно которым время существует и вне человека (такая полемика не является нашей задачей), а говорим лишь о справедливости, по нашему мнению, утверждения Хайдеггера. Справедливость в данном случае означает наше согласие с этой позицией, признание ее соответствующей истине, реальному, действительному положению дел, правильность, верность приведенного суждения – разумеется, в соответствии с нашим представлением на этот счет.

Более того, в рамках нашей концепции времени социальной общности мы могли бы содержательно экстраполировать позицию немецкого философа и выдвинуть суждение, согласно которому не существует времени не только вне человека, но и вне социальной общности, равно как – добавим при этом – не существует социальных общностей вне времени. Вместе с тем это утверждение не означает тождества времени человека и времени

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений. – М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. – С. 27.

² Heidegger M. Time and Being. – N.Y. : Harper and Row, 1972. – P. 16.

социальной общности. Более того, оно предполагает поиск различий между ними.

Выше говорилось о том, что темпоральные характеристики поколенческой общности (равно как возрастной и когортной) и ее (их) конкретного представителя, несмотря на наличие совпадающих моментов, все же различаются. При такой постановке проблемы мы видим еще один аспект различий между временем человека и временем социальной общности. Дело в том, что в течение жизни человек может относиться к разным поколениям (как формам социальной общности), переходя последовательно от одного к другому и приобретая темпоральные характеристики каждого нового поколения (это же касается возраста и когорт).

Что касается социальной общности, то она включает в себя одновременно целый ряд поколений (равно как возрастных и когортных общностей). В этом случае время человека несет на себе особенности и того поколения, возраста, когорты, в которых он находится в какой-то период своей жизни, и той (тех) социальной общности, представителем которой (которых) выступает в этот период. Другими словами, происходит известное наложение на время жизни человека темпоральных особенностей и его конкретного поколения (возраста, когорты), и тех социальных общностей, в рамках которых он функционирует в данный хронологический отрезок.

Тогда справедлива и иная постановка вопроса: происходит ли подобное наложение темпоральных характеристик поколенческой жизни человека на время его социальной общности (социальных общностей)? Думается, что ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительным.

Представим демографическую ситуацию, характеризующуюся резким численным ростом молодого поколения, будь то школьники, студенты или выпускники учебных заведений, в большем количестве, чем совсем недавно, заполняющие рабочие места, а также места в образовательных организациях. Первое следствие этого процесса сразу бросается в глаза: школы в этот период нуждаются в новом притоке учителей. Это означает для данной социально-профессиональной общности, государственных структур, связанных с образованием, необходимость ее пополнения и поиска ресурсов для такого процесса.

Но это далеко не все последствия поколенческих изменений. Мы затронули лишь их количественную характеристику. Однако каждое новое поколение несет в себе глубокие качественные особенности, связанные с мировоззренческими, ценностными, культурными и иными аспектами деятельности, приобретающими подчас стратегическую для данной общности направленность. Последняя не может не быть связанной с темпоральными проблемами поведения генерационной (поколенческой) общности, которые, как мы уже отмечали, накладываются на деятельность любой иной социальной общности. Ибо каждое новое поколение несет с собой не просто ветер перемен, это ветер нового времени, нового восприятия времени, нового отношения к нему. Время меняет поколения, а поколения меняют время, рожают новые темпоральные способы деятельности и взаимоотношений между людьми, новые способы его восприятия.

Важной особенностью социальных общностей является их стремление к локализации, в первую очередь, к социально-пространственному обособлению. Однако локализация социальных общностей возможна не только в социальном пространстве, но и в социальном времени. Оно выступает как форма и способ бытия социальных общностей, являющихся необходимыми условиями человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития с учетом различных темпоральных характеристик общественных процессов. В этом определении выражено стремление соединить горизонтальный и вертикальный срезы социального времени посредством связи структурного и исторического подходов к деятельности социальных общностей.

Любая социальная общность, взятая как порознь, так и во взаимосвязи с другими общностями, локализует свою историческую и актуальную деятельность в социальном времени. Не будем забывать о том, что социальные общности являются исторической реальностью, осмысление которой поэтому должно охватывать основные этапы их развития, того, что выше мы называли жизненным путем. Выразить эти этапы и тем самым показать специфику изменения социальной общности можно только с помощью фактора времени.

Социальное время общности может быть рассмотрено как единство целостности и расчлененности. Оно целостно постольку, поскольку вся жизнь социальной общности проходит в изменениях, характеризующихся временными параметрами – длительностью, продолжительностью, последовательностью, чередованием, ритмом. Вместе с тем социальное время расчленено, дифференцировано, структурировано. В этом находит свое отражение феномен расщепления жизни социальных общностей по сферам, видам деятельности, процессам, отношениям.

Временная (в том числе метрическая) характеристика социальной общности связана, конечно же, с продолжительностью ее существования, что является, кстати сказать, одним из критериев классификации общностей (длительно существующие, создающиеся на небольшой срок). Временные аспекты социальной общности столь же непреложны, сколь и пространственные. И те и другие являются обязательными формами ее функционирования.

Сроки, продолжительность существования социальной общности влияют на степень ее устойчивости и восприятия этой устойчивости членами общности. Стабильность и фундаментальность социальной общности формирует у ее членов уверенность в поддержании сложившихся отношений, социального порядка, своеобразное чувство оптимизма. Вместе с тем сохранение длительных сроков существования некоторых социальных общностей вызывает у отдельных категорий людей пессимизм и неверие в возможность позитивных преобразований тех или иных социальных порядков (например, многолетнее пребывание у власти политической партии, полностью подчиненной авторитарному режиму). Поэтому психологические факторы восприятия временных параметров социальной общности не могут не оказывать влияние на особенности ее функционирования.

Временные характеристики социальной общности являются показателем определенной тесноты и плотности внутриобщностных отношений. Общая тенденция состоит в том, что чем продолжительнее период функционирования социальной общности, тем более тесными и плотными являются отношения и взаимодействия внутри нее.

Вместе с тем вполне уместна и иная позиция, в соответствии с которой может быть проведена определенная аналогия между живым организмом и социальной общностью. Эта аналогия тем более оправдана, что саму социальную общность целесообразно рассматривать в качестве живого организма. Смысл же аналогии в том, что, как и любой живой организм, социальную общность можно характеризовать сквозь призму прохождения фаз (стадий) рождения, становления, функционирования, старения, умирания.

Стало быть, при таком подходе временные параметры социальной общности приобретают циклическую форму. Однако это означает тенденцию не только усиления плотности и тесноты внутриобщностных связей и взаимодействий по мере увеличения сроков функционирования социальной общности, но и возможного ослабления названных отношений.

Благодаря социальному времени возникает возможность совершенно специфической локализации социальных общностей не в историческом, а в актуальном плане. Прежде чем говорить об особенностях этой локализации, обратим внимание на то, как связаны социальные общности со «своим» временем, что выступает в роли «посредника» между ними. На такую роль может претендовать только то, что подлежит самой многообразной структурной расчлененности. В обществе есть лишь один подобный «претендент» – деятельность различных социальных общностей. Рассмотрим ее временную структурированность.

Следует отметить, что в обществе существует ряд структур социального времени. Некоторые из них обусловлены спецификой основной деятельности социальной общности, которая выступает в качестве субъекта социального времени. Так, если речь идет об обучающихся (школьниках, студентах), то основными элементами их социального времени являются учебное и внеучебное (в рамках последнего и свободное) время. Для социальных общностей, занятых производственной деятельностью, характерны другие элементы социального времени – рабочее и вне рабочее (в рамках последнего – свободное) время. Очевидно, что иные временные структуры будут характеризовать жизнедеятельность таких социальных общностей, как дошкольники, пенсионеры.

Названия структурных элементов социального времени определяются и спецификой наук, изучающих его. Так, педагогика не оперирует понятиями рабочего и вне рабочего времени, обращаясь лишь к учебному и внеучебному времени, а, скажем, наука трудового права выделяет в качестве своих узловых понятий время труда и время отдыха.

Далеко не все социальные общности «вписываются» в подобные временные структуры. К примеру, относительно этнических общностей, равно как и социально-территориальных, они «не работают» вообще. В их исследовании должны быть применены иные критерии. Для многих социальных общностей основанием структурирования социального времени является удовлетворение основных групп потребностей – физиологических, бытовых, социальных, интеллектуальных. Но, о каких бы структурах социального времени ни шла речь, каждая из них, рассмотренная в рамках социологического анализа, способна дать четкое «количественное» представление о специфике образа жизни данной социальной общности, особенностях ее функционирования в сравнении с другими (сопоставимыми) общностями.

Этому способствует то обстоятельство, что временные характеристики социальной общности могут быть выявлены и под совсем иным, сугубо социологическим и эмпирическим углом зрения. Здесь на помощь приходит известный количественный метод социологического исследования, связанный с изучением бюджетов времени. Благодаря применению этого метода и проведению соответствующих исследований выявляются количественные затраты времени на те или иные виды деятельности. Соотношение временных расходов на них составляет бюджет времени, выступающий своеобразным количественным и структурным эквивалентом образа жизни той или иной социальной общности, прежде всего такой ее разновидности, как групповая общность.

Бюджет времени – это распределение времени суток, недели, месяца, года (суточный, недельный, месячный, годовой бюджет) по различным видам деятельности. Его изучение дает богатейший материал для анализа и реального знания многих проблем социальной общности, которые могут успешно решаться на базе конкретных представлений о затратах времени и по-

иска на их основании его резервов. Рационализация социальных процессов немислима, по большому счету, без выявления бюджета времени самых различных социальных общностей.

В целом можно сказать, что «язык» времяпрепровождения – один из наиболее четких, объективных, количественно выраженных и репрезентативных социологических «языков», имеющий универсальный характер. Однако сейчас он используется крайне недостаточно. А ведь за каждой строкой бюджета времени, за каждой временной затратой стоят живые люди с их интересами, ценностными ориентациями и, главное, конкретными видами деятельности. Поэтому изучение бюджета времени различных социальных общностей дало бы богатейший материал для социологического анализа многих вопросов, в том числе и управленческого характера.

Проблема упирается в понимание того, что означает управление временем, темпоральностью социальных общностей, насколько оно возможно и целесообразно, как могут сочетаться в нем свобода и необходимость, какие механизмы могут и должны быть созданы для оптимального осуществления этого процесса.

Понимание специфики социальных общностей с точки зрения временной локализации их деятельности создает возможность перехода с макросоциологического на микросоциологический уровень анализа данной проблемы. Этот переход становится еще более эффективным, когда временной фактор рассматривается не изолированно, а в единстве с пространственным.

Пример такого совместного их рассмотрения приводит Э. Гидденс. Он отмечает, что деятельность социальных общностей, занятых на производстве, «зонирована» как во времени, так и в пространстве. «Зона» их ежедневного рабочего времени – с 9 до 17 часов, она же включает в себя пространственные перемещения между домом и работой. Когда анализируется контекст социального взаимодействия, полезно рассматривать движение общностей во времени-пространстве. Социальные географы, говорит Гидденс, ввели интригующее понятие конвергенции (сближения, соединения) времени-пространства, чтобы видеть, как социальное развитие и технологические изменения влияют

ГЛАВА 2 Категория времени в современном понимании

§ 2.1. Категориальный анализ времени

В литературе по проблемам времени не ощущается недостатка в трактовках его понятия, структуры, функций, связи с другими столь же широкими категориями (материей, движением, пространством), т. е. того, что составляет поле его категориального анализа. Однако он осуществляется преимущественно в рамках общеметодологических и философских исследований. Между тем в последние годы наблюдается растущий интерес к категории времени со стороны иных, более конкретных, чем методология и философия, научных дисциплин. К их числу относится социология.

Целью данного параграфа является рассмотрение специфики социологического подхода к категориальному анализу времени. Поскольку его поле является достаточно широким, мы сосредоточим наше внимание лишь на некоторых аспектах поставленной проблемы, включая: трактовку специфики самого социологического подхода, понятие времени, его форм и видов, их классификации, соотношение биологического, психологического и социального времени.

Что означает категориальный анализ времени с позиций социологического подхода? Во-первых, акцент на социальной форме времени (в сравнении с такими его формами, как историческое, психологическое и др.). Во-вторых, активное использование методологии исследования времени применительно к его социальной форме. В-третьих, трактовку соотношения социального времени с другими рядоположенными формами времени: биологическим, психологическим, историческим и др. В-четвертых, учет социального во времени и характеристику с этих позиций его понятия, структуры, форм, видов, их классификации. В-пятых, использование темпоральных характеристик и в целом фактора времени как одного из основных в анализе социальных явлений и процессов. В-шестых, рассмотрение в качестве «носителя» социального времени социальной общности как главного субъекта социального действия. В-седьмых, выявление

на образцы деятельности социальных общностей и индивидов¹. Далее английский социолог приводит интересные данные, касающиеся пространственной миграции в городах, которая сопровождается «миграцией» во временных зонах – вечерней и ночной. Оказывается, что в США ежедневно 30 млн человек ведут активный образ жизни ночью, и даже тогда, когда она «умирает» – от 3 до 5 часов утра – свыше 10 млн человек продолжают оставаться на ногах².

Таким образом, рассматриваемое взаимодействие различных социальных общностей может быть охарактеризовано с точки зрения взаимосвязи временной и пространственной локализации их деятельности. Каждая социальная общность, обладающая собственной пространственно-временной структурой деятельности, оказывается связанной не просто с иными общностями, но и с их пространственно-временными структурами. Накладываясь друг на друга, пересекаясь, эти структуры создают сложную картину социального пространства-времени каждой социальной общности, равно как и общества в целом.

Более 20 лет назад З. Бауман писал: «Время больше не река, а скопление запруд и омутов...»³ Возможно, что эти «запруды» и «омуты» на пути течения реки времени создаются временем отдельных социальных общностей. Время индивида, конкретного человека слишком незначительно для того, чтобы создавать такие «запруды» и «омуты»; время общества – слишком масштабно для такого действия, оно, скорее, может просто изменить ход и направление течения, резко ослабить или резко усилить его (революции, контрреволюции и прочие турбулентности). «Запруды» и «омуты» – как раз для социальных общностей, которые могут оказывать темпоральными характеристиками своей деятельности влияние на течение реки времени, «перегораживая» его, создавая барьеры на ее пути или расчищая от завалов, открывая тем самым возможность быстрому, скоростному движению социальных процессов развивать все общество.

¹ Giddens A. Sociology. – Cambridge : Polity Press, 1989. – P. 106.

² Там же. P. 110.

³ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 143.

возможностей управления социальным временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей.

Темпоральный анализ деятельности социальных общностей, начатый нами несколько лет назад¹, требует своего углубления за счет выявления связи и взаимодействия различных форм времени, присущих этим общностям. В качестве основных форм времени мы рассматриваем биологическое, психологическое, социальное время. Остановимся кратко на самой проблеме их соотношения.

Прежде всего объясним, почему выбраны именно эти формы (виды) времени. Их ведь намного больше. В исследованиях рассматриваются, помимо названных, физическая, физиологическая, астрономическая, геологическая, археологическая, историческая и многие другие формы времени². Обратим внимание, что эти формы времени, даже чисто терминологически, тесно связаны с науками, их изучающими. Само же время, его многочисленные формы характеризуют процессы, происходящие в неорганической, органической природе, в человеческом обществе, в сознании и поведении людей.

Поэтому при классификации различных форм и видов времени нужно исходить, по мнению ряда авторов, первоначально

¹ Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Управление темпоральными стратегиями поведения профессиональных общностей: проблемы и возможности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5. – С. 15–21 ; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 61–71.

² Балацкий Е. В. Понятие времени в экономической науке // Вестник Российской Академии наук. – 2005. – Т. 75, № 3. – С. 224–232 ; Алексеев В. П. Вектор времени в таксономическом континууме // Вопросы антропологии. – 1975. – Вып. 49. – С. 65–77 ; Владимиров Ю. С. Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий. – М. : МГУ, 1982. – 712 с. ; Дзуба С. В. Онтология В-теории времени и гипотеза о психофизиологической природе течения времени [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/dzuba_ontology.htm (дата обращения: 09.03.2016) ; Чернышева М. П. Временная структура биосистем и биологическое время. – СПб. : «Написано пером», 2014. – 172 с.

из основных форм и видов материи и сознания, которым имманентно присущи различные формы и виды времени¹. Это – одна из основных и, вместе с тем, хорошо известных методологических характеристик, которую достаточно широко используют сторонники материалистического мировоззрения при изучении времени. Будем считать указанное соответствие базовым (или одним из базовых) критерием классификации форм и видов времени.

Данный критерий является материалистическим по своей сути, и уже только поэтому не может быть абсолютизирован, а должен быть дополнен рядом других. Так, для темпоралистов (специалистов, изучающих обширную проблематику времени) стало аксиомой, что не только бытие и сознание в их разных проявлениях детерминируют временные процессы. Скорее даже наоборот, само время, благодаря присущим ему качествам и свойствам, линейным и нелинейным характеристикам, способно влиять на происходящие события и трансформации, а в ряде случаев и определять их.

Отсюда следует традиционный для науки вопрос, на который пока нет четкого и определенного ответа, – о природе времени. Известный отечественный специалист в области изучения темпоральной проблематики А. П. Левич полагает, что понятие природы времени означает указать на его природный референт, «носитель» в материальном мире, свойства которого могли бы быть соотнесены, отождествлены или корреспондированы со свойствами, приписываемыми феномену времени².

Из этого принципиального суждения вытекает, по меньшей мере, два следствия: во-первых, необходимость ответа на вопрос, что такое время, во-вторых, определение критериев классификации его форм и видов и рассмотрение самих этих классификаций. Убедительного ответа на первый вопрос пока нет (есть

¹ Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – М. : Наук, 1977. – 191 с.

² Левич А. П. Природные референты «течения» времени: становление как изменение количества субстанции // Ежегодник Института философии РАН «Философия науки». – Вып. 6. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2000. – С. 48–53.

только многочисленные попытки это сделать). Что касается второго, то здесь существуют различные подходы.

Но вначале выскажемся по поводу общего определения времени: его нет, точнее, нет общепринятой дефиниции, которая признавалась бы научным сообществом как доминирующая. Есть многочисленные попытки (идушие от эпохи Аристотеля) ответить на вопрос, что такое время. Однако среди тех, кто задается подобным вопросом, мы встречаем либо отказ скольконибудь убедительно ответить на него, либо такие попытки это сделать, которые встречают серьезные дискуссии в научном сообществе.

В связи с этим хотелось бы упомянуть об одной из новых попыток определения времени, предложенной в 2012 г. Она принадлежит израильскому ученому Э. Левин, автору небольшой, но концептуальной работы «Пространство-время в высоко развитых биологических системах». Вначале Левин полемизирует с почти совпадающими между собой трактовками времени Н. И. Лобачевского и В. И. Вернадского, которые определяли время как «движение одного тела, принимаемого за известное, для сравнения с другим»¹. Затем она предлагает и обосновывает собственную позицию в отношении этой базовой категории, вводя в понятие «время» сущность более общего порядка – «обобщенное время». Ее определение времени выглядит так: «В наиболее общем виде назовем “обобщенным временем” любой способ упорядочивания определенных событий или процессов»². По мнению Левин, такая дефиниция позволяет определить в рамках единого понятия все ныне существующие разнообразные и противоречивые определения времени³.

Не вдаваясь в полемику с таким подходом, отметим лишь, что время как способ бытия трактовали достаточно давно, по крайней мере у Аристотеля это уже было. В предложенном выше варианте способ бытия можно интерпретировать как способ

¹ Вернадский В. И. Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР. 7 серия. ОМОН. – 1932. – № 4. – С. 511–541.

² Левин Э. Пространство-время в высоко развитых биологических системах. – Jerusalem : Health and Healing LT, 2012. – С. 42.

³ Там же. С. 62.

упорядочивания событий или процессов, с чем в принципе можно и не спорить. Но что отсюда следует? Получаем ли мы ответ на вопрос о природе времени и его «носителе»? Отрицательный ответ очевиден и не требует специального доказательства, равно как не нуждается в нем такой же негативный ответ на вопрос о критериях классификации времени, его форм и видов.

По нашему мнению, ответ на вопрос о критериях классификации форм и видов времени нужно искать как за «пределами» времени, в его материальных и нематериальных носителях (косная, живая материя, сознание, мышление, психика, поведение), так и в самом времени, в его тесной связи, «слитности» с временным субстратом или временной субстанцией. Применительно к социальному времени речь идет о его «слитности» с социальными субъектами, в качестве которых могут выступать индивиды, социальные общности, группы и иные элементы социальной структуры, вплоть до общества в целом.

Что касается субстрата и субстанции, рассматриваемых применительно к косной и живой материи и отделяемых при этом друг от друга, то анализ их «слитности» с временем в рамках открытых систем позволил выйти на новый уровень осмысления проблемы и создать новую концепцию времени (опубликована в 2013 г.). Ее автором является уже названный выше А. П. Левич¹.

Он начинает изложение своей концепции с утверждения о том, что время в современном знании – исходное и, вместе с тем, неопределяемое понятие. Наука не может обойтись без него, но и не в состоянии дать его строгое определение². Любой исследователь времени при его трактовке опирается на свою интуицию, неотрефлексированный профессиональный опыт. «Ответить на вопрос “Что такое время?” – значит заменить образ времени в понятийном базисе на какое-либо другое базовое понятие, опираясь на которое становится возможным обсуждать само время.

¹ Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем // Метафизика. – 2013. – Т. 2, № 1. – С. 50–73.

² Там же. С. 50.

<...> Только будучи удаленным из неопределяемых представлений, время может стать предметом научного изучения»¹.

Именно к этому – предложить, сформулировать новую трактовку времени, которая приблизила бы нас к его сущностному пониманию, и стремится ученый. Он пишет о том, что мы судим о течении времени по изменениям, происходящим вне или внутри нас. Если нет изменений, то не существует ни объективного, ни субъективного способа подтвердить течение времени².

Следовательно, главной характеристикой времени является изменчивость. Отсюда и название подхода к исследованию времени – метаболический. Саму же концепцию можно назвать метаболической или субстанциональной. Теория времени Левича, основанная на этом подходе, зиждется на тезисе (постулате) о том, что время – свойство открытых систем, и только их. Ибо только в открытых системах происходят изменения. Если система открыта, то она изменяется, т. е. в ней течет время. И наоборот, если в системе течет время, то она открыта.

Поскольку речь идет о метаболическом подходе, то возникает вопрос о метаболических объектах мира. В таком качестве выступают субстанция и субстрат. Различая их, Левич подчеркивает: субстанция – это то, что испускают источники, а субстрат – это сами источники вместе со шлейфами испущенной субстанции. Он приводит ряд примеров таких различий метаболических объектов – как из неорганической, так и из органической материи. Поскольку нас интересуют в первую очередь «живые» феномены, то приведем примеры именно такого характера.

В каждом из них рассматриваются метаболический объект, субстанция и субстрат. В первом примере метаболическим объектом выступает живая соматическая клетка, субстанцией – химические молекулы, участвующие в обмене веществ клетки, субстратом – состоящие из клеток организмы. Во втором примере рассматривается метаболический объект «популяция организмов», субстанцией в этом случае оказываются рождающиеся и умирающие особи, субстратом – сообщество видов.

¹ Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем ... С. 51.

² Там же. С. 54.

Естественно, что метаболический подход приводит к появлению понятия «метаболическое время» (наряду с понятием «метаболическое пространство»). Под ним Левич понимает «появления (исчезновения) элементов субстанции в системе»¹. Далее он пишет, что «замены элементов субстанции в системе порождают метаболическое время системы, или метаболическое движение в ее метаболическом пространстве (внутреннее движение, если субстанция порождена источниками, принадлежащими системе, и внешнее перемещение, если субстанция порождена источниками вне системы)»². Для нас представляет интерес конкретный пример метаболического времени, который приводит российский ученый: это «популяционное время, измеряемое количеством сменившихся поколений»³.

В связи с изложенной концепцией А. П. Левича и ее конкретизацией на уровне живой и косной материи возникает много вопросов, вызывающих значительный интерес в рамках социологического подхода к анализу времени. Нельзя ли представленную таким образом интерпретацию биологического времени применить (мы не говорим – экстраполировать, поскольку это будет выглядеть очень «механистично») к анализу психологического и социального времени? Другой вопрос может быть сформулирован достаточно близко к первому: применимы ли характеристики метаболического времени на субстанциональном и субстратном уровне к трактовкам психологического и социального времени? Что есть субстанция и субстрат в трактовках данных форм времени? Нельзя ли представить метаболическое время, измеряемое количеством сменившихся поколений, не на популяционном в живой материи уровне, а в рамках общества? При этом не следует забывать об основном постулате теории Левича – анализе времени в открытой системе, вне которой сама теория теряет свой смысл.

Положительный ответ на поставленные вопросы будет означать, во-первых, что и психологическое, и социальное время должны рассматриваться в системах открытого типа, во-вторых,

¹ Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем ... С. 59.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 68.

это нужно делать с учетом фактора изменчивости и текучести, заложенного в понимание времени. Если же иметь в виду, что в социологических трактовках текучесть времени¹ рассматривается как характеристика нелинейного времени, то можно допустить, что метаболическая концепция времени успешно «работает» на осмысление перехода социума от линейного к нелинейному времени.

Вернемся к поставленному вопросу: почему из всех форм времени мы остановились на биологической, психологической, социальной? Во-первых, для нас они олицетворяют (репрезентируют) «живое» время, т. е. время жизни биологической и социальной материи, которое конкретизируется в темпоральных характеристиках социальной жизни.

Во-вторых, биологическое, психологическое и социальное время во взаимосвязи и динамике показывают его основной эволюционный ряд. Эта эволюция может быть понята не только через движение от одной формы времени к другой, но и посредством анализа перехода от линейных к нелинейным характеристикам, присущим и биологическому, и психологическому, и социальному времени.

В-третьих, каждая из поименованных форм времени в нашей трактовке воплощает в себе три типа основных процессов – биологических, психологических, социальных, поскольку мы их рассматриваем применительно к конкретному типу социального субъекта – социальной общности. Мы исходим из того, что вне названных форм времени деятельность любой социальной общности не может быть осмыслена целостно на системном уровне. Это положение требует специального рассмотрения и доказательства (выходящего за пределы данного параграфа), поскольку до сих пор биологическое время социальной общности не выступало предметом специального анализа.

Исходя из приведенных трех аргументов в пользу исследования биологического, психологического, социального времени социальной общности, взятых в их единстве и противоречивом взаимодействии, мы полагаем, что такая трактовка должна носить междисциплинарный характер. Это означает необходи-

¹ Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

мость использования зарубежных и отечественных биологических, физиологических, психологических, социологических, философских и иных исследований, посвященных проблемам времени, темпоралистики, хронотопа.

§ 2.2. Опыт исследования категории времени на перекрестке естественно-научного и социологического знания

Тенденция к усилению интеграции научного знания ставит перед исследователями, занимающимися проблемами времени, ряд новых и важных задач. Одна из них – поиск возможностей использования достижений как естественно-научного, так и социально-гуманитарного знания для решения конкретных проблем социологии времени. Сегодня осуществлять социологические исследования времени социальной общности, находясь в системе исключительно социологического знания, не выходя за его пределы, становится все менее перспективным. И наоборот, расширять поиск путей обогащения социологии, обращаясь к смежным и даже не вполне смежным наукам, оказывается все более необходимым. Как мы уже отмечали, в таких условиях у социологов возникает настоятельная потребность в применении ряда междисциплинарных и предметных (дисциплинарных) подходов.

В самом общем виде они могут быть рассмотрены как естественно-научные и социально-гуманитарные. Эти подходы позволяют получить два типа знания, существенно отличающихся друг от друга, однако стремящихся к поиску точек соприкосновения во встречном движении. Имеются в виду естественно-научное и социально-гуманитарное знание. Между ними, но заметно ближе к социально-гуманитарному знанию, часто выступая как его «ипостась», «располагается» социологическое знание.

Для своего развития и обогащения оно стремится использовать и естественно-научные, и социально-гуманитарные подходы и методы. При этом первые применяются в социологии гораздо реже, чем вторые, в силу преимущественно гуманитарной направленности социологического знания, меньшей естественно-научной компетентности самих социологов, значительного содержательного отрыва естественно-научного знания от социальной проблематики и других причин.

Между тем парадокс рассматриваемой ситуации состоит в том, что социология как наука (в ее первоначальном контовском, позитивистском варианте) возникла благодаря обращению, прежде всего, к естественно-научному знанию. Речь идет в первую очередь об открытиях в математике, астрономии, физике, механике, совершенных в первой половине – середине XIX в., чуть позднее – в области биологии.

Без достижений в этих науках не могло быть и речи о появлении социологии, поскольку она изначально конструировалась, созидалась по образцу точных и естественных наук, методы же социологии должны были воспроизводить основные методы естествознания (наблюдение, эксперимент и др.). Поскольку эти методы приводили ученых-естествоиспытателей к получению нового и точного знания и установлению научных фактов, постольку именно они (методы) привлекали внимание исследователей общества. Не случайно об этом писал в самом начале XIX в. непосредственный предшественник О. Конта К. А. Сен-Симон, выдвигая в книге «Очерк науки о человеке» (1813) идею позитивного знания об обществе и человеке, знания, которого можно добиться с помощью применения подобных методов¹. Сен-Симон считал необходимым «сообщить науке о человеке позитивный характер, основывая ее на наблюдениях и разрабатывая методы, употребляемые в других отраслях физики»². Позднее этой идеей в полной мере воспользовался О. Конт.

Сказанное о методах касалось и законов общества, которые должны были, так или иначе, соответствовать законам природы, открываемым представителями естественных наук. Объективность, достоверность, доказательность, точность, строгость – вот лишь некоторые характеристики естественно-научных законов, которые распространялись на социологию. По существу сложилась ситуация, когда социальное знание должно было как бы «догонять» естественно-научное знание. Первое могло укрепить свой статус только за счет второго, оказавшись вместе с ним в одном общенаучном «доме», в котором были бы приняты еди-

¹ Сен-Симон К. А. Избранные сочинения : в 2 т. – М.-Л. : АН СССР : Институт всеобщей истории, 1948. – Т. 1. – С. 167–168.

² Там же. С. 201.

ные «законы жизни» и единые «правила игры», т. е. методы исследования.

Но, поставив перед собой высокую цель – достичь единства естественно-научного и социально-гуманитарного знания, социология так и не смогла обеспечить ее реализацию. Социологический позитивизм, а затем неопозитивизм и постпозитивизм – уже в XX в. – часто подвергались теоретической критике (не всегда, с нашей точки зрения, обоснованной), и «естественно-научная» линия творчества в социологии в конечном итоге оказалась на «задворках» ее развития. Исключение составила методика эмпирического исследования, где без применения, в первую очередь, математических методов трудно было получить значимые результаты.

Вместе с тем, когда в теоретической социологии предпринимались попытки использовать естественно-научные открытия, они приводили к достижениям весьма впечатляющего характера. Нельзя не назвать в этой связи теорий социального пространства П. Бурдьё, сетевого и информационного общества М. Кастельса, системного анализа Н. Лумана.

Так, перед Н. Луманом новые открытия в науке (в частности, достижения в биологии и нейрофизиологии чилийских ученых Х. Матураны и Ф. Варелы¹, успехи в области теории информационных систем) поставили проблему системно-теоретического мышления в иную плоскость. Было введено в научный оборот понятие аутопойесиса. Буквально оно означает самопроизводство, самотворение. Отвечая на вопрос о теоретической роли этого понятия в его социологической теории, Н. Луман говорил: «Понятие аутопойесиса первоначально было найдено в биологии и опиралось на эмпирическую основу биохимии, т. е. применялось к клеткам, затем к нейрофизиологической системе, компонентам клетки или мозга, которые сами производят компоненты этих целостностей. Химические условия жизни постоянно обновляются в самой клетке, а не вносятся извне. Электрические сигналы мозга создаются самим мозгом, а не вносятся из

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

окружающей среды через органы зрения или слуха. Внешние контакты находятся на другом уровне реальности. Такова была биологическая концепция. Я лишь полагаю, что то же самое можно сказать и о коммуникации, т. е. что коммуникация всегда предполагает, что была предшествующая коммуникация и что всегда возможна дальнейшая коммуникация, иначе говоря, коммуникативная система сама воспроизводит себя при помощи слов, языка, постоянной активности, постоянной коммуникации»¹.

По логике немецкого социолога, в обществе имеют место аналогичные процессы, что и в иных системах, прежде всего природных, и, по мнению Лумана, характерны они в основном для коммуникации. Коммуникация у Лумана выступает важнейшим элементом социальной системы. Сама по себе она незаметна, обнаруживает же себя лишь в процессе действия. Коммуникация безлична и означает установление связи и взаимодействия как минимум между двумя людьми. Поэтому она не принадлежит ни одному из субъектов отношений, стержнем которых на самом деле является. В этом смысле она изначально социальна. Сама коммуникация оперативно функционирует как единство различия информации, сообщения и понимания, они – по существу структурные элементы коммуникации.

Категория коммуникации имеет ключевое значение для теории общества Н. Лумана. По мнению социолога, ее нужно положить в основу исследования общества и тем самым переформулировать социологическую теорию на базе понятия системы вместо понятия действия. Это позволяет представить социальную систему как оперативно закрытую, состоящую из собственных операций, производящую коммуникации из коммуникаций.

Мы привели лишь один пример активного обращения социологии в конце прошлого столетия к естественно-научному знанию и его позитивного использования для получения нового и важного теоретико-социологического «продукта». Таких примеров можно привести немало, и чем ближе к нашему времени

¹ Социологические размышления: Интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 237–238.

мы будем подходить, тем больше найдем в социологии материалов такого рода, тем больше обнаружим доказательств того, что рушатся границы между физическим и социальным. Прав был Дж. Урри, когда писал, что «человеческий и физический миры тесно взаимосвязаны и их невозможно анализировать отдельно – как общество и как природу или людей и объекты»¹. Сам Урри блестяще показал перспективность такого подхода на примере исследования мобильности и поворота общества к созданию посткарбонной цивилизации². Нельзя не отметить и значительной роли постмодернизма в обращении к поставленной проблеме взаимосвязи естественно-научного и социально-гуманитарного знания, что хорошо видно из работ и самого Дж. Урри, и З. Баумана, и ряда других исследователей (о чем дальше будет сказано).

Сейчас же мы считаем необходимым перейти к специальному рассмотрению взаимосвязи естественно-научного и социально-гуманитарного знания на опыте изучения проблемы нелинейности социальных процессов и вытекающей из нее нелинейности социального времени.

В последние годы под влиянием синергетики термин «нелинейность» прочно вошел в тезаурус социальных наук и закрепился в отечественной социологии³. Популярность синергетики в социально-гуманитарном знании несколько затуманила представление о реальном происхождении и использовании понятия нелинейности, которое на самом деле разрабатывалось и до синергетики, и параллельно с синергетикой в рамках других научных направлений. По нашему мнению, было бы правильным видеть идейные предпосылки современных представлений о нелинейности в философских концепциях, противопоставивших

¹ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М., 2012. – С. 28.

² Urry J. Climate Change and Society. – Cambridge, 2011. – 200 p. ; Урри Дж. Мобильности. – М., 2012. – 576 с.

³ Кравченко С. А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО Университета. – 2008. – № 2. – С. 66–76 ; Кравченко С. А. Становление сложного социума // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 29–45.

моноцентризму полицентрическое видение социальной и культурной реальности¹.

Мы склонны полагать, что нелинейные процессы и явления представляют собой порядок, альтернативный линейному и до определенного времени существовавший в основном в скрытом, свернутом виде. В конце XX в. нелинейные явления и процессы перешли из латентного в явное, развернутое состояние и приобрели особые масштабы. Нелинейность заявила о себе как доминирующий способ организации социальной реальности, в связи с чем ее изучение было актуализировано в различных сферах научного знания. Нелинейность получила не просто свое особое толкование, но и оценку – положительную или отрицательную – в зависимости от ее влияния на состояние и перспективы развития общества.

В современном обществе, на наш взгляд, сложились объективные предпосылки усиления нелинейных тенденций, проявляющиеся в жизнедеятельности различных социальных субъектов (индивидов, социальных общностей и групп) и объектов (городов, организаций). К ним можно отнести:

1) возрастание и сохранение сложности в социальных системах различных типов и уровней организации;

2) появление новых рисков и угроз, поставивших под сомнение возможность сохранения устойчивых, предсказуемых траекторий функционирования и развития социальных систем;

3) возникновение новых социальных систем, процессов, форм жизнедеятельности социальных субъектов, которые имеют принципиально нелинейную природу. В структуре этих систем и процессов изначально заложены механизмы обострения и преодоления кризисов как способы их существования и развития;

4) существование социальных систем, имеющих возможности линейного и нелинейного развития. Для повышения своей адаптивности они реализуют сначала линейную траекторию (до

¹ Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – 703 с. ; Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с. ; Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М. : Мысль, 1993. – 1270 с. и др.

того момента, как исчерпают ресурсы линейного роста¹), а потом переходят к нелинейному ее варианту.

Важным источником, из которого исходил в XX в. гносеологический импульс к исследованию нелинейности в социальных системах, источником, во многом определившим содержание понятия нелинейности, стали естественно-научные дисциплины. Отправной точкой, конечно, послужила теория относительности А. Эйнштейна. Исследования выдающегося физика не просто открыли нелинейность мира вообще, но, что особенно значимо для нас, – нелинейность времени, и тем самым определили вектор развития естественных и социальных наук в XX и XXI вв. Время и пространство, до этого характеризовавшиеся однородностью, симметричностью, независимостью от направления движения, стали определяться как величины относительные, с изменяющимися параметрами. Время, согласно специальной теории относительности, способно замедлять или ускорять свой темп, искривляться и порождать нелинейные состояния физической реальности.

Открытия Эйнштейна послужили основой дальнейших исследований нелинейных явлений в области естествознания. Так, в 1960-х гг. появился ряд интереснейших (не только для него, но и для социальных наук) концепций, коренным образом поменявших представления о мире, частью которого выступают нелинейные социальные явления. 1960-е гг. и последующие десятилетия стали периодом, когда парадигма нелинейности смогла конкурировать с линейным взглядом на мир. Возник ряд концепций и моделей, объединенных одним названием – *теория сложности*. В нее входили: синергетика², теории динамического хаоса³,

¹ Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М. : МБА, 2013. – С. 14.

² Хакен Г. Синергетика. – М. : Мир, 1980. – 406 с.

³ Фейгенбаум М. Универсальность в поведении нелинейных систем // Успехи физических наук. – 1983. – Т. 141, Вып. 2. – С. 343–374 ; Lorenz E. N. Designing Chaotic Models // Journal of the Atmospheric Sciences. – 2005. – Vol. 62, № 5. – Pp. 1574–1587.

аутопойесиса¹, нелинейной неравновесной термодинамики и диссипативных структур², катастроф³, бутстрапа⁴ и др.

Согласно последней теории, Вселенная представляет собой сеть взаимосвязанных событий, а не совокупность фундаментальных сущностей. Дж. Чу утверждал, что в мире отсутствуют устойчивые элементы с неизблемыми свойствами, принципами и законами существования и развития. Все воплощения Вселенной текучи и изменчивы. И не только по своей природе, но и в силу особенностей воспринимающего их человеческого сознания. Обоснованию значимости наблюдателя в восприятии и понимании явлений окружающего мира уделяется в теории бутстрапа достаточно большое внимание. Дж. Чу полагал, что объективность научного знания нельзя абсолютизировать и что Вселенная предстает только такой (и таковой является на самом деле), какой ее «видит» воспринимающее и изменяющееся человеческое сознание⁵. Такое понимание роли исследователя-наблюдателя лежит в основе особого научного направления эндофизики, которое развивают О. Рёсслер, Д. Филькенштейн, К. Прибрам, А. Алишин и др.⁶ Оно созвучно социально-гуманитарному знанию, которое формируется не иначе как через призму знаний, оценок, стереотипов наблюдателя. Таким образом,

¹ Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

² Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М. : КомКнига, 2006. – 296 с.

³ Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. – М. : Логос, 2002. – 280 с.

⁴ Chew G. F. «Bootstrap»: a scientific idea? // Science. – 1968. – Vol. 161, № 3843. – P. 762–763.

⁵ Казанский Б. А. Формализация со-бытийности: бутстрап-системы в биологии, биосферологии, кибернетике и физике [Электронный ресурс] // Экогеософский альманах «Мудрость дома Земля»: О мировоззрении XXI века. – Донецк, 2007. – URL: http://www.evol.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc (дата обращения: 25.10.2013).

⁶ Алишин А. Л., Князева Е. Н. Эндофизический поворот в эпистемологии, или Попытка увидеть мир изнутри // Философия и культура. – 2009. – № 5 (17). – С. 80–91.

теория бутстрапа связывает нелинейность явлений не только с объективными законами Вселенной, но и с субъективными факторами ее восприятия.

Примерно в это же время, когда Дж. Чу разрабатывал теорию бутстрапа, создавалась концепция «складчатой» Вселенной Д. Бома, основанная на идее свернутого и развернутого порядка (implicate and explicate order). По мнению Д. Бома, свернутый («подразумеваемый», «включенный») порядок (или, как он ее называет, – «непросвеченная» реальность) скрыт, не осознается, не воспринимается человеческим сознанием. Мир, который доступен человеку, или развернутый порядок, напротив, логично фрагментирован, осмыслен, расшифрован¹. Именно совокупность «скрытых» и «развернутых» элементов и структур, их взаимосвязи формируют такое качество физического мира, как нелинейность.

Идеи текучести, множественности, многоструктурности как принципов построения и существования нелинейного мира являются основополагающими для работ Чу и Бома и с очевидностью перекликаются с идеями текучести, мобильности и нелинейности социального мира, представленными в социологических и философских работах, появившихся только на рубеже XX–XXI вв.², а также в художественных практиках (например, в архитектурной концепции «складки» в проектах Дженкса, Эйзенмана, Гери, Либескинда, Мираллес, Хекера, групп «FOA», «ARM»)³.

Выше отмечалось, что особое звучание идея нелинейности и множественности как фундаментальных характеристик всего сущего получила в синергетике. Огромный вклад в развитие

¹ Bohm D. Wholeness and the Implicate Order. Routledge&Kegan Paul, London, Boston, 1980. – 284 p.

² Bauman Z. Liquid Modernity. Polity, 2000. – 240 p. ; Urry J. Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century. – London and New York : Routledge, 2000. – 255 p. ; Делез Ж. Логика смысла. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.

³ Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.

представлений о нелинейности внесли работы Г. Хакена, И. Пригожина, И. Стенгерс. Главный посыл синергетики – поиск универсальных законов порядкообразования – позволил с определенной допустимостью проецировать результаты исследований плазмы, лазера, «химических часов» на социальные явления.

Одним из направлений синергетики является теория режимов с обострением, развиваемая российскими математиками (С. П. Курдюмов), которая нашла отражение в исследовании не только физических, но и социальных явлений. Согласно данной теории, в определенные периоды сложные системы подвержены действию особого динамического закона, когда одно или несколько их свойств безмерно увеличиваются (стремятся к бесконечности). Неравномерный рост тех или иных показателей системы есть особое проявление нелинейности. Если для физических систем нелинейно изменяющимся показателем выступает температура, то для социальных систем это может быть стремительное увеличение скорости исторического развития, плотности населения, уровней социальной иерархии¹. Системы, функционирующие в таком режиме, приобретают чрезвычайную неустойчивость, процессы, происходящие в них, становятся лавинообразными, сверхбыстрыми. Теория режимов с обострением объясняет изменение различных свойств системы.

Синергетический подход получил широкое применение в социологии. Гносеологический потенциал синергетики позволил изучать социальные процессы и явления как макро-, так и микроуровня. Кроме того, синергетика по праву может быть названа философией надежды, «ибо ее задача – не предсказывать бесконечные кризисы, которые пройдут, а указывать конструктивные способы, как их избежать»².

Синергетика влияет не только на методологию социальных наук. В рамках этого научного направления исследование соци-

¹ Куркина Е. С. Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm> (дата обращения: 05.10.2013).

² Гребенюк Е. Н. Синергетический подход в гуманитарном исследовании. – Астрахань : ИД «Астраханский государственный университет», 2011. – С. 8.

альных систем приобретает такое же значение, какое имеет изучение физических и биологических объектов. Так, И. Пригожин¹, С. П. Курдюмов², ученики последнего Е. Н. Князева, А. Л. Алюшин³ и др. с большим интересом и вниманием анализировали человеческое общество, законы и перспективы его будущего развития и возможности управления им.

Таким образом, социологические представления о нелинейных социальных явлениях и процессах на рубеже XX–XXI вв. формировались благодаря мощному импульсу, который шел от теорий и концепций, сложившихся в естествознании во второй половине прошлого столетия. Работы выдающихся ученых – Дж. Чу, Д. Бома, И. Пригожина, Г. Хакена – имели важное значение не только для физики, но и для социальных наук, поскольку коренным образом меняли представления о мире, частью которого выступают социальные явления.

По мнению М. А. Можейко, исследование нелинейности сегодня приобретает перспективы и статус магистральной проблематики благодаря сближению методологии естественных наук (прежде всего синергетики) и постмодернизма, которые он рассматривает как конгруэнтные⁴.

Общество, с позиций постмодернизма, представляет собой фрагментированное, мозаичное образование, в котором иерархические (т. е. линейные) структуры начинают уступать место сетевым, ризомным структурам. Оно характеризуется плюралистичностью, поскольку распадается на отдельные элементы и структуры, движущиеся в различных направлениях. Состояние постмодерна описывается понятиями программной хаотичности, релятивизма, нелинейным способом восприятия действительности.

¹ Пригожин И. Послание к будущему поколению // Наука и жизнь. – 2002. – № 11.

² Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб. : Алетей, 2002. – 418 с.

³ Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. – М. : URSS, 2012. – 240 с.

⁴ Можейко М. А. Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике // Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 58–67.

сти. По мнению Н. Н. Зарубиной, «постмодернисты, в отличие от приверженцев классических подходов, не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связанной картины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность»¹, они в большей степени интересуются нестабильными явлениями и неопределенностью.

Самым ярким воплощением идеи нелинейности в постмодернизме стали, по нашему мнению, работы З. Баумана, в названиях которых уже отражено понимание британским социологом нелинейности: «Текущая современность»², «Текущее время: жизнь в эпоху неопределенности»³, «Культура текущей современности»⁴, «Текущая любовь»⁵, «Текущий страх»⁶.

Текущее состояние социальных явлений означает, по Бауману, их чрезвычайную подвижность, изменчивость, «легкость». «Жидкое» состояние социальной реальности сопровождается ее ускорением, игнорированием на пути ее движения каких-либо физических или символических границ. Текучесть также выступает метафорой власти. Как жидкости при встрече с твердыми телами остаются невредимыми, но изменяют твердые тела⁷, так и «люди, что двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет»⁸.

Таким образом, с позиций концепции Баумана, линейность связана с жесткостью социального порядка, социальных струк-

¹ Зарубина Н. Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 186.

² Bauman Z. Liquid Modernity. – Polity, 2000. – 240 p.

³ Bauman Z. Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. – Polity, 2007. – 128 p.

⁴ Bauman Z. Culture in a Liquid Modern World. – Polity, 2011. – 144 p.

⁵ Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. – Polity, 2013.a. – 176 p.

⁶ Bauman Z. Liquid Fear. – Polity, 2013.b. – 188 p.

⁷ Бауман З. Текущая современность. – М. : Питер, 2008. – С. 8.

⁸ Там же. С. 130.

тур и форм, препятствующей их доминированию и развитию в соответствии с вызовами современности. Нелинейность же означает движение (мгновенное, легкое, «жизнерадостное»), неопределенность и непредсказуемость, гибкость и одноразовость.

Рост интереса к «нелинейной» проблематике вызван не только тенденциями развития и достижениями самой науки, но, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно – социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений. Объяснительные схемы естественных и социогуманитарных наук подготовили адекватное восприятие и понимание этого процесса в научном сообществе. Но они также дают знание того, как можно управлять нелинейными процессами в реальной социальной практике и регулировать поведение различных социальных субъектов в условиях нелинейной динамики социальной системы.

Даже краткий обзор подходов, теорий и концепций показывает значимость и глубину проблемы нелинейности в современном научном знании. Нелинейность трактуется как состояние или свойство окружающего мира, альтернативное линейным состояниям, свойствам и процессам. На современном этапе развития общества нелинейность усиливается и, соответственно, требует дальнейшего изучения как в плане сущностных характеристик, так и в ее темпоральных проявлениях.

В связи с рассмотренной проблемой нелинейности возникает вопрос о ее применимости к анализу социального времени. Особое значение времени придается в синергетике, где оно рассматривается как важнейший фактор порядкаобразования. Формирование сложных физических и социальных систем возможно только при условии временной когерентности (согласованности) их элементов. Целостность системы обеспечивается одинаковым «возрастом» элементов и синхронностью ритмов их развития. Флуктуации могут рано или поздно привести к асинхронности и, как следствие, к «откалыванию» отдельных фрагментов от системы.

И. Пригожин, вводя термин «переоткрытие времени», подчеркивал идею необратимости процессов, происходящих в не-

равновесных системах, а также способность таких систем запоминать прошлые состояния. В нелинейно развивающейся системе будущее неопределенно, «открыто» даже для самых маловероятных событий. Однако формирование будущего не происходит произвольно, а подчиняется определенным силам-закономерностям, которые в синергетической терминологии получили название аттракторов. Аттракторы представляют собой некие траектории – «магниты», которые наиболее соответствуют особенностям и условиям функционирования системы и, соответственно, «притягивают» ее к себе. В точке бифуркации происходит так называемое «выпадение на аттрактор»¹.

Таким образом, с позиций синергетики мир в целом, общество и все его подсистемы и элементы, в том числе социальное время, одновременно управляемы и неуправляемы. Динамические свойства времени системы подвержены универсальным закономерностям чередования порядка и хаоса, соотношение которых изменяется в бифуркационные периоды. В частности, одно из правил синергетического мировоззрения, по мнению Князевой, заключается в действии «в нужном месте и в нужном времени»² и перекликается с принципом своевременности, который отмечала К. Л. Абульханова-Славская в качестве основы для построения конструктивной стратегии жизни³.

Рассмотренные теории и концепции показывают возможность применения и продуктивность естественно-научной методологии в исследованиях социального времени, его динамики и влияния на темпоральные стратегии поведения социальных общностей и их социальное самочувствие⁴. На основе этой методологии в ее сочетании с социологическим подходом форми-

¹ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. – 1994. – № 2.

² Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. – М.: URSS, – 2012. С. 49.

³ Абульханова-Славская Л. К. Стратегия жизни. – М.: Мысль, 1991. 1991. – С. 131.

⁴ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. – 2015. – № 5.

руется проблематика нелинейного социального времени, вытекающих отсюда противоречий, связанных с переходом от линейного к нелинейному темпоральному режиму жизнедеятельности людей.

Нелинейность социального времени включает в себя множество характеристик. Первая из них – *многоструктурность* социального времени и связанная с этим *альтернативность* темпорального развития системы. Проявлением такого свойства нелинейности социального времени может быть многовариантная последовательность событий или разнонаправленность социальных изменений (прогресс, упадок, регресс, совершенствование, улучшение, тупиковые линии развития, гибель). Это качество нелинейных процессов характеризуется понятием версификации, или ветвления, перспективных траекторий развития¹.

Вторая характеристика нелинейности социального времени – *уникальность* темпоральных процессов и явлений. Нелинейные процессы и явления существуют в так называемых нерегулярных формах. Высокая степень подвижности элементов системы и доминирование фактора случайности исключают их обратимость и повторяемость. В отличие от линейной эволюции, осуществляющей переход системы в новое качество через постепенное накопление изменений (благодаря чему возможны замедления и возвратное движение), нелинейное развитие порождает принципиально новое состояние через мгновенный скачок, исключающий возврат к прежним состояниям.

Третья характеристика нелинейности социального времени – *вероятностность*. Она означает невозможность точного предсказания будущего системы исходя из ее сегодняшнего состояния. Только события настоящего имеют стопроцентную вероятность реализации. События недавнего прошлого обладают высокой степенью вероятности. События далекого прошлого и будущего имеют среднюю и низкую вероятность². Вероятност-

¹ Можейко М. А. Теория нелинейных динамик [Электронный ресурс] // Энциклопедия постмодернизма. – URL: <http://enc-dic.com/postmodern/Nelinein-dinamik-teorija-255.html> (дата обращения: 06.10.2013).

² Березина Т. Н. Время как вероятность // Мир психологии. – 2011. – № 3. – С. 30–43.

ность прошлого отражена во множестве альтернативных моделей истории, о которых писали И. В. Бестужев-Лада¹, Ю. В. Латов², И. М. Савельева и А. В. Полетаев³ и др. Вероятность социального времени используется в самой социальной практике «переписывания» истории⁴.

Последствия нелинейных темпоральных процессов могут быть двух видов – видимые и латентные. Последние в меньшей степени предсказуемы из-за своей неочевидности для воспринимающего сознания. В связи с этим нелинейность не всегда можно отличить с первого взгляда от линейности. Например, прокладывая маршрут, путешественник исходит из линейного видения пространства, определяемого особенностями визуального восприятия и плоскостным строением карты. На самом деле маршрут путешественника – это не прямая, а линия, проходящая по сферической кривой. Вот как объясняет вероятность С. А. Кравченко: «Индивид поставлен в условия жизни, когда постоянно *необходимо выбирать*, просто *нельзя не выбирать* что-то или кого-то с учетом фактора немедленного или отложенного риска. Будут ли последствия выбора благоприятные или негативные для функционирования, предсказать и тем более оценить весьма трудно, ибо интерпретации результатов сделанного выбора *варьируются в пространстве* и изменяются *во времени*»⁵.

На наш взгляд, *неочевидность* определенной части социальных процессов и состояний следует выделить как особое (четвертое) свойство нелинейности социального времени. Западно-

¹ Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 112–122.

² Латов Ю. В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? [Электронный ресурс]. – URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 05.03.2015).

³ Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2005. – 343 с.

⁴ Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

⁵ Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 60.

европейское сознание, сформированное многовековыми традициями линейного мировидения, не воспринимает многие латентные сущности нелинейности, например нелинейность социального времени. Когда же она проявляет себя с очевидностью, то воспринимается как катастрофа, вызывает всплеск эсхатологизма, алармизма, негативных социальных эмоций – страха, тревожности, неуверенности. Восточные духовные практики, ориентированные на познание неочевидного через медитацию, размышление, подготавливают человеческое сознание к восприятию нелинейности и формируют позитивное самоощущение и мировидение. Примерно ту же социальную функцию выполняют различные теории нелинейности. Известно, кстати, что Дж. Чу и Д. Бом были хорошо знакомы с буддийской философией и разрабатывали свои теории, постоянно апеллируя к ней.

Пятая характеристика нелинейности социального времени – *гибкость* – свидетельствует об органических качествах нелинейных темпоральных явлений и процессов. Метафора «жидкости», используемая Бауманом, адекватна этим качествам и отражает их нежесткий, «уступчивый» и в то же время более «жизнеспособный» характер. Разворачивающиеся в виртуальной среде процессы и явления в полной мере реализуют свойства и потенциал нелинейности, поскольку в такой среде отсутствуют привычные рамки и факторы сдерживания и стабилизации. Виртуальное время и пространство оказываются нелинейными, а значит, гибкими и раскованными.

Шестая характеристика нелинейности социального времени связана с особенностями темпоритмики. Как уже отмечалось, переход в новое качество совершается *мгновенно*. Мгновенны также превращения хаоса в организованный порядок и наоборот. Момент, когда происходит мгновенное превращение птичьей стаи в организованный «косяк» или из хаотичных, спонтанных контактов образуется очередь как особый вид социального института, назван исследователями мгновенной интеркоммуникацией¹.

¹ Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.

Мгновенность, скорость, динамизм – сущностные характеристики нелинейности, делающие темп, режим функционирования процессов и явлений рваными, скачкообразными. Временные парадоксы нелинейной реальности нашли отражение в работах Дж. Урри¹ и Ч. Дженкса². «Мгновенное», или «вневременное», время Дж. Урри – один из многообразных видов времени, существующих в современном обществе (наряду с «ледниковым», «часовым», кайрологическим). Оно объединяет вокруг себя определенные виды социальных взаимодействий и практик, образуя сгустки социальной реальности высокой плотности и напряженности. «Мгновенное» время характеризуется непредсказуемым изменением и квантовой одновременностью³.

Линейное и нелинейное время – это две темпоральные формы, в которых развивается жизнедеятельность человека и социальной общности. Динамика социального времени, вызванная переходом от линейного к нелинейному времени, оказывает противоречивое влияние на поведение и жизнедеятельность социальных субъектов, усиливая тем самым сложность современного социума. Оценить последствия темпорального перехода не так просто в силу неочевидности многих из них, разнообразия поведенческих реакций, субъективности восприятия и оценок происходящих темпоральных трансформаций. Возникают сложности и методического плана, требующие разработки инструментария, адекватного новой темпоральной реальности.

Мы полагаем, что в условиях темпорального перехода возникают новые риски и новые возможности, сочетание которых придает этому процессу амбивалентный характер. По мнению С. А. Кравченко, увеличение степени неопределенности в сложном социуме влечет за собой не увеличение беспорядка, а создание нового порядка, «к которому нужно адаптироваться, соот-

¹ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М., 2012. – 336 с. ; Urry J. *Climate Change and Society*. – Cambridge, 2011. – 200 p.

² Jencks C. A. *The Architecture of the Jumping Universe*. – Academy, London & NY, 1995. – 192 p.

³ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия ...

ответственно, необходимо научиться жить с ним»¹. Процесс адаптации к новым темпоральным условиям протекает в социальных общностях и структурах по-разному: для одних он достаточно болезненный и деструктивный, для других – позитивный, предоставляющий новые шансы и возможности. Множественность способов адаптации к нелинейному времени может расцениваться как некая норма развития сложного социума, который находится в процессе выработки нескольких оптимальных стратегий темпорального поведения для своих многочисленных подсистем, образований, структур.

Завершая параграф, мы хотели бы подчеркнуть необходимость усиления междисциплинарных исследований на стыке именно естественно-научной и социогуманитарной проблематики. Это побуждает социологов более внимательно следить за новыми открытиями в математике, физике, информационных технологиях, медицине, экологии, географии и т. д., которые могли бы обогатить социологию в теоретико-методологическом и методическом плане и, вместе с тем, показали бы возможность использования достижений нашей науки в продуцировании новых установок и ракурсов исследования как в социогуманитарном, так и в естественно-научном знании.

§ 2.3. Категория социального времени

в контексте современного социологического знания

Основная категория, составляющая концептуальную основу нашего исследования, – «социальное время». Сложность этого феномена сделало его анализ предметом междисциплинарного рассмотрения, которое должно быть осуществлено на основе раскрытия специфики и содержания различных дисциплинарных подходов. По нашему мнению, основными из них являются: философский, социально-психологический, экономический и социологический подходы.

Философский подход – наиболее ранний среди всех перечисленных – базируется на понимании времени как формы бытия, выражающей смену вещей друг другом, длительность их

¹ Кравченко С. А. Становление сложного социума // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 33.

существования, стадии их развития¹. Философское понимание времени широкое, оно охватывает различные его виды (биологическое, географическое, социальное время и др.) и проявления (темпоральные структуры, процессы, их ритмы, порядок и пр.). В философии проблема времени носит смысложизненный характер, о чем писал Н. Бердяев: «Проблема времени есть основная проблема человеческого существования. <...> Для нее [философии – прим. авт.] проблема времени есть проблема человеческой судьбы»².

Социальное время выступает базовой характеристикой общества, на основе которой строится картина мира, формируются представления о тех или иных социальных явлениях, процессах и состояниях. Социальное время, рассматриваемое с таких позиций, трактуется как необходимое условие протекания процессов человеческого познания, мышления и деятельности. Для нас в методологическом плане важна вытекающая из этого тезиса философская трактовка социального времени как критерия оценки социальных качеств людей и вещей, а также формы согласования взаимодействия социальных субъектов, обеспечивающей воспроизводство и обновление различных способов их жизнедеятельности³.

Не менее значимым для нас является социально-психологический подход, в рамках которого время рассматривается как явление, связанное со способностью личности и групп людей отражать в сознании систему временных отношений, складывающихся в окружающей среде между событиями, вещами, людьми, а также темпоральные свойства (скорость, ритмы, последовательность и пр.) психических процессов. Особенности социально-психологического подхода к анализу времени являет-

¹ Кемеров В. Е. *Время и пространство // Современный философский словарь*. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; М. ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – С. 164.

² Бердяев Н. *Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. Философия свободного духа*. – М. : Республика, 1994. – С. 283.

³ Кемеров В. Е. *Указ. соч.* С. 165.

ся учет взаимосвязи субъективного и объективного, эмоционального и когнитивного в отражении временных феноменов.

Социально-психологическая концепция времени конкретизируется в исследованиях психологического возраста, биографического времени человека, в изучении особенностей восприятия времени в различных психофизиологических состояниях и возрастных периодах, в специфических условиях различных видов деятельности¹. Значимым как для социально-психологического, так и для социологического дискурса является акцент на взаимосвязи восприятия времени и культуры, а также функциональном значении времени в регулировании поведения².

Серьезную методологическую основу изучения времени создают различные экономические теории и концепции. Необходимо заметить, что само понятие социального времени не стало предметом анализа большинства экономистов. Исключение составляют работы П. Самуэльсона (учеником которого являлся Р. Мертон) и Г. Беккера, посвященные экономике времени и трактующие его в контексте функционирования человеческого капитала и качества человеческой жизни³. В экономике, по мнению исследователей, сложилось противоречие между отсутствием системы научного знания о времени и реальной практикой временного измерения экономических явлений и процессов⁴.

¹ Мелёхин А. И. *Исследования времени в отечественной психологии: наследие и перспективы [Электронный ресурс]*. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/melehin_issledovaniya_vremeni.html (дата обращения: 11.02.2015).

² Абульханова К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. – СПб. : Алетейя, 2001.

³ Becker G. S. *A theory of the allocation of time // Economic Journal*. – 1965. – Vol. 75, № 299. Sept. – Pp. 493-517. (рус. пер. ст. см.: http://www.seinstitute.ru/Files/v3-5-becker_p82-121.pdf) ; Беккер Г. *Теория распределения времени // Вехи экономической мысли : в 6 т. / под ред. В. М. Гальперина. Т. 3. Рынки факторов производства*. – СПб. : Экономическая школа, 1999. – С. 82–121 ; Самуэльсон П. *Экономика : в 2 т.* – М. : Алгон, 1993.

⁴ Бельских И. Е. *Время как экономическая категория (к вопросу формирования экономики времени) // Экономический анализ: теория и практика*. – 2013. – № 23. – С. 19.

Между тем в центре внимания представителей экономической науки оказались производные от социального времени понятия «рабочее время», «время производства», «внерабочее время», «календарное время», «время отдыха» и некоторые другие понятия темпорального ряда: «бюджет времени», «баланс времени», «экономические циклы», «закон экономии времени» и др. Были проведены серьезные исследования структуры рабочего времени, послужившие теоретико-методологическим основанием нормирования труда. В последние годы все больше и больше внимания уделяется флексибилизации рабочего времени в условиях удаленной занятости, фриланса¹. Все эти исследования стимулировали развитие в дисциплинарных рамках экономической науки тайм-менеджмента – научно-практической области знания об управлении временем субъектов экономической деятельности.

Именно в тайм-менеджменте пересекаются интересы представителей трех наук – экономики, психологии и социологии, направленные на осмысление субъективных и объективных аспектов темпорального поведения человека в сфере экономики, управления и производства.

Признавая значение философского, социально-психологического, экономического подходов, мы особо выделяем социологический подход к исследованию социального времени, имеющий серьезные традиции, собственные принципы и методологические установки в его изучении. Обозначим некоторые

¹ Felfe J., Schmook R., Schyns B., Six B. Does the form of employment make a difference? – Commitment of traditional, temporary, and self-employed workers // Journal of Vocational Behavior. – 2008. – № 72 ; Su S., Kleiner M. Commitment and work-related expectations in flexible employment forms: An empirical study of German IT freelancers // European Management Journal. – 2010. – № 28 ; Курносова Т. И. Гибкая занятость в экономике развитых стран (причины, формы, эффективность) : дис. ... канд. экон. наук. – М., 1998 ; Санкова Л. В. Занятость инновационного типа: теория, методология исследования, управление : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – М., 2008 ; Стребков Д., Шевчук А. Фрилансеры в информационной экономике // Социальная реальность. – 2008. – № 1 и др.

принципы социологического подхода к анализу социального времени.

Во-первых, в социологии социальное время объективируется и конкретизируется в различных формах социальной деятельности и взаимодействия социальных субъектов. В отличие от философии социальное время в социологической науке может быть описано, измерено, зафиксировано в объективных феноменах: бюджете времени конкретного социального субъекта, способах и условиях темпоральной организации его жизнедеятельности (профессиональной, бытовой, досуговой и пр.). Оно может быть отражено в мнениях, оценках, представлениях социальных субъектов, в их эмоциональном восприятии и переживании времени. Социология также исходит из представлений о социальном времени, которое объективируется в образе жизни личности, социальной общности, социума.

Во-вторых, сочетание объективного и субъективного в анализе социального времени выступает базовым (хотя и не исключительно социологическим) принципом анализа. По мнению В. Е. Горбунова, объективистская и субъективистская традиции в исследовании времени сформировались еще до появления социологии как науки, а потом укрепились и в ней. Первая прослеживается в концепциях И. Ньютона, Г. Лейбница, О. Конта, А. Курно, В. Дильтея, А. Бергсона, О. Шпенглера и др. Вторая традиция, представители которой рассматривали время как внутренний опыт социальных субъектов, нашла отражение в трудах И. Канта, М. Хайдеггера, К. Маннгейма, Г. Зиммеля, П. Бергера, Т. Лукмана, Э. Кассирера, Х. Ортега-и-Гассета и др.¹ Он также отмечает в качестве промежуточных взгляды К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Мосса, Э. Эванс-Причарда и др.

В современной социологии обе традиции сочетаются. Объективный подход к социальному времени сближает социологию с экономикой (для последней названный подход выступает доминантой). Субъективный подход, который в большей степени присущ социальной психологии, в социологии позволяет глубоко-

¹ Горбунов В. Е. Социологические аспекты социального времени в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2001. – С. 12.

ко осмыслить феномен времени благодаря выявлению отношения людей к нему, проникновению в их смысложизненные представления, социальные переживания и эмоции, связанные с временем.

Использование объективного и субъективного подходов в сочетании позволяет осуществлять социологический анализ различных форм темпоральной активности социальных субъектов как меры их деятельности. В этом смысле деятельностная методология выступает в качестве сквозной (или базовой) для социологии времени.

В-третьих, для социологии характерна связь темпоральной проблематики с актуальными проблемами общества. В отличие от философии, которая зачастую оперирует такими темпоральными категориями, как «вечность», «бессмертие», «смерть» и др. умозрительно, без привязки их к социокультурному и социально-историческому контексту, социология рассматривает обозначенные «сакральные» феномены, равно как и повседневные темпоральные практики, в тесной взаимосвязи с конкретными, острыми вопросами и противоречиями, характерными для современного социума.

В-четвертых, социологический подход заставляет придерживаться понимания социального времени как результата сознательной, конструктивистской активности человека, направленной как на реальность, создаваемую самим человеком, так и на объективно существующее (внесоциальное, природное, физическое, биологическое, физиологическое и пр.) время. Исходным посылом является утверждение о том, что социальное время – это конструкт, продуцируемый общественным сознанием, отражающий цели, особенности, результаты интеракции социальных субъектов и одновременно выступающий регулятором социальных взаимодействий.

Противоречие между природным, биологическим и социальным (человеческим) временем подчеркивал В. П. Яковлев, когда писал: «Природа по отношению к времени беззаботна и расточительна. У нее в запасе достаточно много времени – целая вечность. Человеку же время “отмерено”. Он вынужден беречь

его, экономить»¹. Он также отмечал, что различия природного и социального времени заключаются в одномерности первого и многомерности второго². Эти темпоральные противоречия, заключенные в природе человека, разрешаются на уровне общества и социальной общности с помощью темпорального конструирования и регулирования.

В-пятых, специфика социологического подхода заключается в необходимости учитывать субъекта социального времени. Благодаря этому принципу социальное время в социологии превращается из абстрактной категории в реальную, «живую» и связывается с ее конкретным носителем, включая особенности его деятельности, образа жизни, повседневного поведения, культуры, ценностных ориентаций. Следовательно, с позиций социологического подхода социальное время может рассматриваться на уровне личности, социальной общности и социума как социальных субъектов.

В рамках социологического подхода к социальному времени на современном этапе развития социологической науки сложилось несколько традиций и направлений. Они касаются, прежде всего, определений и сущностных трактовок социального времени. Среди них можно выделить традиционные, ориентированные на те методологические подходы, которые сложились и были доминирующими до конца XX столетия, и новые, связанные с возникновением и развитием на рубеже XX–XXI вв. постмодернистских теорий.

Традиционные трактовки получили теоретическое обоснование и разработку, эмпирическую верификацию как в зарубежной, так и в отечественной социологии. Среди зарубежных исследователей, работавших в рамках традиционного понимания социального времени, необходимо отметить Г. Виленски, Ж. Дюмазедье, М. Каплана, С. Паркера, Р. А. Стеббинса, Д. Робинсона, Ж. Фридмана, Ж. Фурастье и др.

Большую роль в развитии социологии социального времени во второй половине XX в. сыграли отечественные социологи.

¹ Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1980. – С. 5.

² Там же. С. 25.

В их работах его традиционные трактовки представлены широким спектром позиций. На социологическое видение проблем социального времени, выдержанное в рамках марксистской парадигмы, сильное влияние оказал экономический подход, представленный в работах Г. А. Пруденского¹, В. Д. Патрушева² и др.

Труды названных исследователей сформировали серьезный пласт социологического знания относительно рабочего и вне рабочего (в том числе свободного) времени, включающего представления об их природе, сущности, структуре, социальных функциях и т. д. Работы упомянутых авторов были связаны, прежде всего, с количественным рассмотрением конкретных структур времени (исследование бюджетов времени), что позволило осуществить эмпирическое изучение особенностей использования времени (рабочего, вне рабочего, свободного) различными социальными общностями и группами населения.

Примерно в то же время, когда проводились исследования бюджетов времени, в отечественной науке сложился иной, отличный от социально-экономического, философско-социологический подход к социальному времени, позволивший рассматривать его сущность, структуру, функции и конкретные виды использования³. Поскольку социология в этот период своей истории могла существовать только в рамках социальной философии, влияние последней с очевидностью прослеживается в трактовках понятия социального времени в работах В. А. Ар-

¹ Вне рабочее время трудящихся / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961 ; Пруденский Г. А. Время и труд. – М. : Мысль, 1964.

² Патрушев В. Д. Время как экономическая категория. – М. : Мысль, 1966 ; Методика изучения бюджетов времени трудящихся / отв. ред. В. Д. Патрушев. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1966. – 299 с. ; Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран // Философия науки. – 1968. – № 5 ; Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Статистика, 1971 ; Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. – 2001. – № 6.

³ Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М. : Альтекс, 2006. – С. 39–40.

темова¹, Я. Ф. Аскина², П. П. Гайденко³, А. Я. Гуревича⁴, Г. Е. Зборовского и Г. П. Орлова⁵, Л. Н. Когана⁶,

¹ Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. – Новосибирск : Наука, 1987 ; Артемов В. А., Болгов В. И., Вольская О. В. и др. Статистика бюджетов времени трудящихся. – М. : Статистика, 1967 ; Артемов В. А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920–1930-х гг. // Социологический журнал. – 2007. – № 3 ; Артемов В. А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. – 2013. – № 1 ; Артемов В. А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // Социологические исследования. – 2003. – № 3, 5 ; Артемов В. А., Новохацкая О. В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. – 2008. – № 4 ; Артемов В. А., Новохацкая О. В. Использование времени и социальное самочувствие: опыт экспериментального анализа // Социологические исследования. – 2011. – № 2.

² Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. – М. : Мысль, 1966.

³ Гайденко П. П. Понимание времени // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1 ; Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М. : Прогресс-Традиция, 2006 ; Гайденко П. П. Время и вечность: парадоксы континуума // Вопросы философии. – 2000. – № 6.

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984 ; Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3.

⁵ Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1974 ; Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970 ; Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. – 232 с.

⁶ Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира. – Челябинск : ГУ ПТО адм. Челяб. обл.; ЧИРПО, 1996 ; Коган Л. Н. В четвертом измерении: Философские идеи русской философии. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994 ; Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992 ; Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. – Екатеринбург : УрГУ, 1994.

Н. Н. Трубникова¹, В. А. Канке², В. П. Яковлева³, В. Н. Ярской⁴.

В рамках этого направления впервые начинается разработка понятия социального времени. Г. П. Орлов определял социальное время как особую форму временного отношения, присущего бытию человека. Основным началом социального времени, по его мнению, является человеческая деятельность, а само оно представляет собой единство двух сторон – количественной и качественной. Для него социальное время есть фундаментальный порядок общественных отношений, выступающий обязательным условием существования и развития конкретных отношений⁵. Трактовка социального времени Орловым осуществлялась на двух уровнях – философском и социологическом, соединяя философскую теорию времени и опыт социологического осмысления содержания различных видов социального времени советских людей.

По мнению В. П. Яковлева, социальное время представляет собой «единство длительности и последовательности событий и процессов, вызванных деятельностью людей», время – это связь

¹ Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М.: Наука, 1987.

² Канке В. А. Единство и многообразие форм времени: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1984; Канке В. А. Формы времени. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984; Канке В. А. Проблема времени в экономической теории К. Маркса // Экономические науки. – 1979. – № 5; Канке В. А. Проблема реальности социального времени // Философские науки. – 1972. – № 2; Канке В. А. Философское значение марксовской концепции двойственности рабочего времени // Философские науки. – 1983. – С. 14–19.

³ Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1980.

⁴ Ярская В. Н. Время в эволюции культуры. – Саратов: СГУ, 1989; Ярская В. Н. Пространство и время социальных изменений. – М.; Саратов: Научная книга, 2004; Ярская В. Н. Инверсия времени в структуре предвидения // Философские науки. – 1980. – № 5; Ярская В. Н. Развитие понятия времени // Вопросы философии. – 1981. – № 3; Ярская В. Н. Философско-социологическое исследование времени. Материалы совещания // Вопросы философии. – 1982. – № 5 и др.

⁵ Орлов Г. П. Свободное время – условие развития человека и мера общественного порядка. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – С. 16.

событий, которая обеспечивается «не линейным детерминизмом слепых сил, а целеполаганием, сознательной борьбой за желаемое будущее»¹. Еще одно определение дает Г. Е. Зборовский, согласно которому социальное время «есть такая форма общественного бытия, которая выступает необходимым условием человеческой деятельности, ее структурной расчлененности и исторического развития с учетом продолжительности процессов»². Во всех приведенных определениях и трактовках (как и во многих других) есть признаки философского происхождения категории социального времени, что тем не менее не мешало их авторам осуществлять вполне социологические по своим методам и задачам исследования проблем свободного, рабочего, внеакадемического, учебного, внеучебного времени, досуга, образа жизни.

Особую страницу в изучении социального времени составляют работы представителей Уральской школы социологии. Ее особенностью является обращение через проблему социального времени к таким темам, как вечность, непреходящее в культуре (Л. Н. Коган³), «темпоральный вакуум» современной информационно-коммуникативной среды (В. Л. Бенин, Е. Д. Жукова⁴), актуальная культура (Л. Н. Коган⁵, В. Т. Шапко⁶), социальная

¹ Яковлев В. П. Социальное время. – С. 146.

² Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия... С. 129.

³ Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. – Екатеринбург: УрГУ, 1994.

⁴ Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания [Электронный ресурс] // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. – М.: Владос, 2007. – С. 164–175. – URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854 (дата обращения: 03.02.2013).

⁵ Коган Л. Н. Социология культуры. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1992. – 120 с.

⁶ Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // Социологические исследования. – 1997. – № 10. – С. 93–104.

инерция (Ю. Р. Вишневецкий, В. Т. Шапко¹), социальная ностальгия (Г. Е. Зборовский²).

Еще одно направление социологических исследований социального времени в рамках традиционного подхода было связано с изучением свободного времени и досуга. На теоретическом и эмпирическом уровнях активно изучалась их структура (В. А. Артемов³, Л. А. Гордон⁴, Б. А. Грушин⁵, Э. В. Клопов, В. Д. Патрушев⁶, Г. С. Петросян⁷), взаимосвязь досуга и культуры (Г. Е. Зборовский, Г. П. Орлов⁸, Н. А. Хренов⁹) и др.

Определенной точкой перехода от традиционного к новому подходу в изучении социального времени стало формирование особого исследовательского направления, связанного с проблемами коллективной и исторической памяти, а также временем поколений, биографии и жизненного пути (В. Н. Ярская¹⁰, Б. В. Ду-

¹ Вишневецкий Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. – 2003. – № 4 (24).

² Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 8.

³ Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. – Новосибирск : Наука, 1987.

⁴ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы: Социальная проблема быта и внерабочего времени. – М. : Наука, 1972.

⁵ Грушин Б. А. Свободное время. Актуальные проблемы. – М. : Мысль, 1967.

⁶ Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Статистика, 1971.

⁷ Петросян Г. С. Вне рабочее время трудящихся. – М. : Экономика, 1965.

⁸ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1970 ; Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М. : Альтакс, 2006.

⁹ Хренов Н. А. Мифология досуга. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1998 ; Хренов Н. А. Пространство и время в контексте становления интегральной культуры XX века (Возникновение картины мира в ее художественных формах) // Мир психологии. – 1999. – № 4.

¹⁰ Ярская В. Н. Советские немцы: история и современность. – М., 1990 ; Ярская В. Н. Современный социологический темпорализм // Жур-

нал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 277–282 ; Ярская В. Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна. – Саратов : Научная книга, 2005. – С. 199–209.

бин¹, Ю. А. Левада², В. В. Семенова³). Ряд авторов полагает, что категория социального времени приобрела в современной социологии новый предметный смысл. Сегодня «программа концептуализации идеи времени включает, во-первых, безусловное осознание времени как феномена культуры, аккумулирующего в исторически определенных формах не только общую совокупность временных параметров и форм отдельных типов культуры, но и специфическое наполнение этих эпох. Во-вторых, она выражает взаимодействие социальной составляющей категории времени с преобразованием социальных практик и индивидуальной жизни человека, отображенной в жизненных стилях»⁴.

нал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 277–282 ; Ярская В. Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна. – Саратов : Научная книга, 2005. – С. 199–209.

¹ Дубин Б. В. Символы возврата вместо символов перемен [Электронный ресурс] // Pro et Contra. – 2011. – № 5. – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2011/5/ProEtContra_2011_5_01.pdf (дата обращения: 17.03.2015) ; Дубин Б. В. Память и образ. К вопросу о визуализации исторической травмы [Электронный ресурс] // Стенгазета. – 2013. – 17 июля. – URL: <http://stengazeta.net/?p=10009228> (дата обращения: 17.03.2015).

² Левада Ю. А. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. – М. : Моск. высшая школа соц. и экон. наук, 2004. – С. 147–160 ; Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. – С. 235–244 ; Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. (Б-ка журн. «Неприкоснов. запас»). – С. 39–60 ; Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 6 (62). – С. 7–13.

³ Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М. : РОССПЭН, 2009. – 271 с.

⁴ Ежов О. Н., Печенкин В. В., Ярская В. Н. Пространство и время социальных изменений. – М. ; Саратов : Научная книга, 2004. – С. 8.

В исследовании социальной памяти и жизненного пути чаще всего применяется качественная методология, что уже само по себе означает отход от прежней методологической традиции. Огромное влияние на «открытие», а затем и развитие, в отечественной социологии данной проблематики оказали социологи-постмодернисты, к работам которых мы обратимся чуть позже.

В определенном смысле традиционные трактовки социального времени и сегодня сохраняют свой познавательный потенциал и по-прежнему используются в социологических исследованиях. Однако не все темпоральные явления и процессы, характерные для современного общества, можно объяснить с их помощью. Можно с уверенностью говорить о необходимости разработки иных теоретических схем и иной методологии эмпирического изучения новых форм, видов, свойств, функций социального времени.

Кардинальное изменение свойств социального времени на рубеже XX–XXI вв. бросает серьезный вызов общественным наукам. В прошлом остались концепции линейного, прогрессистского развития общества и культуры, мало кто спорит с ограниченностью использования физикалистских и позитивистских теорий времени, прошла научная мода на циклические концепции времени. Их оказалось недостаточно для объяснения того, что происходит с социальным временем в современном обществе.

Продуктивным в этом отношении стали социологические концепции конца XX – начала XXI в., которые, не претендуя на целостность и всеохватность проблемы времени, тем не менее точно отразили суть происходящих с ним изменений и создали предпосылки изучения нелинейного времени и его динамики. Большую роль в этом сыграл постмодернизм как направление социальной мысли, для которого категория нелинейного времени оказалась одной из узловых.

Наиболее концептуальные подходы к социальному времени были разработаны зарубежными учеными З. Бауманом, И. Валлерстайном, Э. Гидденсом, Дж. Урри, П. Штомпкой, из отечественных социологов – С. А. Кравченко и др. У концепций названных авторов имеется ряд особенностей, которые отличают их от тех, что были созданы в рамках традиционного подхода.

Во-первых, в них содержится указание на необходимость обращения к системе временных категорий как к наиболее верному способу решения важных исследовательских задач. Несмотря на то что ни одна из новых концепций даже в своем названии не содержит упоминания времени, темпоральная проблематика для них является сквозной. Анализ социального времени осуществляется во взаимосвязи с другими социальными проблемами современности, но при этом, в отличие от традиционных концепций, в работах названных выше социологов время по принципу гештальта превращается из «фона» в «фигуру», становится ведущим фактором социальной действительности.

Во-вторых, особенностью названных концепций является совершенно новый подход к классификации видов социального времени, отражающий процессы его динамики (изменения форм, свойств, функций) и усложнения его структуры. Согласно данному подходу, время не абсолютно и не единообразно. Есть многообразные времена или, как пишет Урри, разные режимы времени, «обладающие разнообразными потенциалами по преобразованию физического и социального мира»¹. Время поливариантно и полиальтернативно. Многообразие субъектов времени, форм их жизнедеятельности, разнообразие структур социального пространства, к которым может быть привязано время, и ряд других факторов определяют множественность временных феноменов.

В связи с необходимостью всестороннего анализа и сложностью времени как предмета исследования в названных концепциях разрабатывается целая система темпоральных категорий: «киберпространство, свободное от времени», «автомобильное время», виртуальное время, «время текучей современности», «компьютерное», «ледниковое время». При этом для описания различных видов времени применяется метод метафор. Время приобретает названия «вневременного», «виртуального», «мгновенного», «ледникового», «часового», «жизненного», «мирового».

Одно из объяснений этого факта, по-видимому, связано с ограниченными на данный момент возможностями социальной

¹ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. – С. 156.

науки адекватно описать новые темпоральные явления с помощью традиционных когнитивных конструкций – категорий и понятий. Метафоры как нельзя лучше отражают особенности новых свойств нелинейного времени. Без них «невозможен никакой прорыв в неизвестность, в непознанное. В этом – в артикуляции нового – и состоит важнейшая роль метафоры в науке»¹.

В-третьих, в новых концепциях по-особому решается вопрос о соотношении объективного и субъективного в исследовании времени. Если в классической социологии (О. Конт, Э. Дюркгейм, К. Маркс) время носит абсолютно объективный характер, а в феноменологии время рассматривается исключительно как феномен субъективного восприятия и интеракции, то, например, Урри и Бауман подчеркивают необходимость синтезировать различные (объективные и субъективные) подходы к времени. В этой связи в «темпоральных проектах» рубежа XX–XXI вв. осуществляется попытка связать рациональные и эмоциональные аспекты восприятия и переживания времени.

Обозначив общие принципы исследования социального времени в новых социологических концепциях, перейдем к его трактовкам в работах ведущих зарубежных и отечественных социологов.

В своей теории структуризации Э. Гидденс считает категорию времени важнейшим инструментом социологического анализа. Не случайно он полагает, что устройство общественных институтов можно понять, если рассматривать, как социальная деятельность растянута во времени и пространстве. В само определение социального института он вводит время как одно из его свойств². Характеризуя структуру времени, Э. Гидденс выделяет два ее уровня: время институциональное, характеризующее взаимодействия макроуровня, и встроенное в него микровремя, время «потока повседневности», в котором осуществляется

¹ Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания [Электронный ресурс]. – URL: isras.ru/files/File/Socis/1-6-2006/kuzmina.pdf (дата обращения: 15.02.2013).

² Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М. : Академический проект, 2005. – С. 60.

взаимодействие «лицом к лицу»¹. Категориальный аппарат теории структуризации также включает в себя понятия эпизода и мирового времени, описывающих макровремя.

Темпоральность социальной жизни, по Гидденсу, имеет три измерения. Первое – протяженность повседневного опыта, которую Э. Гидденс называет «обратимым временем». Второе измерение темпоральности – «необратимое время» индивидуальной жизни, связанное с тем, что «наши жизни “прекращаются” в необратимом времени, уходят со смертью организма»². Третье измерение темпоральности социальной жизни – «надындивидуальная» длительная протяженность институционального времени, которая обеспечивает преемственность поколений.

Трактовка социального времени в работах Э. Гидденса включена в концепцию зонирования, согласно которой повседневная жизнь осуществляется в определенных, связанных друг с другом, временных и пространственных зонах. Временные пределы детерминированы, во-первых, конечностью человеческой жизни, что делает время для человека дефицитным ресурсом; во-вторых, ограниченной возможностью выполнения одновременно нескольких видов деятельности (отсюда возникает явление очередности); в-третьих, тем, что каждый вид деятельности имеет определенную продолжительность и осуществляется в определенное время суток или года. Повседневные перемещения человека между различными «зонами» задаются структурой времени – делением его на дневное и ночное, увеличением дневного времени благодаря изобретению искусственного освещения, продолжительностью тех видов деятельности, которыми занят человек.

У Гидденса выход на эмоционально-чувственные аспекты времени связан с анализом регулятивной функции времени. Исследователь полагает, что в институтах социального контроля «время превратилось в измеримое приложение административной власти»³, будь то расписание уроков в школе, распорядок монастырской и армейской жизни, регламент трудовой деятель-

¹ Гидденс Э. Устройство общества... С. 20–22.

² Там же. С. 82.

³ Там же. С. 206.

ности на предприятии или пребывания в психиатрической больнице, тюрьме. С каждым периодом времени связана определенная система контрольных действий и санкций (экзамены, проверки, получение документа).

Вслед за М. Фуко¹ он утверждает, что дисциплина поддерживается посредством манипуляций с временем и пространством. Строго регламентируя местопребывание человека или группы в жестко установленное время, представители власти снижают риск изменений и неопределенности, ведь «дисциплина зиждется на строгом количественном учете и распределении пространства и времени»².

В «тотальных институтах» последовательность событий предопределена на среднюю и долгосрочную перспективу. Если лишение человека его собственного времени в условиях свободы повседневной жизни компенсируется денежным вознаграждением, повышением в должности, отпуском и т. д., то в условиях несвободы такая компенсация невозможна, что, как правило, ведет к деградации личности, разрушению ее идентичности, потере смысла жизни. Таким образом, из положений, высказанных Э. Гидденсом в теории структуризации, мы можем сделать очень важный вывод, касающийся способности человека распоряжаться временем. Время, которым человек может располагать по собственному усмотрению (даже если это не свободное время, а время, которое он продает работодателю), становится основой для формирования его идентичности, способом самореализации и самоопределения. Лишение человека такой возможности приводит к психическим и социальным деформациям, в частности усиливает социальные страхи и тревоги.

Особое направление в рамках нового подхода к исследованию социального времени составляют работы И. Валлерстайна и П. Штомпки, касающиеся проблем социальных изменений. Валлерстайн, опираясь на синергетическую методологию и теорию «больших циклов» Н. Д. Кондратьева, отмечал, что в истории социологии сформировались четыре типа представлений о вре-

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999.

² Гидденс Э. Устройство общества... С. 221.

мени – «время событий», «вечное время», «структурное время» и «циклическое время»¹. Валлерстайн отдает предпочтение последнему. В его глазах циклическое видение темпорального развития исторической системы кажется наиболее верным и ценностно оправданным.

П. Штомпка, рассматривая социальные изменения, разрабатывает стройную систему классификации данных процессов. В этой классификации время присутствует в качестве одной из осей системы координат, в которой разворачиваются изменения. Он выделяет различные виды направленных процессов изменений – линейные, скачкообразные, циклические, которые характеризуют направление динамических процессов в обществе, задают либо строго детерминированный, либо хаотичный характер их развития, прогресс, регресс².

Социальное время в трактовке Штомпки приобретает характер самостоятельного капитала, своего рода товара; его можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать³. Польский социолог подчеркивает значение субъективности в оценке различных видов изменений и, что особенно важно, связывает ее с особенностями субъекта социального времени. Он пишет: «Никакое изменение не является прогрессом или регрессом само по себе. Оно может быть квалифицировано как прогресс, если станет предметом распространенной в каком-нибудь обществе (группе) позитивной оценки, которая будет дана ему в соответствии с определенными критериями. Прогресс – это то, что общественность принимает за прогресс, считает прогрессом (точно так же обстоит дело с регрессом). Таким образом, прогрессивность (регрессивность) всегда относительна»⁴.

Выделяя три модели прогресса – сакральную, механистическую и гуманистическую, Штомпка конкретизирует свои раз-

¹ Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – С. 51.

² Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М. : Логос, 2005. – С. 457–458.

³ Там же. С. 510.

⁴ Там же. С. 460.

мышления по поводу субъекта социального времени. В первой модели субъектом является Бог, Провидение, во второй – социальная система, а в третьей – человек, действующий вместе с другими людьми (коллективный субъект). По сути, Штомпка приходит к пониманию социальной группы или общности как субъекта социального времени (нации, социальные классы), хотя особо подчеркивает роль индивидуальных субъектов истории (политических лидеров, пророков, вождей)¹.

Социальное время в концепции польского социолога является отражением социальной жизни представителей различных культур, малых групп (семьи) и больших общностей (нации). В таком понимании «время – это не субстанция, а сеть взаимно отраженных отношений, формирующих особенные, временные (измеряемые тем или иным темпом) взаимозависимости между явлениями, событиями и действиями»². В социальном времени Штомпка видит средство социальной регуляции отношений – их организации, координации, синхронизации, упорядочения³.

Понятие социального времени стало ключевым в концепции текучей современности З. Баумана. Время и пространство «текущего общества», по Бауману, не только приобретают особые свойства, они еще вступают в новые отношения между собой. Благодаря техническому прогрессу время «оторвалось» от пространства и стало активным, независимо действующим фактором. Оно перестало быть особенностью пространства, но превратилось в атрибут передвижения и фактор разрушения, «заняв позицию активного партнера в браке между пространством и временем»⁴.

Лейтмотивом в работе Баумана звучит идея взаимосвязи власти и времени. Время становится способом покорения пространства – физического и социального. Речь идет не просто о чрезвычайно быстром физическом перемещении людей, предметов и идей, но и о способности использовать свое и чужое время как инструмент управления социальным миром: «Люди, что

¹ Штомпка П. Социология... С. 466.

² Там же. С. 494.

³ Там же. С. 504–510.

⁴ Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008. – С. 122.

двигаются и действуют быстрее и в большей степени приближаются к мгновенности движения, теперь являются теми, кто управляет. <...> Доминирование состоит в способности ускользать, отдаляться, “быть где-то в другом месте” и праве выбирать скорость собственного перемещения, одновременно лишая людей, над которыми доминируют, способности останавливать, ограничивать свои передвижения или замедлять их»¹.

Согласно позиции Баумана, для времени сегодня характерна не длительность и протяженность, а мгновенность. Время может сжиматься до (или почти до) мгновения, и теперь изобразить движение времени, которое представлено не «стрелой» или «кругом», а «отдельными точками без измерения», практически невозможно. Время «текущего общества», обладая указанными характеристиками, задает особые параметры существования человека. Мгновенное время способствует фрагментации действительности, а вызванная этим потеря целостности для человека чревата нарушением его функционирования – физического, психического и социального, появлением смятения и страха.

Анализ времени в работах Баумана имеет эмоциональную направленность: время семантически и метафорически связывается с нападением, соревновательностью, доминированием, манипулированием, властью. «Мгновенное время» продуцирует не только новые стандарты, но и страх неуспешности, упущенных шансов, стремление «бежать в ногу с временем» без остановки, даже если это превышает человеческие психофизиологические, культурные и социальные возможности. Эти страхи и тревоги характерны не только для тех социальных общностей и групп, которые в системе темпоральной стратификации стоят на более низких позициях, но и тех, кто доминирует.

В социологической концепции мобильностей Дж. Урри предлагается несколько иной вариант трактовки социального времени, связанный с анализом новых его видов и качеств. Урри, используя метафоры, выделяет кайрологическое, или жизненное, время, «ледниковое время», «часовое время» и «мгновенное время», которые сосуществуют, как бы наслаиваясь друг

¹ Бауман З. Текучая современность. – СПб. : Питер, 2008. – С. 130–131.

на друга. Доминирующим видом становится «мгновенное время», хотя в жизнедеятельности определенных социальных общностей вдруг проявляются то в рудиментарной форме, то в качестве «острова» иные виды времени – часовое, ледниковое или кайрологическое.

«Мгновенное время» в социальных практиках проявляется в сиюминутности моды, чрезвычайно высокой скорости производства товаров и приобретения ими доступности, резком сокращении (до минут) времени для принятия решений. Мгновенными становятся контакты и отношения (как уже описанные у Баумана мгновенные встречи горожан), передача информации, поминутный просмотр-переключение телевизионных каналов («видео-время»), изготовление и использование одноразовой посуды. Материальной основой «мгновенного времени» являются новые информационные технологии, основанные «на временных интервалах, лежащих за пределами сознательного человеческого опыта»¹.

По мнению Урри, «мгновенное время» входит в противоречие с эмоциональным, чувственным планом восприятия времени. Следствием его влияния становится чувство беспокойства, страха, порожденные «чувством сжатия... пространственных и временных миров», так как меняется «структура чувствования» новых темпов, новых типов движения (мобильности)². Это сказывается на самочувствии людей и их представлениях о будущем: они теряют оптимизм, веру в улучшение жизни, их планы и виды на жизнь становятся все более краткосрочными.

Британский социолог представляет время как нелинейное, выделяя особый его вид – синхронное. В нем события происходят не последовательно, а одновременно, возникают и разворачиваются по принципу голограммы. Идея «стрелы времени», символизировавшая прогресс и поступательное развитие, сменяется идеей «временного коллажа». Урри, так же как и Бауман, полагает, что не существует времени, единого для всех людей, а есть многообразие времен. Таким образом, краткосрочность

¹ Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. – С. 183.

² Там же. С. 181.

времени сопровождается его фрагментарностью, проявляющейся в «эффекте коллажа» и созданной разнообразными, ничем не связанными событиями.

Позитивный смысл фрагментации времени видится в присутствии среди других времен («мгновенного», остатков «часового времени») «ледникового времени», которое сдерживает увлечение безумными скоростями. «Ледниковое время» – метафора, придуманная Урри для времени медленного, соответствующего природным скоростям, охватывающего (а значит и связывающего) несколько поколений людей. Благодаря сохранению этой межпоколенной связи повышается значимость будущего и прошлого для настоящего. Именно забота о будущем, о долгосрочных отношениях связывает поколения, обеспечивает заботу о полноценном проживании в сегодняшнем дне.

В российской социологии теоретической разработкой проблемы нелинейности и нелинейного социального времени занимается С. А. Кравченко. В понимании социального времени он исходит из того, что «мир вступил в усложняющуюся социокультурную динамику, для которой характерны нелинейное развитие, разрывы, центробежный и беспорядочный характер трансформаций», разные скорости и ритмы развития рефлексизирующего социума¹. Эта нелинейная реальность требует поиска принципиально новых подходов к ее исследованию. К исследованию современной нелинейной динамики Кравченко предлагает применять играйзационный подход. Согласно ему особая, новая роль в становлении динамичного, открытого социума принадлежит человеку как самоорганизованному актору, которому приходится иметь дело с игрой структур и функций, реалиями, находящимися в разных темпомирах.

Социальное время, по мнению российского социолога, не поддерживает историческую преемственность, наоборот, изменившаяся его природа (ускорение, мгновенность, ускользание) стимулируют возникновение парадоксальных разрывов в социуме. Последние характеризуются неожиданностью и отсутствием

¹ Кравченко С. А. Возрождение социологической теоретической мысли в России: проблемы и достижения // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 128.

видимых внешних причин своего возникновения. Социальное время, так же как и социальное пространство, становится разнообразным и разновекторным, со множеством координат, что влечет за собой функционирование социума по принципу ризомы¹.

Один из парадоксов современного общества видится ему в сосуществовании различных темпомиров. Исследователь пишет: «Имеет место парадоксальный синтез *разновременных социальных реалий, относящихся к разным темпомирам, которые ныне одновременно существуют в одном пространстве*»². Речь идет о старых (долгоживущих) и новых ценностях, рисках, представлениях, которые порой антагонистичны друг другу.

В формировании и смене двух вышеописанных методологических подходов (парадигм изучения времени) нам видится эволюция социального времени как предмета современного социологического знания. Подчеркнем, что у каждого подхода есть свои ограничения и возможности в познании социального времени, его свойств, динамики, характера влияния на темпоральное поведение социальных субъектов.

Мы делаем акцент на необходимости применения в изучении времени социальных общностей не только какой-то одной методологии. Целесообразны мультипарадигмальный и междисциплинарный подходы – с учетом того, что в современном обществе социальное время функционирует в различных его конфигурациях и режимах. Междисциплинарность будет проявляться, во-первых, в использовании тех или иных принципов других наук (философии, социальной психологии, экономики), во-вторых, в обращении к различным социологическим парадигмам и подходам.

Как следует из проведенного выше анализа, общим принципом и для традиционных, и для новых трактовок социального времени является взаимообусловленность этого времени и его социального субъекта. Дальнейший анализ предполагает выявление внутренней, содержательной связи между ними, что озна-

чает необходимость рассмотрения в качестве субъекта социального времени и темпоральных стратегий поведения социальной общности.

¹ Кравченко С. А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО Университета. – 2008. – № 2. – С. 6.

² Там же. С. 7.

ГЛАВА 3

Социальная общность в зеркале социального времени

§ 3.1. Понятие, структура и функции социальной общности

Прежде чем говорить о социальной общности в зеркале социального времени, нужно выяснить существо понятия социальной общности. Это тем более важно, что в литературе – и западной, и отечественной – существует большое количество его дефиниций. Особенно часто данное понятие используется в двух смежных с концепцией социальной общности теориях – теориях общества и социальной группы. Отсюда сразу же следует одна из наиболее сложных методологических проблем – поиск сходства и отличий общества и общности, общности и группы, выявление относительно четких разграничительных линий между ними.

Ситуация «пограничности» возникла не сегодня, она имеет продолжительную историко-социологическую жизнь. Корни проблемы следует искать, как нам кажется, в социологической концепции Ф. Тённиса. В самом начале своего главного труда «Общность и общество» (1887) он указывает на основное различие между ними: «...общность есть устойчивая и подлинная совместная жизнь, общество же – лишь преходящая и иллюзорная. И поэтому сама общность должна пониматься как живой организм, а общество – как механический агрегат и артефакт»¹.

Со времен появления книги Ф. Тённиса возникли десятки самых различных определений и интерпретаций социальной общности. Они нашли отражение в зарубежной науке в классических работах Г. Тарда, Г. Лебона²; исследованиях городских и мигрантских сообществ, проведенных представителями Чикагской социологической школы (Р. Парк, Э. Бёрджесс, Р. Маккензи³), и экспериментальных исследованиях производственных

¹ Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб., 2002. – С. 11–12.

² Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб., 1995; Тард Г. Законы подражания. – М., 2012.

³ Park E. R., Burgess E. W., McKenzie R. D. The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment. – Chicago, 1984.

коллективов на рубеже 1920–1930-х гг. (Э. Мэйо¹, Ф. Реглисбергер²); в работах по социометрии Я. Морено³, теории групповой динамики К. Левина⁴, исследованиях добровольных ассоциаций, харизматических групп Р. Бэйлза⁵, Т. Ньюкома⁶, У. Уайта⁷. В середине и второй половине XX в. разработка теории социальной общности велась Г. Блумером⁸, Б. Мерсером⁹, Т. Парсонсом¹⁰, Дж. Хиллери (мл.)¹¹, Л. Шноре¹², Н. Смелзером¹³.

Еще в 1955 г. американский социолог Дж. Хиллери-младший подверг анализу 94 трактовок социальной общности¹⁴. Обильную пищу для их появления можно искать как в имевших место новых макро- и микросоциальных процессах развития социальной жизни, так и в их теоретической интерпретации.

Особо выделим такое направление теории социальной общности, как изучение городских общностей. В этом ряду стоят работы 1970-х гг. американского социолога Л. Шноре¹⁵ и совре-

¹ Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilization. – N.Y., 2003.

² Dickson J. W., Roethlisberger F. J. Early Sociology of Management and Organizations: Management and the Worker. – N.Y., 2003.

³ Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. – М., 2001.

⁴ Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М., 2001.

⁵ См.: Андреева Г. М. Социальная психология. – М., 2007.

⁶ См.: Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия. Теоретические подходы. – М., 2001.

⁷ Уайт Л. А. Работы по культурологии. – М., 1996.

⁸ Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты. – М., 1996. – С. 166–212.

⁹ Mercer B. The American Community. – N.Y., 1957.

¹⁰ Parsons T. Social System. – Glencoe, 1951.

¹¹ Hillery G. H. Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. – V. 20. – 1995.

¹² Schnore L. F. Community // Sociology. – N.Y., 1973.

¹³ Смелзер Н. Социология. – М., 1994.

¹⁴ Hillery G. H. Definitions of Community: Areas of Agreement // Rural Sociology. – V. 20. – 1955.

¹⁵ Schnore L. F. Community...

менных зарубежных исследователей П. Вирильо¹, М. Кастельса², М. Кастельса², А. Лефевра³, Б. Рубла⁴, С. Сассен⁵, Дж. Урри⁶.

На основании анализа литературы по проблеме социальной общности мы приходим к выводу о том, что в самом первом приближении она рассматривается в качестве объединения людей, обладающего такими важнейшими признаками, как наличие прочных социальных связей между людьми, фиксированной и ограниченной территории, осознание членами общности принадлежности к ней. По существу приведенная трактовка социальной общности инвариантна относительно многих иных ее толкований.

Именно такая фундаментальная, с нашей точки зрения, характеристика социальной общности содержится у известного польского социолога второй половины прошлого столетия Я. Щепаньского. Он писал: «Мы вводим понятие “социальная общность” как термин с широким объемом, охватывающим все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определенная социальная связь. В ходе нашего изложения этим термином мы будем обозначать все устойчивые формы совместной жизни. Это будет, следовательно, наш наиболее общий термин»⁷.

¹ Virilio P. *Vitesse et politique. Essai de dromologie.* – Galilée, 1977 ; Вирильо П. *Машина зрения.* – М., 2004.

² Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура.* – М., 2000.

³ Lefebvre H. *The Production of Space.* Oxford, 1991 ; Лефевр А. *Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас.* – 2010. – № 2. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (дата обращения: 17.03.2015).

⁴ Рубл Б. А. *Город XXI века в поисках ответа на вызовы современности // Городское управление.* – 2009. – № 3 ; Рубл Б. А. *Вашингтонская U-стрит. Биография.* – Вашингтон, 2010.

⁵ Сассен С. *Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность.* – М., 2007.

⁶ Урри Дж. *Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века.* – М., 2012 ; Урри Дж. *Мобильности.* – М., 2012.

⁷ Щепаньский Я. *Элементарные понятия социологии.* – М., 1969. – С. 117.

Отметим три главных признака, положенных польским социологом в основу трактовки социальной общности: 1) этолюбое объединение людей; 2) оно охватывает все устойчивые формы совместной жизни; 3) эти объединения существуют за счет социальной связи между людьми. Особое внимание Я. Щепаньский обращает на то, что разнообразие социальных общностей обнаруживается, прежде всего, в повседневной жизни людей.

Это положение чрезвычайно важно, поскольку функционирование самых различных социальных общностей наблюдается, в первую очередь, в сфере повседневности. Более того, мы уверены в том, что значительная часть основных, назовем их базовыми, социальных общностей, объединяющих людей, связана именно с их повседневной жизнью. Речь идет о семейной или, точнее, семейно-бытовой, трудовой (производственной), профессиональной, образовательной, досуговой, национально-этнической, религиозной и иных социальных общностях.

Авторы статьи «Общность» в «Большом толковом социологическом словаре» (составители Д. Джери и Дж. Джери), обобщая имеющиеся в западной литературе трактовки рассматриваемого понятия, обращают внимание на несколько его значений. Во-первых, они пишут, что это совокупность социальных связей и взаимоотношений, которые характеризуются как взаимностью, взаимодействием, так и конфликтом. Во-вторых, подчеркивается географический и пространственно-территориальный аспект общности, т. е. ее местоположение, которое характеризуется наличием определенных границ. В-третьих, выделяется такой аспект понятия, как «дух общности», «чувство общности». В статье отмечается, что категория общности очень сложная и спорная, вокруг нее шли и продолжаются сейчас дискуссии, связанные с многозначностью этого понятия¹.

Социальная общность как проблема отечественной науки была обозначена лишь в начале 1990-х гг. Интерес к ней был связан с кризисным состоянием общества, как экономическим, так и социальным и политическим. Этот кризис коснулся не индивидов, а именно больших общностей, в том числе организа-

¹ Большой толковый социологический словарь. – Т. 1. – М., 1999. – С. 511–512.

ций, трудовых коллективов и семей. Особым образом кризис проявился в крупных городах, в которых разорвались организации различного масштаба. Очень остро кризис отразился на судьбе жителей малых и закрытых городов. В эпицентре событий оказывались целые социальные общности, которые выступали источником социальной активности населения. Как отражение этих процессов в российской социологии и возникает интерес к социальным общностям.

Среди работ отечественных социологов, имеющих серьезное теоретико-методологическое значение, следует отметить работы В. А. Ядова, Г. Е. Зборовского, М. О. Мнацаканяна¹, в рамках изучения городских социальных общностей – работы Е. Н. Заборовой², Е. Г. Трубиной³.

Поскольку до сих пор интерес к социальной общности проявляет незначительное число российских социологов, немногочисленными в отечественной науке остаются и попытки дать ее трактовки. Важное для нас в методологическом отношении определение социальной общности дает В. А. Ядов. Он характеризует ее как «взаимосвязь человеческих индивидов, которая обусловлена общностью их интересов благодаря сходству условий бытия и деятельности людей, составляющих данную общность, их материальной, производственной и иной деятельности, близости их взглядов, верований, их субъективных представлений о целях и средствах деятельности»⁴. При этом важно отметить, что

¹ Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2 ; Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – Самара, 2006 ; Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург, 2009 ; Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. – 2010. – № 4 ; Мнацаканян М. О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социологические исследования. – 2003. – № 2.

² Заборова Е. Н. Город на грани веков. – Екатеринбург, 2007.

³ Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М., 2013.

⁴ Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы... С. 17–18.

взаимосвязь не обязательно является непосредственной (например, по принципу face-to-face, провозглашенному Ч. Кули основным при характеристике первичной группы). Она может проявляться опосредованно, через сходство, общность, единство задач, интересов людей, относящихся к определенной социальной общности.

Исходя из этого, мы определяем в качестве содержания социального времени общности различные виды ее деятельности, имеющие свою темпоральную структуру, временные рамки и динамику. Социальное время выступает регулятором различных взаимодействий, осуществляемых внутри социальной общности. Благодаря темпоральной синхронизации (через установление единого ритма жизни, режима работы, праздничного календаря, стратегии развития) конструируются и поддерживаются единые для всех членов общности условия жизнедеятельности и ценностная картина мира.

Исследователи полагают, что социальная общность является проводником всех социальных процессов, протекающих в обществе, и соединительным звеном между индивидами и обществом, она выступает тем социальным образованием, в котором вызревают «наиболее острые и трудные проблемы и конфликты, движения, столкновения и даже войны»¹. Интегративные функции понятия социальной общности проявляются в использовании его для осмысления взаимосвязи макро- и микропроцессов, связанных с ценностной сферой, социальной солидарностью, появлением новых социальных практик. Благодаря такому пониманию роли социальной общности в структуре общества мы можем перенести функцию медиатора и на социальное время общности, которое выступает переходным, соединительным уровнем между социальным временем общества (макровременем) и социальным временем индивидов (микровременем).

В связи с приведенными выше трактовками целесообразно полагать, что социальная общность – это взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального дей-

¹ Мнацаканян М. О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 23.

ствия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности. Как видно, в этом определении указано несколько признаков понятия социальной общности, среди которых на первом месте – взаимосвязь ее членов, на последующих местах – общность целей, задач, интересов, условий их жизни и деятельности. Важно отметить, что эти сходства вытекают из взаимосвязи людей и, по сути, обусловлены ею.

Но такое определение социальных общностей не может быть единственным, универсальным, используемым для характеристики любой из них. Его можно принимать как пригодное лишь для определенной части социальных общностей. Дело в том, что рассматривать социальную общность только через взаимосвязь индивидов означает сузить диапазон различных ее форм до тех, которые построены на наличии реальных отношений и взаимодействий между людьми.

Между тем существует много форм объединений людей, в которых такие отношения не охватывают всех без исключения членов социальной общности. Конечно, это касается в первую очередь массовых социальных общностей: толпа или демонстрация (уличное шествие) совсем не предполагают наличия реальных отношений между всеми их участниками. Но и групповые общности также могут оказаться лишенными таких связей и взаимодействий между их членами, особенно если речь идет о больших группах, организациях, например о коллективе завода или крупной фирме.

Наконец, нужно иметь в виду факт существования не только реальных, но и номинальных социальных общностей, формируемых искусственно, статистически, с определенными научными и практическими целями. Понятно, что если социологи в ходе эмпирического исследования об отношении учительства к своему труду пишут, к примеру, о существовании номинальной общности молодых педагогов в возрасте до 25 лет, обладающих средним или высшим педагогическим образованием, владеющих квалификацией на уровне молодого специалиста (не имеющих квалификационной категории), имеющих семью и характеризующихся определенными ценностными ориентациями в профессиональной деятельности, то ни о каких реальных взаимо-

действиях между членами этой социальной общности речи быть не может.

Очевидно, что, пытаясь определить такие социальные общности, не следует говорить о наличии непосредственной связи в них между субъектами социального действия как об их (общностей) основном критерии. Что же выступает в таком случае в роли этого критерия? По всей видимости, фактор идентификации с общностью. В одном случае люди сами идентифицируют себя с той или иной социальной общностью, в другом индивидов идентифицируют с ней иные люди, в третьем случае это делают исследователи.

Применительно к таким типам и видам социальных общностей, где взаимосвязь между их членами не может рассматриваться в качестве общностнообразующей основы, должны быть использованы иные определяющие признаки. Во-первых, такие социальные общности будут выступать как объединения людей (что гораздо шире взаимосвязей и не обязательно подразумевает их наличие). Во-вторых, важным признаком таких общностей является идентификация с ними их членов. В-третьих, эти общности являются результатом их «социального конструирования», независимо от того, реальны они или номинальны.

Социальные общности многих типов рассматриваются как проявления совместной жизнедеятельности людей, формы человеческого общежития. Они складываются на различной основе и крайне многообразны. При этом к социальным общностям некоторые авторы относят и человечество как наиболее общую форму социальной общности, и общество в целом, и социум, определяемый как большая устойчивая социальная общность, характеризующаяся единством (сходством, близостью) условий жизнедеятельности людей и общностью культуры, культурного наследия и традиций, и целый ряд иных социальных объединений, формирующихся в сфере общественного производства, национально-этнических отношений.

Признаки сходства, близости целей, задач, интересов, условий жизни и деятельности не всегда проявляют себя, когда мы рассматриваем социальные общности не как взаимосвязи между людьми, а как объединения индивидов. Поэтому вполне вероятно суждение о том, что очень трудно (если вообще возможно)

найти какое-то единое, для всех социальных общностей «работающее» и годное, определение со строгим набором инвариантных признаков. Такой вывод свидетельствует о большой теоретической сложности категории социальной общности, отличающейся высоким уровнем интерпретационной неопределенности.

Содержательные характеристики, они же – в значительной степени общностнообразующие признаки – зависят от типов и видов социальных общностей, их размеров и масштабов, особенностей генезиса, пространственно-временных факторов их появления и функционирования, целей и задач, на достижение которых направлена деятельность социальных общностей, схожести условий жизни и деятельности людей, уровня совпадения их потребностей и интересов, степени идентификации индивидов с общностью и осознания чувства принадлежности к ней, наличия определенных норм, правил, ценностей, стереотипов, традиций поведения, в целом культуры, наличия/отсутствия определенных ресурсов (экономических, социальных, политических, культурных, символических).

Разработка теории социальных общностей связана с пониманием природы их происхождения и развития. Прежде всего, возникает вопрос: на какой основе – объективной или субъективной – появляются социальные общности? На первый взгляд, ответ очевиден: конечно же, на объективной. Именно такой позиции придерживается Ю. Е. Волков. Он полагает, что общности не создаются сознательно людьми, в отличие от социальных институтов и организаций, а складываются под воздействием объективного хода общественного развития. Одни виды общностей порождаются общественным производством (производственный коллектив, социально-профессиональная группа, общественный класс), другие вырастают на этнической основе (народности, нации), третьи (социально-демографические общности) – на базе естественных демографических факторов¹.

Предложенная позиция, на наш взгляд, небесспорна. Представляется, что к появлению целого ряда социальных общностей имеют прямое и сознательное отношение люди, которые их сами

¹ Волков Ю. Е. Общность социальная // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998. – С. 338.

создают или, выражаясь принятым в феноменологической социологии научным клише, конструируют их (общностей) социальную реальность. Разве различные общественно-политические, научные и художественно-творческие, спортивные и другие объединения (сообщества) людей, создаваемые исключительно на добровольной основе, по их личной инициативе, в результате появившихся новых интересов, требующие зачастую значительных финансовых затрат, не свидетельствуют о субъективной природе появления некоторых видов социальных общностей?

Социальные общности возникают тогда, когда есть иные конкретные проявления общности (в смысле единства) идей, ценностей, условий бытия, интересов, совместной деятельности и др. Все чаще появляются суждения, в которых в качестве важной составляющей социальной общности рассматривается чувство общности.

Такую точку зрения высказывал, в частности, известный современный английский социолог З. Бауман в книге, посвященной социальной общности, с весьма симптоматичным названием «Социальная общность: в поисках безопасности в небезопасном мире» (2001). Он пишет о том, что, в отличие от общества, которое может быть «плохим», общность является «теплым, удобным и уютным местом», в котором всегда приятно находиться и чувствовать себя ее членом. В общности люди хорошо понимают друг друга, могут доверять тому, что слышат, ощущать себя в безопасности и рассчитывать на взаимную доброжелательность. Но, как считает З. Бауман, «за привилегию быть в общности» нужно платить, жертвуя подчас свободой и индивидуальностью¹.

Очевидно, таким образом, что содержательные характеристики социальной общности связаны, прежде всего, с выявлением ее общностнообразующих признаков. Не имея возможности в данной работе (у нее иные задачи) подробно анализировать каждый из них, прибегнем к их перечислению и самой общей систематизации на основании критерия объективности/субъективности.

¹ Bauman Z. Community: Seeking Safety in an Insecure World. – Cambridge : Polity Press, 2001. – P. 4.

Общностнообразующими можно считать как преимущественно объективные (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), так и преимущественно субъективные (8, 9, 10, 11, 12, 13, 14) признаки:

1) включенность социальной общности в более широкий социальный контекст, систему общественных отношений;

2) объединение людей;

3) осуществление совместной деятельности членами социальной общности, взаимодействия между ними на разных уровнях – от сильного до весьма слабого, порой не ощущаемого самими людьми;

4) наличие социальной связи между людьми;

5) наличие ряда схожих характеристик условий жизни и деятельности членов социальных общностей;

6) наличие у социальных общностей ресурсов – экономических, социальных, политических, культурных, символических;

7) наличие социально-пространственных и социально-временных характеристик социальной общности;

8) наличие у членов социальной общности значимого основания (причины) сообщать находится в ней, отвечающего интересам всех ее участников и способствующего реализации потребностей каждого «быть вместе»;

9) принятие всеми или большинством членов социальной общности правил, традиций, ценностей и образцов поведения, характерных для нее;

10) осознание людьми своей принадлежности к социальной общности, возникновение на этой основе чувства «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), другими словами, наличие социальной идентичности у членов общности;

11) признание данной социальной общности и в этом смысле ее идентичности существующим социальным окружением, т. е. другими, посторонними людьми;

12) конструирование социальных общностей отдельными людьми (группами людей);

13) наличие социальной солидарности между членами общности;

14) наличие ценностей, интересов, установок как основы устойчивых форм совместной жизни членов социальной общности.

Названные выше общностнообразующие признаки позволяют предложить вариант обобщающей, «собирающей» характеристики социальной общности. Под ней будем понимать один из основных типов социальной системы, выступающей в качестве реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Главными, образующими социальные общности, признаками являются: относительная целостность, осознание людьми своей принадлежности к ним (идентификация и самоидентификация), схожие условия жизни и деятельности, наличие определенных пространственно-временных полей бытия, реализация функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов.

Теперь обратимся к анализу структуры социальной общности «изнутри» ее самой. Вначале просто назовем элементы этой структуры. К ним мы отнесем людей, сходство объективных условий их жизнедеятельности, взаимодействия, общую территорию, формирование и поддержание особой для каждого сообщества культуры (системы разделяемых его членами нормативных, ценностных и иных регуляторов социального взаимодействия, начиная с понимания смыслов социальных действий), наличие ресурсов, идентификацию (самоидентификацию) и др.

Но основой этой структуры, ее структурообразующим началом является взаимосвязь людей – членов данной социальной общности. Как общество мы рассматриваем в качестве взаимосвязи (совокупности) социальных общностей, так и саму социальную общность можно охарактеризовать в определенном смысле слова как взаимосвязь людей, характеризующуюся временными, пространственными, содержательными особенностями их деятельности.

Рассмотрим далее иные аспекты структуры социальной общности. В самом общем виде она включает в себя членов социальной общности (акторов), ее объекты и отношения (связи) между ними. В качестве членов социальной общности выступа-

ют действующие социальные субъекты (акторы или агенты) – люди (совокупности людей) и социальные группы. При этом под актором в социологии понимают действующего человека. В отличие от актора, агент – это не просто действующий индивид, а индивид, обладающий некими властными полномочиями и способный оказывать влияние на те или иные социальные процессы.

Сложность структуры социальной общности определяется рядом факторов, и одним из них является сложность ее субъекта. Чем более гомогенным (однородным) он является, тем менее сложной оказывается структура социальной общности, и наоборот, чем более гетерогенным (разнородным) оказывается субъект социальной общности, тем сложнее становится ее структура. Самые простые примеры гомогенного субъекта – социальные общности семьи, детской игровой группы, спортивной команды и др. Что касается гетерогенного субъекта, то в качестве его примеров можно привести социальные общности жителей города, производственных коллективов крупных фирм (предприятий) и др.

Каждый из элементов структуры социальной общности обладает собственной структурой. Говоря о субъекте социальной общности, отметим такие его структурные элементы, как наличие общих целей, схожих условий жизни, общностных практик, общего социального пространства деятельности, некоторых черт (сторон) общностного сознания. Сразу отметим: последнее есть разновидность общественного сознания, присущего данной социальной общности и несущего на себе особенности ее деятельности, стиля жизни, этнических, национальных, религиозных и иных сторон бытия.

Второй элемент структуры социальной общности – ее объекты. Это то, на что (на кого) направлена деятельность субъектов социальной общности в ее рамках. Объектом могут быть иные члены (акторы) социальной общности, их конкретные действия, поведение, поступки. Эти действия и поступки могут быть реальными и виртуальными (вероятностными). Но особенность их в том, что они не выходят за пределы данной социальной общности и оказываются элементом ее внутренней структуры.

Понятно, что деятельность субъектов социальной общности может выходить (и реально выходит) за ее границы, распростра-

няясь на субъектов иных социальных общностей, на иные социальные объекты. Но тогда мы будем иметь дело с иными структурами. Нас же в данном случае интересует лишь внутреннее «устройство» социальной общности.

Третий элемент ее структуры – отношения между субъектом и объектом деятельности в самой социальной общности. Они могут выступать в форме связи, взаимосвязи, взаимодействия, коммуникации, общения, единства (тождества) и др. Поскольку любая структура – это, прежде всего, связь элементов, а не их перечень (который в этом случае будет выступать как состав социальной общности), постольку структуру социальной общности имеет смысл рассматривать как связь (взаимосвязь) ее субъектов и объектов.

Можно говорить об односторонней связи, предполагающей отношение лишь с «одной стороны» (скажем, только субъекта к объекту), о взаимосвязи, означающей наличие взаимоотношений обоих элементов структуры социальной общности, о взаимодействии – той же взаимосвязи, но проявляющейся в форме действий каждого элемента относительно другого.

Наконец, еще одна форма отношений между субъектом и объектом деятельности в структуре социальной общности – их единство (тождество) – выступает как такая форма социальной взаимосвязи, при которой последняя приобретает характер совпадения или сильного сходства обоих элементов этой структуры в их взаимоотношениях либо позициях относительно друг друга.

Рассмотренные формы связи элементов структуры социальной общности различаются уровнем (степенью) плотности (тесноты) отношений между ними. Наиболее тесная (плотная) связь характеризует единство (тождество) субъекта и объекта социальной общности. Следующий уровень – социальное взаимодействие, являющееся одной из наиболее распространенных форм отношений между субъектом и объектом в структуре социальной общности.

Вследствие существования целого ряда форм отношений между субъектом и объектом социальной общности возникает необходимость специального их рассмотрения в качестве третьего элемента ее структуры. Но при этом нужно иметь в виду, что между различными формами названных отношений нет

непроходимой грани, они накладываются друг на друга, пересекаются, обладают в ряде случаев схожими характеристиками¹.

Начнем с самой общей формы – отношений. Они в нашем случае выступают как разновидность общественных отношений на уровне социальной общности. Назовем их общностными. По существу это прямые и опосредованные индивидуальные и социальные связи между людьми (группами людей) в составе социальной общности, определяющие возможность социальных взаимодействий (контактов) между ними во времени и пространстве. Нетрудно обнаружить, что общностные отношения здесь рассматриваются в одной методологической «упаковке» с понятиями социальной связи, взаимосвязи, социального взаимодействия и контакта между субъектами и объектами социальной общности.

Конкретизирующие общностные отношения социальные связи (взаимосвязи) могут быть охарактеризованы как зависимости, существующие между людьми (группами людей) и обуславливающие их совместную жизнь и деятельность. Социальные связи реализуются через потребности и интересы, ценностные ориентации и мотивы поведения, через условия, средства и результаты деятельности субъектов социальных общностей.

Социальные взаимодействия выступают как проявление социальных связей и отношений между людьми (группами людей) в составе социальной общности, характеризующиеся прямыми и обратными воздействиями субъектов и объектов друг на друга, постоянно воспроизводящимися, повторяющимися обменов информацией и оценками между ними в различных ситуациях общностных отношений. Это придает социальному взаимодействию в общности устойчивый характер.

Взаимодействие внутри социальной общности часто характеризуется как прямое и непосредственное, осуществляющееся в форме контакта. Контакт – это самый простой аспект взаимодействия, его начальная стадия, подготавливающая последующие. Но контакт – совсем не обязательное и постоянно дейст-

¹ См.: Современный философский словарь (статьи «Общественные отношения», «Социальные связи», «Взаимодействие», «Коммуникация», «Общение»). – Лондон...- Минск, 1998.

вующее обстоятельство. Социальное взаимодействие в социальной общности может быть прерывающимся и не иметь характера непосредственного контакта, особенно когда речь заходит о больших и структурно сложных общностях.

Важная особенность социального взаимодействия в социальной общности состоит в том, что между его субъектами и объектами всегда «расположены» нормы, ориентации, ценности, стереотипы. Они оказываются своеобразным соединяющим их механизмом. Если же в определенных обстоятельствах эти нормы, ценности, стереотипы и др. не столько соединяют, сколько разъединяют субъектов и объектов социальной общности, то тем самым наносится удар по ее стабильности и устойчивости.

Конкретизацией названного выше социального взаимодействия выступает коммуникация, которую в литературе рассматривают как его тип, предполагающий информационный обмен между людьми. Коммуникация происходит часто в форме общения, выступающего как, главным образом, непосредственное межличностное взаимодействие. Общение, равно как и коммуникация, опосредуется системой общностных отношений и является их персонифицированной личностной формой проявления. Оно выступает, наряду с коммуникацией, важной составной частью любой социальной общности, источником ее жизнедеятельности. Социальная общность не может существовать вне общения и коммуникации между ее субъектами. Не случайно слова «общность» и «общение» имеют единую корневую основу.

Из приведенных суждений следует, что типы социальных общностей могут различаться в зависимости от того, какая форма связи между их субъектами и объектами характеризует процесс создания или функционирования самих общностей. В основе одних лежит социальное взаимодействие как форма наиболее тесных связей между субъектами и объектами социальной общности (например, в семье или в соседской общине). В основе других имеют место не столь тесные отношения, как взаимодействия. Эти «неплотные» связи характерны, в первую очередь, для массовых социальных образований, таких как национально-этнические общности, большие организации (коллективы), собрания, не говоря уже о толпах, манифестациях, митингах, демонстрациях и др.

Рассматривая социальную общность сквозь призму структурного подхода к ней и выявления основных элементов этой структуры, мы приходим к выводу, что социальная общность выступает определенной формой организации совместной деятельности людей. К нему нас приводит осмысление того, что главными в структуре социальной общности являются связи, взаимосвязи, взаимодействия между ее субъектом и объектом. Именно эти формы общностных отношений выступают внутренними «скрепами» социальной общности, выполняющими функции организации совместной деятельности ее членов.

В таком случае необходимо поставить вопрос о сходстве и отличии социальной общности от социального института в даваемой нами его трактовке. С этой целью приведем наше определение социального института. Под ним понимается «устойчивая форма организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающая в себя совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами для осуществления социальных функций и ролей, управления и социального контроля за соблюдением норм и правил поведения»¹.

Нетрудно обнаружить главное сходство, состоящее в том, что и социальная общность, и социальный институт выступают формами организации совместной деятельности людей. Далее, они выполняют некоторые общие функции, в частности функцию социального контроля над соблюдением норм и правил поведения. Но уже здесь нужно различать нормы, действующие в социальной общности, и институциональные нормы, которые имеют совсем иное предназначение и призваны регулировать отношения внутри того или иного социального института.

Вместе с тем социальная общность, если только она не выступает в качестве социальной организации, не включает в себя, как правило, учреждений, наделенных властью и материальными средствами, групп лиц, профессионально занимающихся соответствующими формами институциональной деятельности. Кроме того, существует целый ряд функций социальных институтов, не присущих социальной общности (экономические, по-

литические, функции воспроизводства культурных образцов системы).

Выше мы рассматривали социальную общность «изнутри», с позиции ее структуры. В этом смысле она выглядела как некоторое замкнутое социальное образование. Но социальная общность проявляет себя не только, а в ряде случаев и не столько как самодостаточная структура. Ее агенты идентифицируют себя с ней, когда имеет место взаимодействие данной социальной общности с другими общностями и их агентами. Давно обнаруженные социологами «Мы» («Свои») и «Они» («Чужие»), их сравнения и противопоставления появляются именно в случае такого взаимодействия.

Структурный подход к социальной общности логически ведет к постановке вопроса о ее функциях. Вследствие того что социальная общность занимает промежуточное положение между обществом и личностью, одни функции могут иметь преимущественно социальную (общественную) направленность, другие – личностную. Многое зависит и от условий и обстоятельств, в которых реализуются функции той или иной социальной общности. Но в любом случае они направлены на сохранение и укрепление ее позиций – как с точки зрения внутриобщностных связей, так и в плане отношений между различными социальными общностями.

Такой подход позволяет поставить на первое место интегративную функцию и функцию воспроизводства общественных отношений. Они определяют роль и место социальной общности в системе общества и его многочисленных структур. Интегративная функция состоит в сплочении и укреплении связей, с одной стороны, между членами внутри социальных общностей, с другой – между социальными общностями в структуре общества. Она направлена на усиление контактов и взаимодействий между ними.

Разновидностью интегративной функции выступает функция гомогенизации социальной общности, состоящая в придании ей определенной однородности по некоторому набору общностнообразующих признаков. Так, если речь идет о национально-этнической общности, необходимо иметь в виду такие

¹ Зборовский Г. Е. Общая социология. – М., 2004. – С. 571.

признаки, как самоидентификация ее членов, язык, специфика культуры.

Наряду с функцией гомогенизации, к числу функций социальной направленности имеет смысл относить гетерогенную функцию социальной общности, подчеркивающую возможность отнесения к ней людей, различающихся по ряду признаков, но «не выводящих» их за ее пределы, т. е. не «общностнообразующих». Обращаясь к приведенному примеру с национально-этнической общностью, отметим, что в качестве таких признаков могут выступать профессиональные, образовательные и иные характеристики.

Функция социальной общности, состоящая в воспроизводстве общественных отношений, заключается в постоянном соблюдении различных норм и образцов поведения, что позволяет ей сохранять за собой определенное и устойчивое место в системе общества. Именно таким образом в ней воспроизводятся существующие общностные и, более широко, общественные отношения. К этому следует добавить, что социальная общность обеспечивает высокую упорядоченность и управляемость действий ее членов при достижении намеченных целей.

Регулятивная функция социальной общности характеризует ее отношение к своим членам и определенным слоям внутри себя. Она направлена на соблюдение норм, правил поведения, санкций за их невыполнение и регулирование с их помощью внутриобщностных отношений. Коммуникативная функция состоит в обеспечении связей, общения, взаимодействия между членами социальной общности.

Здесь следует специально сказать о функциях, имеющих преимущественно личностную направленность. Тем более что некоторые из названных выше функций вполне «работают» и на личность членов социальной общности. Это и коммуникативная, и регулятивная, и интегративная функции. Но особенно следует отметить такие «личностные» функции социальной общности, как социализация и идентификация. Первая из них направлена на освоение и усвоение членом данной социальной общности образцов поведения, ценностей, норм, опыта, созданных и накопленных в процессе ее возникновения и развития. Функция идентификации состоит в создании условий для процесса ото-

ждествления личностью себя с социальной общностью, выражающегося в усвоении и овладении присущими ей социальными ролями, нормами, общностным сознанием и поведением.

Функции социальной общности можно рассматривать как внешние и внутренние. Первые «выводят» конкретную социальную общность на другие общности, на многочисленные социальные институты, организации, виды деятельности и взаимодействия, явления и процессы экономического, политического, социального и культурного характера. Здесь и поддержание стабильности и равновесия в социальном организме, и обеспечение его динамики и трансформаций, и развитие производства, и совершенствование социальной структуры общества, и участие в процессах социальной мобильности, и миграции, и социокультурные изменения и пр.

Внутренние функции связаны с явлениями и процессами в границах самой социальной общности. Они касаются совершенствования внутриобщностных отношений путем активизации взаимодействий между членами социальной общности, усиления коммуникаций между ними, что в конечном итоге должно способствовать усилению интегративных тенденций.

Какие из этих функций наиболее значимы? Скорее всего, внутренние, поскольку именно они направлены на поддержание устойчивости и стабильности самой социальной общности и выступают как ее своеобразные «скрепы». От того, как выполняет социальная общность внутренние функции, во многом зависит реализация внешних. Если социальная общность стабильна, не раздирается внутренними противоречиями, характеризуется устойчивостью существования, то тем самым она способствует как равновесию и необходимому балансу в обществе, так и его положительной динамике. Это касается любого вида социальной общности – массовой и групповой, пространственно-территориальной и национально-этнической, профессионально-трудовой и культурно-досуговой, семейной и детской, образовательной и спортивной.

Однако не следует думать, что социальные общности и взаимодействия внутри них и между ними могут вызывать лишь позитивные изменения в обществе, способствующие его стабилизации, достижению равновесия и устойчивости. В определен-

ных обстоятельствах сами взаимодействия в социальных общностях и между ними способны приобретать конфликтный характер, и тогда общество начинают раздирать изнутри серьезные противоречия, которые могут приводить к его дестабилизации, активизации центробежных тенденций.

Одной из наиболее ярких иллюстраций сказанного являются отношения и взаимодействия национально-этнических общностей в целом ряде стран, включая Россию. Конфликты национально-этнического характера, которые выступают, прежде всего, как конфликты определенных социальных общностей, способны приводить к длительным и кровопролитным войнам, к резкому ослаблению государства и его структур, возникновению напряженности в обществе, активным эмиграционным процессам.

В таких случаях следует говорить уже не о функциях, а о дисфункциях социальных общностей, поскольку речь идет о нарушении стабильности и равновесия через появление сбоев и деструктивных ситуаций в деятельности тех или иных социальных общностей. Особенно это касается тех из них, которые оказывают серьезное влияние на жизнь общества в целом. Речь, в частности, идет о многих социальных общностях работников властных и правоохранительных структур, которые точнее было бы назвать «праворазрушительными» общностями. Их деятельность не способствует стабилизации общественной жизни в стране, введению ее в русло уверенности и оптимизма.

Люди разуверились в действиях политической власти и правоохранительных органов как в центре, так и в регионах и на местах. Рост беззакония, криминализация многочисленных государственных, в том числе и политических, структур, их коррумпированность и неспособность решать вопросы в интересах большинства населения – всё это показатели дисфункциональной деятельности целого ряда названных выше социальных общностей.

В «противоход» этой деятельности имеет смысл обратить внимание на такую функцию социальной общности, как формирование социальных, прежде всего моральных, норм, которые каждый актер должен научиться соблюдать, когда он становится ее членом. Об этом писал еще Ч. Кули при рассмотрении первичных социальных общностей (первичных групп), когда харак-

теризовал моральные нормы, приобретаемые человеком в раннем детстве.

Тесно связанной с этой функцией, вернее сказать, ее важной стороной, является такое направление деятельности социальной общности, как защита и поддержка своих членов. В зависимости от того, что собой представляет социальная общность, какой является по характеру и направленности, какие группы людей объединяет, какой оказывается ее доминантная деятельность, сама поддержка и защита может приобретать самые различные формы и виды – экономические, политические, религиозные, моральные, социальные, культурные и иные.

Защищая своих членов, оказывая им поддержку, социальная общность одновременно выполняет и функцию социального контроля за тем, как она (поддержка) используется и как, в свою очередь, люди способствуют укреплению общности. У нее как бы появляется «моральное право» на осуществление такой функции. Другими словами, для социальной общности важно, чтобы акторы соблюдали нормы и ценности, характерные для нее, и не осуществляли по отношению к ней деструктивных действий.

Характеристика функций социальной общности позволяет определить ее место и роль в общественной жизни, причем не только в объективном, но и в субъективном плане. Это важно для понимания конструктивистской роли людей при создании тех или иных социальных общностей, которые могут выступать как субъективно существующая и воспринимаемая реальность (феноменологическая позиция).

Появление подобных социальных общностей есть свидетельство выполнения ими такой функции, как усиление социальной дифференциации общества. Клубы по интересам, спортивные команды, формируемые на «общественных началах» и объединяющие детей и взрослых, которые просто хотят «погонять мяч», поиграть в футбол или хоккей, дружеские и товарищеские компании, создаваемые для туристических походов или поездок по своей стране (а также за ее границы) – все это и многое другое есть деятельность людей по созданию новых социальных общностей для удовлетворения самых разнообразных потребностей. Благодаря такой «конструктивистской» работе в

обществе постоянно возникают новые социальные общности, дифференцирующие его все больше и больше.

Конечно, характер подобных общностей может со временем меняться и приобретать новые организационные формы, регулируемые нормативно. Тогда это будут уже организованные общности. Когда коллектив музыкантов из самодеятельного превращается в профессиональный, возникает социальная общность, деятельность которой получает нормативную основу. Появляется организация. Но от этого музыкальный коллектив не перестает быть социальной общностью.

Реализация функций социальной общности связана с действием механизма социального сравнения¹. Дело в том, что, явно или неявно, каждая общность стремится «утвердить» себя в глазах своих членов и членов других общностей в своем превосходстве. То, что в начале прошлого столетия американский социолог У. Самнер описывал в виде сравнения и его формы – противопоставления «мы-группа» и «они-группа», реально выступает как конкретизация более широкого сопоставления «наша общность» и «их общность». Собственно, чувство принадлежности к реальной социальной общности формируется на ментальной основе сходства, единства, близости интересов, жизненных шансов, самосознания, общностной идентичности, лояльности, солидарности, доверия к «нашей общности». Таким образом, механизм социального сравнения направлен на обоснование важности и позитивности включения актора в ту или иную социальную общность и чувства гордости за принадлежность к ней.

¹ Зборовский Г. Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // Социологические исследования. – 2005. – № 12.

§ 3.2. Социальные общности и их временные характеристики

Среди характеристик социальных общностей, упомянутых в предыдущем параграфе, одно из важных мест по праву принадлежит тем, что связаны с социальным временем (наряду с пространственными детерминантами социальной общности). Отсюда вытекает наше базовое суждение о том, что социальные общности следует рассматривать как локализованные в социальном времени.

Социальные общности выступают базовыми элементами структуры общества и его «генами». На уровне социальных общностей вызревают новые социальные явления и процессы, становятся очевидными те или иные, невидимые на индивидуальном уровне, социальные трансформации и их последствия. Именно социальные общности выступают носителями коллективных социальных практик, типичных социальных проблем и противоречий.

Социальные общности обладают различными видами ресурсов и капитала – человеческим, социальным, экономическим, политическим и др., качество и количество которых обеспечивают их социальный статус, качество жизни, уровень социальной активности и перспективы развития. Социальное время всегда выступало фактором, детерминирующим многие стороны жизнедеятельности социальной общности. Но сегодня оно вышло на одно из первых мест среди других социальных факторов и преломляет через себя их влияние на социальную общность.

Это обстоятельство заставляет объединить в изучении жизнедеятельности социальных общностей два методологических подхода – общностный и темпоральный. Суть общностного подхода заключается в том, что социальная общность рассматривается в качестве основного субъекта социального действия, который вступает в социальные отношения и формирует социальные связи как самостоятельный актор. Темпоральный подход представляет собой систему исследовательских принципов, согласно которым любые социальные субъекты, процессы и явления рассматриваются сквозь призму их временных характеристик. Социальная общность, рассмотренная сквозь призму ее социального времени, представляет совершенно иной объект социологиче-

ского исследования, нежели тот, каким она выступает в рамках традиционных общностных (социально-групповых) исследований.

В связи с этим социальное время общности, объективированное в темпоральных стратегиях поведения ее представителей, требует своего глубокого изучения. Между тем этот вопрос до сих пор не получил в социологии серьезной разработки. На современном этапе развития общества необходимость изучения социальной общности как субъекта жизненных, в том числе темпоральных поведенческих, стратегий усиливается вследствие противоречий, вызванных тенденциями индивидуализации и атомизации социума. С одной стороны, возрастает значимость и свобода индивида как субъекта жизненных стратегий. С другой стороны, индивидуализация создает барьеры на пути взаимодействия представителей социальной общности, снижает степень ее управляемости, усложняет процесс формирования общих (общностных, единых) жизненных стратегий. Между тем процессы эволюции социальных общностей продолжают на фоне индивидуализации и атомизации общества и проявляются в новых типах связей, отношений и взаимодействий внутри общности, в новых ее типах и разновидностях.

Понятие социальной общности получило определенное социологическое обоснование и трактовку в литературе, чего не скажешь о понятии социального времени общности. Проблема темпоральной характеристики социальной общности (или социальной общности как субъекта социального времени), на наш взгляд, незаслуженно находится на периферии социологического интереса. Это становится тем более неприятно, что на фоне усиливающегося внимания к проблеме социального времени в литературе вновь встает вопрос о его субъекте.

Впервые проблему субъекта социального времени поставил в социологии Г. П. Орлов, который отмечал, что «в общественных науках исследователи оперируют категорией времени, не ссылаясь в каждом конкретном случае на определенные события, безотносительно к ним. В теоретическом анализе это допустимо с целью более пристального внимания именно к самой форме бытия. Но здесь нас подстерегают опасности “бессубъектности” в понимании времени. Вдруг обнаружилось, что у времени как будто нет “субъекта-носителя”, своего рода “хозяй-

на времени”»¹. Именно в необходимости учитывать особенности субъекта социального времени и заключается специфика социологического подхода. Благодаря этому принципу социальное время в социологии превращается из абстрактной категории в реальную, «живую» и связывается с ее конкретным носителем, включая стратегические и повседневные особенности его деятельности, образа жизни, обыденного поведения, культуры, ценностных ориентаций.

С позиций социологического подхода социальное время может рассматриваться на уровне личности, социальной общности и социума как социальных субъектов. Историко-социологический анализ проблемы социального времени в зарубежной и отечественной социологии² показывает высокую степень ее разработанности на индивидуальном уровне (время личности) и социетальном уровне (время общества, время культуры, время цивилизации) и немногочисленность работ, посвященных социальному времени социальной общности. Среди них отметим работы по социальному времени общностей В. В. Семеновской и Ю. М. Резника³. Последний отмечает, что «время жизни человека интегрировано во время существования социальных групп, а

¹ Орлов Г. П. Свободное время: условие развития человека и мера общественного богатства. – Свердловск, 1989. – С. 14.

² Амбарова П. А. О проблеме динамики социального времени // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2 ; Амбарова П. А. Динамика социального времени: от «человека разумного» к «человеку безумному» // Вестник СурГПУ. – 2013. – № 2 ; Амбарова П. А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений // Социологический журнал. – 2014. – № 2 ; Амбарова П. А. Социальное время в контексте современного социологического знания // Вестник СурГПУ. – 2015. – № 2 ; Амбарова П. А. Проблема социального часу в социологии классического этапа // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2013. – № 1045. – Вип. 30.

³ Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М., 2009 ; Резник Ю. М. Человек как субъект социального времени // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Серия : Социальные науки. – 2012. – № 3.

его жизненный выбор зависит от коллективных представлений» и что следует рассматривать «отдельно социальное время человека, которое относится к характеристике времени жизни поколений, профессиональных и других социальных общностей»¹.

Таким образом, основными причинами обращения к исследованию времени социальной общности, на наш взгляд, являются *на теоретическом уровне*: 1) необходимость ликвидации разрыва между исследованием общества и личности и, соответственно, заполнения теоретико-методологической лакуны между макро- и микроуровнем изучения социального времени; 2) потребность в изучении трансформации жизнедеятельности социальной общности под влиянием фактора социального времени и его динамики, а также необходимость определения специфики времени общности как особого социального субъекта; *на эмпирическом уровне*: 1) потребность в социологическом знании о многообразии форм, качеств, функций социального времени, которые составляют темпоральные особенности жизнедеятельности конкретных социальных общностей; 2) необходимость иметь представления о конкретных условиях формирования темпорального сознания и поведения социальной общности для определения возможностей управления ею.

Время социальной общности представляет собой особую форму и способ ее жизнедеятельности, выраженные в хронологическом измерении и темпоральных качествах. Хронологическое измерение жизнедеятельности социальной общности включает в себя ее метрические параметры: продолжительность, длительность существования и функционирования, скорость процессов, протекающих в ней, последовательность этапов развития, событий, содержательно наполняющих каждый этап и формирующих «биографию» социальной общности. В этом смысле мы можем говорить о времени как эпохе, в которой живут представители поколенческих, профессиональных и иных социальных общностей. Возраст и историю социальной общности также можно отнести к ее хронологическим параметрам.

Темпоральность социальной общности трактуется как совокупность качеств, характеризующих ее отношение к времени,

¹ Резник Ю. М. Человек как субъект социального времени... С. 144.

его свойствам, динамике, влиянию. Темпоритмы, темпоральные ценности, способ эмоционального переживания времени и др. характеристики образуют темпоральность – темпоральные связи и отношения социальной общности¹. Рассматриваемое в хронологическом и темпоральном аспектах время социальной общности является системной характеристикой, охватывающей все уровни и виды ее жизнедеятельности, свидетельствующей о внутренних связях, состояниях, потенциале и встроенности во внешнее социальное окружение, синхронности с временем общества или способности его опережать (в этом случае мы говорим об авангардности) либо отставать.

Социальные общности изменяются во времени (хронологически) и через время (темпорально). Оставаясь важнейшим элементом общественной системы и замыкая на себе многие социальные процессы (организацию совместной жизни людей, социализацию личности, воспроизводство общественных отношений, социальный контроль и многие другие), социальные общности не только могут влиять в какой-то мере на состояние общества, они способны конструировать новый социальный порядок в нем. На наш взгляд, ресурсом, обеспечивающим реализацию данных функций социальных общностей, выступает социальное время, запускающее в них трансформационные и инновационные процессы. По мнению П. Сорокина и Р. Мертона, динамика социального времени обеспечивает ритмизацию и координацию социальной жизни общности и зависит от особенностей ее организации и функционирования, образа жизни².

Наряду с тем, что изменяют свою конфигурацию и приобретают новые качества существующие социальные общности, возникают новые, локализующиеся прежде всего в крупных городах. Особое значение приобретают виртуальные общности (е-общины, сетевые сообщества), появляющиеся благодаря раз-

¹ Хасанов И. А. Темпоральность, темпоральный // Время как объективно-субъективный феномен : словарь. – М., 2011. – С. 263.

² Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 115.

витуию Интернета и информационных технологий¹. Для виртуальных общностей географическое пространство перестает быть значимым и заменяется на виртуальное с присущим ему виртуальным временем – мобильным, мгновенным, конструируемым, гибким. Виртуальное время порождает высокую скорость процессов коммуникации и принятия решений внутри общности, снижает ее потребность в управленческих структурах и действиях², размывает временные границы общности³.

Появление виртуального времени служит предпосылкой развития некоторых сложившихся профессиональных общностей. Оно качественно изменяет деятельность бизнес-сообщества, порождая новые ее формы (удаленные, виртуальные, круглосуточно работающие магазины и офисы, электронное фрилансерство), усложняет и дифференцирует формы работы научно-педагогического сообщества, переводя часть из них в цифровой формат. Фактор времени и изменение его качеств, форм, функций непосредственно оказывают влияние на функционирование социальных общностей, а вслед за этим изменяют степень их управляемости.

Виртуальная среда, помимо всего прочего, обеспечивает тем общностям, которые активно ее осваивают, относительную свободу от управленческого контроля и регулирования. Возможности контроля за поведением социальных общностей в виртуальной среде снижены – из-за обширности интернет-пространства и темпоральной неопределенности поведения в ней социальных субъектов, из-за «медленных» технологий, которые используются контролирующими структурами. Виртуальная среда, с ее специфическим пространственно-временным континуумом, стано-

¹ См.: Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социологические исследования. – 2007. – № 7.

² Юдина И. А. Виртуальная педагогическая событийная общность: природа, признаки, характеристики // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 231.

³ Поправко В. Н. Закрытое интернет-сообщество как форма коммуникации в Интернет-пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322.

вится сферой свободного развития как позитивных инновационных тенденций (электронная экономика и образование), так и процессов деструктивной направленности (например, «виртуальный джихад», интернет-мошенничество).

В связи с появлением новых форм активности социальных общностей встает вопрос о необходимости совершенствования управления этими социальными субъектами. Тем более что виртуальные социальные общности, обладающие присущими только им темпоральными характеристиками, оказывают существенное влияние на функционирование и развитие других общностей, существующих в реальном повседневном социальном пространстве. В условиях высокой неопределенности новые темпоральные качества способствуют стратегическому выстраиванию жизнедеятельности этих социальных общностей, повышают их конкурентоспособность, а значит, порождают риски для новых видов неравенств и конкуренции.

Среди социальных общностей, для которых время является не внешним фактором, а внутренним, общностнообразующим началом, выделяются общности темпоральные, т. е. выделенные по тому или иному временному параметру, – возрастные, поколенческие, когортные.

Различные темпоральные общности включены в социальные процессы, имеющие ключевое значение для общества. Так, отношения между возрастными общностями (детьми, подростками, молодежью, взрослыми) предопределяют характер социальной стратификации и уровень социального неравенства в обществе. Они могут породить эйджизм – дискриминацию одних возрастных общностей другими, асимметрию прав и обязанностей различных возрастных общностей. Формирование и изменение возрастной структуры общества напрямую связаны с вопросами социальной политики и трудовой занятости¹. Функционирование возрастных общностей связано с целыми социокультурными комплексами (нормами, ценностями, стереотипами), которые И. С. Кон назвал «возрастным символизмом культуры»².

¹ См.: Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. – СПб., 2009.

² Кон И. С. Социологическая психология. – М., 1999. – С. 89.

Не менее напряженными и противоречивыми являются отношения между поколенческими общностями, которые выделяются по признаку общности социально-психологических, идейно-нравственных характеристик, духовных ценностей, социального опыта. Социологические трактовки поколения многочисленны и в своей основе имеют демографические, историко-культурные, позитивистски-натуралистические, романтико-гуманитарные критерии¹. Не вдаваясь в научную дискуссию по поводу понятия «поколения» и классификации поколений, обозначим свое понимание поколенческой общности как объединения сверстников или современников посредством символической солидарности, памяти и отношения к определенным историческим событиям.

В контексте нашего исследования важно показать, какие социальные процессы, поля напряженности и социальные перспективы задает появление того или иного поколения. Прежде всего, это ценностные конфликты, возникающие на переломе эпох между поколениями, и процессы культурной преемственности, это проблемы социальной ответственности поколений перед будущим и накопления/использования социальной энергии того или иного поколения². Для нас важно то, что эти процессы отражают социальные изменения, а значит, динамику социального времени, воплощенную в жизненном пути, судьбе поколений, межпоколенческих разрывах и связях.

Темпоральные и другие виды социальных общностей не существуют изолированно, зачастую они пересекаются и накладываются друг на друга. Горожане как социальная общность состоят из представителей нескольких поколений жителей города. Научно-педагогическая и волонтерская общности являются собой пример разновозрастных образований. Студенчество, так же как и фрилансерство, включает в себя преимущественно молодых людей, а в возрастной структуре «устоявшихся» предпринима-

¹ Исаева М. А. Поколение // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2011. – № 1. – С. 265 ; Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. – 2004. – № 10.

² Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2002/04/17/474861/>

телей преобладает группа 35–54 лет¹. Принадлежность человека к той или иной темпоральной общности влияет на выбор жизненной и темпоральной стратегии поведения, поскольку темпоральная общность представляет собой «социокультурный ареал» (Ю. М. Резник), характеризующийся специфической картиной социального времени.

Мы полагаем, что соединение общностного и темпорального подходов открывает новые перспективы в изучении жизнедеятельности социальных общностей. Как отмечалось выше, любая социальная общность осуществляет свою деятельность в социальном времени. Речь идет не только о времени ее возникновения и продолжительности ее существования, хотя эти временные параметры чрезвычайно важны, поскольку определяют устойчивость общности, ее социальное самочувствие, тесноту связи между ее членами. Подчеркнем другой момент: жизнедеятельность социальной общности характеризуется изменениями, имеющими определенные временные параметры (длительность, продолжительность, последовательность, чередование, темпоритмы и др.)². Деятельность представителей социальной общности структурирована по временным параметрам и зонам (рабочее, вне рабочее, свободное время, время обязательных интеракций).

Трактовка социальной общности как темпорального объединения людей позволяет рассматривать социальное время как интегрирующее начало, «клей», связывающий людей в рамках социальной общности, маркер, подчеркивающий ее границы, специфику. Темпоральный подход к социальной общности легко сочетается с ресурсным подходом к ее изучению. В таком контексте социальная общность может выступать носителем особого вида капитала – капитала времени.

Отметим, что ресурсный подход к изучению социальных общностей разрабатывался и широко применялся такими из-

¹ Глобальный мониторинг предпринимательства: Национальный отчет. – М., 2011. – С. 31–32.

² Зборовский Г. Е., Кузьминчук А. А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник СурГУ. – 2014. – № 2. – С. 58.

вестными социологами, как Э. Гидденс и П. Бурдьё. Английский социолог утверждал, что социальные общности обладают ресурсами аллокативными (средствами, обеспечивающими господство индивидов над материальными объектами) и авторитарными (средствами, обеспечивающими индивидам управление деятельностью других), которые они производят и воспроизводят в социальном взаимодействии¹. Бурдьё понятие ресурсов связал с понятиями экономического, культурного, социального и символического капиталов, которые обеспечивают социальной общности возможности и определенную позицию в социальном пространстве². С таких методологических позиций социальное время необходимо трактовать как особый вид капитала, интегрирующий в себе признаки физического капитала (возраст, биографическое время), социального капитала (время как элемент социального взаимодействия и социального обмена), культурного капитала (культура времени, отношения к нему), экономического капитала (конвертация социального времени в материальные, финансовые блага), символического капитала (объемы и качество социального времени как статусный признак общности), управленческого капитала (способность к темпоральной самоорганизации и саморегуляции).

Время в трактовке П. Штомпки приобретает характер самостоятельного капитала, своего рода товара; его можно беречь, терять, тратить, инвестировать, использовать, продавать и покупать³. Польский социолог подчеркивает значение субъективности в оценке различных видов изменений и, что особенно важно, связывает ее с особенностями субъекта социального времени.

Понимание времени как капитала не было чуждо и отечественным социологам. Они рассматривали время как одну из форм богатства человека, социальной группы и общества, которая требует внимания со стороны управления обществом. В. Д. Патрушев отмечал, что время, как любая другая форма богатства, тре-

¹ См.: Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – М., 2003.

² См.: Бурдьё П. Начала. – М., 1994.

³ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005. – С. 510.

бует учета, изучения и контроля за его распределением и использованием¹. Российские исследователи, оставаясь в рамках марксистской методологии, рассматривали в качестве «подлинного богатства общества» свободное время².

В трактовке социального времени общности как ее капитала, по нашему мнению, целесообразно ставить вопрос о наличии общественного капитала, не равного сумме индивидуальных человеческих капиталов составляющих ее членов. Общностный капитал, в самом первом приближении, – это особое качество социальной общности, которое позволяет не только отличать ее от других, но и видеть ее особую роль, особое значение, особую ценность, приобретающие смысл в условиях общества. Общностный капитал проявляет себя в отношениях данной общности с другими социальными субъектами, что позволяет ему подчеркивать специфику рассматриваемой общности.

Как видим, проблема времени социальной общности на теоретическом уровне еще требует своего серьезного осмысления. Между тем анализ истории социологического изучения социального времени показывает, что она получила свою эмпирическую разработку в исследованиях отечественных социологов, посвященных изучению бюджетов времени. История эмпирических исследований социального времени различных общностей в отечественной социологии берет начало в далеких 1920-х гг. и связана, прежде всего, с именем С. Г. Струмилина. Под его руководством в 1922–1924 гг. были проведены первые масштабные исследования бюджета времени рабочих и крестьянских семей³. В последующие годы, вплоть до начала 1930-х гг., они продолжались⁴. Были также осуществлены статистические обследо-

¹ Патрушев В. Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России. – М., 1998.

² Орлов Г. П. Свободное время – условие развития человека и мера общественного порядка. – Свердловск, 1989.

³ Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 113.

⁴ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957; Труд в СССР: Экономико-статистический справочник. – М.-Л., 1932; Труд в

ния бюджетов времени различных социальных групп и слоев – рабочих, крестьян, служащих, специалистов.

Экономический и статистический подходы к изучению социального времени, примененные в 1920–1930-х гг. С. Г. Струминым, нашли свое продолжение в экономических и социологических работах 1960–1980-х гг., но уже на новой методологической основе. Это были исследования бюджета рабочего и вне рабочего времени различных групп населения, осуществленные Г. А. Пруденским¹, В. Д. Патрушевым², В. А. Артемовым³, В. И. Болговым⁴, А. В. Неценко⁵ и др.⁶ В фокус внимания этих исследователей попали рабочие, работающие горожане и работники сельского хозяйства, «бюджетные» семьи, преподаватели

СССР (1934 год): Ежегодник. – М., 1935 ; Бюджет времени нашего молодняка. – М.-Л., 1927 ; Иткинд Г., Горчаков Б. Бюджет времени рабочего в СССР // Вопросы профдвижения. – 1933. – № 7, 8 ; Лебедев-Патрейко В., Рабинович Г., Родин Д. Бюджет времени рабочей семьи. – Л., 1933 ; Михеев В. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. – М.-Л., 1932.

¹ Вне рабочее время трудящихся / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск, 1961 ; Пруденский Г. А. Время и труд. – М., 1964.

² Методика изучения бюджетов времени трудящихся / отв. ред. В. Д. Патрушев. – Новосибирск, 1966 ; Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран // Философия науки. – 1968. – № 5 ; Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М., 1971 ; Патрушев В. Д. Социально-экономические проблемы свободного времени сельского населения // Социологические исследования. – 1974. – № 1.

³ Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. – Новосибирск, 1987 ; Артемов В. А. Статистика бюджетов времени трудящихся. – М., 1967.

⁴ Болгов В. И. Вне рабочее время и уровень жизни трудящихся. – Новосибирск, 1963 ; Болгов В. И. Бюджет времени при социализме. Теория, методы и опыт социологических исследований. – М., 1973.

⁵ Неценко А. В. Свободное время и его использование. – Л., 1964 ; Неценко А. В. Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме. – Л., 1975.

⁶ Более подробно см.: Патрушев В. Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России. – М., 1998.

вузов, школ, студенты, научные сотрудники, врачи, партийные и комсомольские активисты¹.

На рубеже 1980–1990-х гг. на Урале были проведены социологические исследования ряда проблем рабочего и вне рабочего, учебного и вне учебного времени учащихся, преподавателей, мастеров производственного обучения профессионально-технических училищ, молодых рабочих уральских заводов, школьных учителей². В 1990-х гг. под руководством В. Д. Патрушева были изучены особенности бюджета времени представителей различных национальностей³, продолжены исследования бюджетов времени горожан⁴. В. А. Артемов и О. В. Новохацкая осуществили исследования бюджетов времени сельского населения⁵.

До 1990-х гг. органами государственной статистики в России осуществлялись регулярные исследования бюджета времени⁶, а в последующие годы выборочно – Центром повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии РАН, а также отдельными социологами в рамках диссертационных исследований.

¹ Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. – 2001. – № 6.

² Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М., 2006.

³ Общие черты и особенности использования бюджета времени жителями различных национальностей // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения. – М., 1999.

⁴ Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998). – М., 2001 ; Патрушев В. Д. Основные изменения в сфере свободного времени городского населения в последнюю треть XX века // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 гг. – М., 2001.

⁵ Артемов В. А., Новохацкая О. В. Сельская повседневность: девятые годы (по материалам лонгитюдного исследования бюджетов времени) // Повседневная деятельность и бюджет времени населения России и их изменения. – М., 2003.

⁶ Бюджет времени семей рабочих, ИТР, служащих промышленности, колхозников и рабочих совхозов Горьковской, Ростовской, Свердловской и Ивановской областей за июнь 1963 г. : в 2 т. – М., 1966 ; Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников : в 2 ч. – М., 1978.

Труды названных исследователей сформировали серьезный пласт социологического знания относительно рабочего и внерабочего (в том числе свободного) времени, включающего представления об их природе, сущности, структуре, социальных функциях. Работы упомянутых авторов были связаны, прежде всего, с количественным рассмотрением конкретных структур времени (исследование бюджетов времени), что позволило осуществить эмпирическое изучение особенностей использования времени (рабочего, внерабочего, свободного) различными социальными общностями и группами населения.

Можно утверждать, что в отечественной социологии сложилась научная традиция *количественного изучения* проблемы социального времени социальных общностей. Благодаря этой традиции был накоплен богатый опыт эмпирической верификации теории социального времени, изучены проблемы и особенности образа жизни различных социальных общностей.

По верному замечанию В. Д. Патрушева, в России, начиная с работ С. Г. Струмилина, в данной отрасли социологического знания господствовала (и до конца 1990-х гг. доминировала) марксистская, материалистическая (в смысле системного подхода и социально-экономической обусловленности деятельности людей) теоретическая ориентация¹. В западной же социологии на рубеже веков складываются новые теории и концепции социального времени, разрабатываемые Э. Гидденсом, П. Штомпой, З. Бауманом, Дж. Урри². В них начинает «звучать» проблема нелинейного времени, характеризующегося новыми свойствами и проявлениями. Благодаря появлению новых социологических теорий наметился переход к качественной стратегии изучения социального времени.

В отечественной науке новые тенденции в понимании времени проявились в немногочисленных (правильнее было бы сказать –

¹ Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М., 1998.

² Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005 ; Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005 ; Бауман З. Текучая современность. – СПб., 2008 ; Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. – М., 2012.

единичных) работах по теоретической социологии С. А. Кравченко¹ и философских работах А. Л. Алюшина и Е. Н. Князевой². При этом ни в западной, ни в отечественной социологии не было предпринято попыток эмпирического исследования нелинейного времени социальных общностей. Продолжающиеся локальные эмпирические исследования, посвященные бюджету времени социальных общностей, в свою очередь, не затрагивают проблемы новых свойств и качеств социального времени, обозначенных в работах Урри, Баумана, Кравченко и других представителей качественной стратегии его исследования.

§ 3.3. Образ жизни и социальное время общности

Для последующего анализа времени социальной общности нам необходимо обратиться к рассмотрению проблемы ее образа жизни. В качестве социологического понятия образа жизни социальной общности можно рассматривать способ деятельности, реализующийся в повседневных практиках ее представителей и обусловленный совокупностью внешних и внутренних факторов их бытия и сознания. Основными в понимании образа жизни социальной общности и его изучении в социологии являются деятельностный и темпоральный подходы. Это значит, что главное внимание уделяется темпоральной организации и сущностно-содержательным характеристикам способа деятельности общности.

Для анализа образа жизни наибольшее значение имеет знание таких его элементов в их взаимосвязи, как условия жизнедеятельности (труда, быта, образования, досуга); потребности, интересы, ценностные ориентации социальной общности; формы и виды повседневных (регулярных) практик и их темпоральные характеристики. Здесь важно выделять основные, опреде-

¹ Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 9 ; Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. – 2013. – Т. 1, № 1 ; Кравченко С. А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО Университета. – 2008. – № 2.

² Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. – М., 2012.

ляющие или, как часто говорят в социологии, доминантные виды деятельности и способы их темпоральной организации. Это могут быть профессиональный и любительский труд, общественная деятельность и бытовая занятость, образование, культурное участие, досуг и соответствующие им временные характеристики.

Многие социологи из США, Франции, ФРГ и других развитых стран часто сводят образ жизни к деятельности и поведению человека вне профессионального труда. При этом производственная сфера и ее содержание – трудовая деятельность и рабочее время – изначально характеризуются как элементарно необходимые предпосылки образа жизни, специальное рассмотрение которых теряет свой смысл вследствие одинаковости, общности их воздействия на любую личность.

Иная традиция сложилась среди отечественных социологов, для которых профессиональная деятельность и время труда – не просто предпосылка, а важнейший компонент образа жизни не только человека, но и многих социальных, прежде всего социально-профессиональных, общностей. Без ее учета нельзя получить целостной картины способа деятельности. В значительной мере это обусловлено тем, что влияние профессионально-трудовой деятельности и рабочего времени на последующую жизнь оказывается глубоко дифференцированным и способным существенно изменить образ бытия человека и социальной общности.

В этой связи заслуживает внимания характеристика отношения различных групп людей к своей профессиональной деятельности и рабочему времени как элементу их образа жизни. Возможно, в условиях развитых стран Запада данная проблема и не стоит как одна из наиболее значимых и для личности, и для общества. По крайней мере, в работах западных социологов ей не уделяется специального внимания.

Между тем фактор отношения многих социальных общностей к труду и времени, ему посвященному, в российских условиях приобретает подчас решающее значение. Ибо от того, как их члены относятся к своему труду, воспринимают его содержание и характер рабочего времени, его результаты и последствия, в большой степени зависят мироощущения, социальное само-

чувствие да, наконец, и сам реальный (а не только психологически воспринимаемый) образ жизни людей.

Такие же рассуждения могут быть вполне уместными, когда речь заходит о социальных общностях, не включенных в процесс профессионального труда: учащихся школ, студентов, пенсионеров, не работающих в общественном производстве (занятых домашним трудом) женщин. Только здесь место доминанты труда и рабочего времени может быть заменено иными формами занятости (учебой, бытовой деятельностью, общественной работой и др.) и использования времени.

Говоря о социальных общностях, в образе жизни которых достаточно рельефно представлены основные, наиболее распространенные формы и виды деятельности в рамках их временных характеристик, сошлемся на наши исследования, которые показали, что существуют ведущие, лейтмотивные связи между ними, характерные для способов деятельности различных групп людей. Для одних это может быть связь трудовой и досуговой деятельности (рабочего и свободного времени), для других – труда и бытовой деятельности (рабочего времени и времени удовлетворения бытовых потребностей), для третьих – труда и учебы (рабочего и учебного времени), для четвертых – быта и досуга (времени удовлетворения бытовых потребностей и свободного времени).

В соответствии с исследованиями, проведенными нами в 1980–1990-х гг. среди различных социальных общностей занятого в общественном производстве населения – рабочих, инженерно-технических работников, учителей школ, педагогов профтехучилищ и др., наиболее характерной, детерминирующей их образ жизни связью было соотношение профессионально-трудовой и досуговой (осуществляемой в свободное время) деятельности. Содержание и характер этой связи во многом обуславливали специфику образа жизни и даже позволяли вывести его определенные типы. При этом учитывалось не только место, объективно занимаемое трудом и досугом, рабочим и свободным временем, их соотношение между собой в структуре образа жизни членов той или иной общности, но и их интерес к ним, ценностные ориентации на профессионально-трудовую и досуговую деятельность, т. е. момент субъективный. Результаты тех исследе-

дований, на наш взгляд, не потеряли своего значения и в наше время.

Почему именно соотношение трудовой и досуговой деятельности, рабочего и свободного времени составляет основу, «скелет» образа жизни? И в том и в другом реализуются наиболее глубокие, сущностные потребности членов социальной общности. И та и другая выступают главным пространством их развития. Обе они в совокупности занимают большую часть времени жизни этих людей, включенных в систему профессиональной деятельности (свыше 50 %).

Даже полярность труда и досуга, рабочего и свободного времени оказывается построенной на своеобразном принципе дополнительности. Если в трудовой деятельности (рабочем времени) господствует фактор непреложности обязанностей, функций, последовательности действий, строгой нормативности поведения, т. е. степень свободы выбора относительно невысока, то в досуговой деятельности (свободное время) свобода выбора варианта поведения приобретает максимально широкий простор. Да и функции досуговой деятельности – отдых, развлечение, разрядка, развитие, характеризующие ее как самоценность, как фактор преимущественно личностный, существенно дополняют функции труда, имеющего и личное, и общественное предназначение.

Что касается третьей основной формы деятельности в структуре образа жизни социальных общностей, включенных в общественное производство, – бытовой (реализуемой в рамках времени удовлетворения бытовых и физиологических потребностей), то она также оказывается достаточно значимой, хотя и не играет такой существенной роли в способе их бытия, какая принадлежит труду и досугу, рабочему и свободному времени. Выступая пространством воспроизводства социальных общностей, бытовая деятельность (время на ее осуществление), с одной стороны, является столь же непреложной по своему предназначению, что и трудовая (ибо без удовлетворения физиологических и бытовых потребностей, так же как и без труда, люди существовать не могут). С другой стороны, она содержит в себе определенную свободу выбора варианта поведения, последовательности действий, что является характеристикой преимущественно

досуговой, нежели всякой иной деятельности, и соответственно свободного времени. Следовательно, бытовая деятельность в границах ее временных затрат оказывается по сути промежуточной между трудом и досугом, рабочим и свободным временем.

Итак, мы стремились представить образ жизни социальной общности как расчлененность, дифференцированность способа деятельности, его временных характеристик на отдельные составные элементы (формы деятельности и затраты времени на их осуществление) при наличии глубокой внутренней связи между ними. Фундаментом этого образа жизни является взаимосвязь основных видов производственной и внепроизводственной деятельности, рабочего и внерабочего времени, выступающая объективной необходимостью обеспечения условий существования социальной общности, удовлетворения разнообразных потребностей ее членов. При этом рассматривается образ жизни общности, включенной в общественное производство, что означает наличие в качестве основы способа деятельности профессионально-трудового начала.

Для понимания смысла и содержания образа жизни социальной общности существенное значение имеет осмысление практик ее повседневной жизни в рамках временных характеристик основных форм деятельности и того, что в Европе называют «Work – Life Balance» (равновесие, баланс между работой и «остальным» образом жизни). Эта формула находит сегодня в литературе все большее распространение и связана с удовлетворением широкого и растущего круга потребностей каждодневной жизни. Один из номеров журнала «European Societies» целиком посвящен проблеме «Work – Life Balance» (WLB)¹.

Установление баланса между работой и остальной жизнью является задачей всех субъектов социального процесса – человека (его индивидуальных повседневных практик), социальной общности, государства в рамках осуществления им определенной социальной политики, наконец работодателей (предпринимателей). Смысл этого процесса состоит в том, чтобы преодолеть противопоставление рабочего и свободного времени в жизни человека и социальной общности за счет появления новых

¹ European Societies. – 2006. – № 2.

форм связи между работой и последующим образом жизни. Качественные изменения, происходящие в западноевропейских странах в последнее время, позволяют установить взаимодействие секторов экономики, семьи, социальной защиты нуждающихся в ней людей.

Формула «WLB» отражает дерегуляцию трудовых отношений, в которых происходят сдвиги в сторону большего учета интересов личности и конкретных социальных общностей. Эта формула дает также возможность взглянуть изнутри на новые социальные риски и проблемы, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Необходима комбинация индивидуальных и общностных предпочтений и стратегий действия. Речь идет, в частности, о гибких графиках рабочего времени, которое в целом, по мнению западных социологов, не должно сокращаться.

Это обстоятельство особенно важно в связи с вопросом о женской занятости и ее связи с проблемой роста фертильности у женщин. В западноевропейских странах происходит переход от ситуации с одним «кормильцем» в семье (мужчиной) к дуальной системе, в которой работающая женщина также выполняет роль «кормилицы». Сочетание работы и заботы о детях и старших (пожилых) людях – новая проблема семьи, ее повседневных практик. Расширяется, таким образом, состав субъектов социальных практик.

Формула «WLB» рассматривается в этой связи как либеральный ответ на демографические изменения. Вопрос заключается в том, как стимулировать с помощью этого баланса рост рождаемости. Существующая литература по WLB включает выявление способов решения ряда проблем, направленных на достижение поставленной цели. Они касаются и трансформации семьи, и типов занятости и моделей рабочего времени в изменяющихся стратегиях менеджмента, и широкого круга новых форм сервиса для облегчения повседневной жизни (что относится в первую очередь к социальной политике). Еще одна важная проблема – достижение взаимосвязи работы, семьи и досуга. Особенно это касается женщин и тех профессий, которые, по существу, идентифицируются с их трудовой деятельностью.

Все это приводит к тому, что на первый план вновь, как и много лет назад, выходит фактор рабочего времени. О его со-

кращении и росте за этот счет свободного времени сейчас почти никто не говорит. Если раньше доминирующей была идея сепаратизации этих временных сфер, то в последние годы преобладает иная позиция – их связи. По этой причине пропагандируется «приход» нового стиля жизни. Появилась даже метафора «искусство управлять жизнью» (art of the conduct of life). Она означает и искусство управлять временем жизни, т. е. эти понятия идентифицируются. Отсюда – отход от принципа «сначала работать, потом – жить» (first work then live) в сторону баланса работы и жизни. Поскольку значимым становится успешное управление временем для совершенствования качества жизни, важным становится понятие «культура выбора» (culture of choice).

Ведущие зарубежные исследователи определяют WLB, во-первых, в терминах распределения и продолжительности рабочего времени, во-вторых, как право работников не работать больше, чем установлено контрактом. В связи с этим одна из центральных проблем, поднимаемых ими, – проблема качества (или качественного) времени (quality time).

Все это привело к тому, что в последние 10 лет концепция образа жизни социальных общностей превратилась в одну из главных исследовательских парадигм. В ее рамках образ жизни определяется как взаимозависимость последовательных социальных ролей в основных сферах жизни (семья, образование, работа, здоровье, досуг, домашний труд, забота о других людях, добровольные виды деятельности). В этом смысле он является продуктом связи государственных, рыночных, семейных институтов и демографического поведения в жизненном пространстве и времени.

Образ жизни социальной общности представляет комбинацию деятельностей, относящихся к оплачиваемой работе и личностной активности в указанных выше сферах. Каждая комбинация выступает как продукт индивидуальных и коллективных предпочтений и потребностей, с одной стороны, и институциональных опций и принуждений – с другой.

Идея новой организации использования времени и доходов в течение рабочей жизни не нова. Еще в 1965 г. известный французский социолог Ж. Фурастье написал пионерскую работу на

эту тему, назвав ее «40 000 часов». Исследование, проведенное в Европе в 2004 г., показало, что 66 % европейских работающих женщин и 42 % таких же мужчин комбинируют оплачиваемую работу с домашним трудом или уходом за детьми, по крайней мере в течение 12 часов в неделю. Это исследование также показало, что каждый четвертый работник планирует сократить свои рабочие часы, а половина респондентов считает, что сокращение рабочих часов есть временное явление (временная стадия) в их рабочей жизни¹.

Важным становится изучение не только индивидуальных, но и общественных траекторий образа жизни, как в рабочее, так и в остальное (дополнительное, как его часто называют западные социологи) время. Тенденция к выявлению индивидуальных и общественных особенностей в использовании времени жизни является одной из движущих сил на пути изменений в современном обществе в последние 10 лет, что отражается соответствующим образом в научных исследованиях. Эта концепция представляет важную инновацию в современном понимании комплексных социальных феноменов.

Как следует из сказанного выше, одна из главных особенностей изучения образа жизни социальной общности состоит в обнаружении решающей роли времени, которую оно играет в нашем понимании индивидуального и общественного поведения и структурных изменений в обществе. Время рассматривается как социальная конструкция, и образ жизни также конструируется индивидуально и социально и, следовательно, является предметом исторических и актуальных изменений. Усиливается дифференциация между индивидуальным и социальным временем в процессах модернизации. Другая особенность заключается в том, что концепция образа жизни позволяет получить целостную точку зрения, целостный взгляд, но не на отдельные изолированные проблемы, а на всю их совокупность и взаимосвязь. Это касается в первую очередь практик повседневной жизни человека и социальных общностей в современных условиях.

Рассматривая подробнее структуру образа жизни социальной общности, обратим внимание на такой ее элемент, как усло-

вия деятельности и использования времени различных субъектов образа жизни. Эти условия могут быть рассмотрены сквозь призму уровня жизни социальной общности, который характеризует материальное и духовное потребление людей. Традиционными показателями уровня жизни служат величина душевого дохода, количество и качество потребляемых человеком благ и услуг, реализующих потребности индивида в питании, одежде, жилище, поддержании здоровья, получении образования, в удовлетворении иных материальных и духовных запросов. Мы полагаем, что особое место среди показателей уровня жизни социальной общности занимают величина, структура, характер использования временных ресурсов.

Будучи категорией больше экономической, чем социологической, уровень жизни, тем не менее, является крайне важным показателем (или системой показателей, что точнее) образа жизни социальной общности (индивида). Отсутствие необходимых средств, жилищно-бытовых и культурных условий, большой дефицит времени на многие виды деятельности не позволяют вести полноценный образ жизни, удовлетворять основные материальные, духовные, нравственные, эстетические, физические потребности, реализуя их в повседневных практиках. В этом смысле способ деятельности социальной общности и индивида, их образ жизни зависит от наличного, достигнутого ими уровня жизни.

Связь между способом деятельности и уровнем жизни нельзя недооценивать, но, вместе с тем, не следует и переоценивать, иначе можно впасть в крайность: считать, что все в жизнедеятельности зависит только от уровня материального благосостояния. Тогда придется признать наличие этой зависимости (которой на самом деле в жестком виде в каждом конкретном случае не существует), состоящей в том, что чем выше уровень жизни, тем многообразнее, полнее и насыщеннее повседневный образ жизни и выше удовлетворенность использованием временных ресурсов.

Если встать на такую точку зрения, то невозможно будет объяснить, почему многие богатые люди, в том числе и в России, ведут, мягко говоря, очень «бедный» в духовном и нравственном плане образ жизни. Поэтому более правильным, пред-

¹ European Societies. – 2006. – № 2. – P. 255.

ставляется нам, будет утверждение, что чем сильнее в обществе выражена тенденция к достижению высокого уровня жизни населения, тем больше предпосылок для развития полноценного образа жизни возникает у каждой социальной общности, каждого человека. Именно в форме тенденции и может существовать зависимость между уровнем жизни и способом деятельности.

Условия жизни, детерминирующие во многом (через уровень жизни) повседневные практики социальных субъектов, выводят на понимание способов их поведения и деятельности не прямо, а через структуры сознания, его элементы – потребности, интересы и ценностные ориентации, в том числе связанные со временем и его использованием. В этом состоит особенность нашего подхода к трактовке повседневного образа жизни. Названные выше элементы структуры сознания, как и условия (уровень) жизни, очень хорошо поддаются операционализации и через систему показателей могут быть использованы в конкретном социологическом исследовании повседневных практик тех или иных социальных субъектов. Поскольку центральным для характеристики этих практик становится выявление их ценностей, особое значение следует придавать изучению ценностных ориентаций субъектов образа жизни.

Среди них важно выделять основные, определяющие, или, как часто говорят в социологии, доминантные ориентации. Это могут быть ориентации на профессиональный и любительский труд, включенность в бытовую деятельность, образование, культурное участие, досуг, практики общественной (гражданской) активности. При этом значение имеет не каждая ценностная ориентация, взятая сама по себе, а их соотношение и пропорции в структуре образа жизни, которые можно оценить с помощью метода бюджетов времени.

Такой подход позволяет изучать социальный объект как совокупность и взаимосвязь людей, имеющих ряд общих признаков (демографического, профессионального, образовательного или иного характера), другими словами, как представляющих социальную общность, в составе которой всегда можно выделить группы, отличающиеся какими-либо доминантами – ценностными ориентациями, формами поведения, видами деятельности, характером использования времени. Эти группы в рамках

изучаемого объекта, т. е. социальной общности, представляют собой своего рода типизированные личности.

Именно от ценностных ориентаций социальной общности зависят непосредственные повседневные практики субъектов образа жизни, выражающиеся в различных видах и формах их деятельности и темпорального поведения. С этими практиками и сопряжены три важных понятия в категориальном ряду образа жизни – качество жизни, стиль жизни и жизненный путь.

Если изучение уровня жизни дает представление о количественных и зачастую обобщенных и формализованных характеристиках способа деятельности (рубли доходов, квадратные метры жилья, набор продуктов и товаров, временные показатели и др.), то анализ качества жизни заставляет акцентировать внимание на содержательных аспектах повседневных практик тех или иных социальных субъектов.

Среди относящихся к структуре образа жизни понятий (элементов) видное место занимает, как указывалось выше, стиль жизни.

Мы считаем, что можно говорить о стиле жизни не только личности, как принято в литературе, но и социальной общности. Он включает в себя особенности ее повседневной деятельности, вытекающие из специфики самой социальной общности. Очевидно, что если это общность профессиональная, то особенности ее стиля жизни будут определяться, в первую очередь, характером и содержанием профессионального труда, способами и средствами его осуществления, спецификой использования рабочего и вне рабочего времени. Аналогичные рассуждения могут иметь в случае рассмотрения образовательных социальных общностей, стиль жизни которых вытекает из характера основы их образа жизни – учебной деятельности.

Очевидно, что на стиль жизни социальной общности оказывает свое влияние не только основная форма деятельности, ее специфика, содержание и формы, но и условия жизни, включая материальные, духовные, темпоральные, семейные, бытовые, возрастные и многие другие, без которых особенности стиля жизни общности не могут быть до конца поняты.

Еще одна важная характеристика образа жизни социальной общности, имеющая темпоральную природу и связанная с ее

повседневными практиками, – жизненный путь. В социологической и социально-психологической литературе в качестве его субъекта часто рассматривают индивида, как и в случае со стилем жизни. Б. Г. Ананьев с позиций социальной психологии характеризует жизненный путь как «историю формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения»¹. Хотелось бы обратить внимание, что в предложенной трактовке известный отечественный социальный психолог рассматривает жизненный путь индивида не изолированно, а в тесной связи с его поколением – своеобразной социальной общностью, на которую человек «обречен» в силу объективных, от него не зависящих обстоятельств.

Не возражая против такого подхода к рассмотрению жизненного пути, мы хотели бы обратить внимание на явно недостаточную проработанность этого понятия в социологической науке. Его эвристический потенциал повышается и становится очевидным, если рассматривать жизненный путь как взаимосвязь повседневных (регулярных) социальных практик с жизненным временем, выражающую процесс последовательной смены различных образов жизни (дошкольного, школьного, студенческого, трудового), перехода от одного к другому в ходе самореализации и самоутверждения личности, ее эффективной социализации в рамках определенных социальных общностей.

Этот процесс происходит потому, что в течение жизненного пути меняются доминантные формы и виды деятельности и повседневные практики, составляющие их основу и базу развития личности. Трансформируются социально-пространственные и временные характеристики этих практик, накладывающие печать на их выбор людьми в рамках тех или иных социальных общностей.

Смена одного способа деятельности другим в рамках жизненного пути – процесс не простой. Он обусловлен необходимостью отказа от уже сложившихся, освоенных повседневных практик и доминант образа жизни и интернализацией (интерио-

¹ Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. – Т. 1. – М., 1980. – С. 67.

ризацией) новых. Резкий переход от одной основы образа жизни к другой, замена прежних, привычных практик повседневной жизни новыми противоречиво сказывается на системе ценностных ориентаций, затрудняя возможности удачного включения, «вписывания» в новый социальный контекст, адаптации к иным, непривычным способам деятельности. Об этом свидетельствуют результаты как простых наблюдений повседневного образа жизни, так и научных исследований (социологических, психологических, педагогических и др.) проблем перехода от дошкольного к школьному, от школьного – к студенческому образу жизни, от последнего – к трудовому, от трудового – к послетрудовому образу жизни.

Возникает явление своеобразной аномии. Используя понятие аномии применительно к личности и социальной общности, их жизненному пути, можно говорить о наличии в нем двух главных рубежей, связанных с глубокими изменениями в ценностно-нормативной базе и повседневных практиках, в основе которых лежат те или иные доминантные формы деятельности и способы использования времени.

Первый рубеж – это переход к трудовому образу жизни. Если на ранних этапах жизненного пути доминантой образа жизни людей являются игры и повседневные образовательные практики, связанные с базовой деятельностью обучения как основной ценностью, то на зрелом этапе в таком качестве выступает профессиональный труд и его повседневные практики. Новые способы деятельности и использования времени требуют смены ценностно-нормативного регулирования поведения, делают повседневную жизнь человека более напряженной и ответственной.

Еще более сложным оказывается прохождение второго рубежа, означающего переход от трудового к «послетрудовому» образу жизни и связанного с исчезновением профессионально-трудовой доминанты в повседневных практиках. Этот переход для многих оказывается весьма трудным и зачастую достаточно болезненным. Не всегда находят компенсаторные механизмы, связанные с появлением иных форм и видов деятельности, позволяющих активно включиться в новый образ жизни. С возникновением новых ценностей и соответствующих им способов

деятельности меняется нормативная основа (как моральная, так и правовая), регулирующая их.

Оба перехода несут в себе кризис идентичности как внутреннюю составляющую меняющейся темпоральной повседневности и сопряжены с определенными аномическими процессами, проявляющимися в несоответствии старых, привычных, регулярных жизненных практик меняющимся морально-ценностным ориентирам новых способов деятельности. Отсюда следует, что необходима специальная, чисто практическая работа, облегчающая адаптацию к новой социальной среде, новым жизненным практикам, новым доминантным формам повседневности. Субъектами такой деятельности могут быть образовательные учреждения, трудовые коллективы, службы социальной защиты и социальной работы с населением и др.

Из сказанного следует, что одна из самых фундаментальных структур человеческой деятельности, включающая в себя в онтогенетическом разрезе три ее основные формы – игру, учебу и труд, может быть применена к рассмотрению повседневных практик социальных общностей. Дело в том, что для одних из них доминантными являются игровые практики, для других – образовательные, для третьих – трудовые (включая профессионально-трудовые). По всей видимости, можно было бы говорить еще и о бытовых практиках, поскольку они оказываются, пожалуй, самыми «повседневными» среди всех других. Вероятно, можно было бы назвать и социальные общности, в образе жизни которых они доминируют, например пенсионеров. Но вернее было бы полагать, что бытовые повседневные практики являются «сквозными» или, точнее, универсальными относительно всех социальных общностей.

Рассмотренные выше проблемы, безусловно, могут стать предметом социологических исследований времени социальных общностей, осуществляемых с помощью как количественных, так и качественных стратегий. При этом проблематика образа жизни социальных общностей в ее темпоральном разрезе вполне укладывается в рамки применения как количественных, так и качественных методов. Как пример можно указать на метод изучения биографий, позволяющий анализировать и стиль жизни, и жизненный путь социальных общностей. Вместе с тем, относи-

тельно изучения последнего не меньший интерес, чем качественные, имеют и количественные методы, связанные с проведением лонгитюдных и панельных исследований. Это касается, в частности, «поколенческой» проблематики. В целом же изучение образа жизни социальных общностей сквозь призму темпоральности их повседневных практик требует тщательной методологической и методической проработки и является весьма перспективным направлением их анализа.

ГЛАВА 4

Возрастные общности сквозь призму темпоральности

§ 4.1. Возрастная общность:

понятие и методология ее темпорального исследования

Возрастная общность – разновидность социальной общности, выделяемая на основе использования такого социально-демографического критерия, как возраст. Поскольку возраст – категория темпоральная, постольку возрастную общность уместно относить к группе общностей темпорального характера. Такими общностями можно считать те совокупности (взаимосвязи) людей, критерием (или одним из критериев) которых является наличие темпоральных характеристик, выступающих в качестве основополагающих для этих общностей.

Одной из таких характеристик выступает протяженность (длительность) их существования, вне фиксации которой сама социальная общность не может быть выделена и рассмотрена. Применительно к возрасту социальной общности основной единицей измерения выступают годы жизни. Следовательно, возрастная общность – это общность, жизнь (функционирование) которой определяется периодом нескольких лет (десятилетий) существования.

Так, если мы говорим о молодежи, то понимаем под ней в первую очередь социальную общность, имеющую определенные временные границы возрастного характера. В зависимости от разных точек зрения, молодежью считается социальная общность от 14–16 лет (у некоторых авторов нижняя граница снижается) до 30–35 лет (у отдельных исследователей верхняя граница повышается). Нижние и верхние временные границы могут быть определены в отношении любых других возрастных общностей: детей – дошкольников, детей – школьников, людей зрелого трудового возраста, «предпенсионеров», пожилых, старых людей.

Поскольку специфика возрастной общности состоит в том, что она относится к особому – темпоральному – типу общностей, постольку это обстоятельство накладывает печать на ее место в обществе, его социальной структуре. Она не относится к числу тех общностей, с которыми люди себя идентифицируют в первую очередь. К таким принадлежат профессиональные, обра-

зовательные, национально-этнические, семейные, досуговые и иные. В этом смысле возрастные общности относятся к числу общностей второго уровня идентификации.

В течение своего жизненного пути каждый человек последовательно совершает несколько переходов из одной возрастной общности в другую. При этом «перескочить» биологически через какую-то возрастную общность человеку не дано в силу естественных законов. Сделать это он может лишь в социальном плане, скажем, повзрослев быстрее других членов конкретной возрастной общности, преодолев за короткий срок (в сравнении с другими) образовательные, культурные и трудовые рубежи того или иного возраста.

Эволюционное развитие конкретного общества как живого организма, проходящего определенные необходимые и неизбежные фазы и этапы своего развития (рождение, становление, развитие, дряхление, умирание) адекватно (по сути) отражается в развитии человека как переходе из одной возрастной общности в другую, из одного возраста как времени в другой возраст как время. В данном случае время мы понимаем, в первую очередь, не как социальную, а как биологическую категорию, т. е. просто как определенный, измеряемый в годах, период жизни. Это и позволяет трактовать возраст как темпоральную категорию, а возрастную общность – как темпоральную общность.

Но когда мы говорим о возрасте «просто» как о временном периоде жизни с точки зрения биологической науки, это не значит, что ее представления о возрасте как о времени не отличаются особой сложностью. Все как раз наоборот. Биологическое время – очень сложная категория, вокруг которой существует много теорий и разработок, что мы пытались показать в первой главе (параграф 1.2). Даже краткое перечисление достижений биологической и психофизиологической наук демонстрирует сложность проблемы биологического времени, что представляет для целей нашей работы особый интерес.

Среди этих достижений – трактовка биологического времени как совокупности временных процессов, генерируемых на разных структурных уровнях организма; представление о временных процессах как референтах субстанционального времени, которое позволило описать специфику свойств и функций био-

логического времени; идея взаимосвязи и одновременного генезиса материи, энергии, информации и времени биологической системы; концепция обмена биологическим временем с окружающей средой; представления о возрасте человека как о специфической форме биологического времени. Достижения естественных наук предопределили разработку разнообразных теорий и методов исследования биологического времени¹. Значителен вклад в развитие знания о биологическом времени и психофизиологии,

¹ Вакуленко А. А., Караваев Э. Ф., Козырев Д. Н., Шихобалов Л. С. Время как организующий фактор ноосферы // Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской академии естественных наук. – 1997. – № 1 (4). – С. 378–383 ; Галицкий В. А. Эпигенетическая природа старения // Цитология. – 2009. – Т. 51, № 5. – С. 388–397 ; Загускин С. М. Временная организация и устойчивость биосистем // Проблема времени в культуре, философии и науке. (Библиотека времени, вып. 3). – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 80–91 ; Кулаев Б. С. Эволюция гомеостаза в биологическом пространстве-времени. – М. : URSS, 2006. – 236 с. ; Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем // Метафизика. – 2013. – Т. 2, № 1 (7). – С. 50–73 ; Оловников А. М. Редусомная гипотеза старения и контроля биологического времени в индивидуальном развитии // Биохимия. – 2003. – Т. 68, Вып. 1. – С. 7–41 ; Романов Ю. А. Хронотопобиология как одно из важнейших направлений современной теоретической биологии // Хронобиология и хрономедицина / под ред. Ф. И. Комарова, С. И. Рапопорта. – М. : Триада-Х, 2000. – С. 5–15 ; Уинфри А. Т. Время по биологическим часам. – М. : Мир, 1990. – 208 с. ; Чернышева М. П. Временная структура биосистем и биологическое время. – СПб. : «Написано пером», 2014. – 172 с. ; Январева И. Н., Шерешков В. И., Шумилова Т. Е. Физиологические технологии повышения адаптационных резервов организма // Инновации. – 2005. – № 3. – С. 88–91 ; Golombek D. A., Bussi I. L., Agostino P. V. Minutes, days and years: molecular interactions among different scales of biological timing // Philosophical Transactions of the Royal Society. – 2014. В 369: 20120465. – URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2012.0465> ; Hogenesch J. B., Ueda H. R. Understanding systems-level properties: timely stories from the study of clock // Nature Reviews Genetics. – 2011. – № 12 (6). – P. 407–416.

физиологии, которая особое внимание уделяла проблеме соотношения биологического и субъективного времени¹.

Возрастные общности, наряду с поколенческими и когортными, образуют группу «темпоральных» общностей, имеющих единую природу. Поэтому можно считать, что существует определенный тип социальных общностей, базирующихся на темпоральной основе их возникновения и функционирования, независимо от того, каких темпоральных стратегий поведения придерживаются люди, входящие в эти общности. Это, прежде всего, возрастные, когортные и поколенческие общности. Поскольку же абсолютно все люди являются их членами (в этом смысле данные общности всеохватны), постольку каждый человек становится субъектом, носителем и возрастного, и когортного, и поколенческого времени. При этом понятно, что поколения и когорты также связаны с определенными возрастными характеристиками. Следовательно, можно допустить, что основу поколенческих и когортных общностей составляют общности возрастные.

Далее перейдем к более подробному рассмотрению одного из видов темпоральных общностей, являющихся непосредственным предметом данного параграфа, – возрастных общностей.

Они являются носителями социального времени, рассматриваемого сквозь призму его конкретных количественных харак-

¹ Шиффман Х. Ощущение и восприятие. – СПб. : Питер, 2003. – 928 с. ; Buetti D. The Sensory Representation of Time // *Frontiers in Integrative Neurosci.* – 2011. – № 5. – Article. 34. – URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/fnint-05-00034.pdf> (дата обращения: 23.07.2015) ; Hagura N., Kanai R., Orgs G., Haggard P. Ready steady slow: action preparation slows the subjective passage of time // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences.* – 5 September. – 2012 ; Salvioni P., Murray M. M., Kalmbach L., Buetti D. How the visual brain encodes and keeps track of time // *The Journal of Neuroscience.* – 2013. – July 24. – 33 (30). – P. 12423–12429 ; Сорокин Г. А. Профессиональные риски при режимах труда с ночной работой // Справочник специалиста по охране труда. – 2014. – № 2. – С. 37–44 ; Antunes L. C., Levandovski R., Dantas G., Caumo W., Hidalgo M. P. Obesity and shift work: chronobiological aspects // *Nutrition Research Reviews.* – 2010. – № 23. – P. 155–168 ; Fang D., Lazar M. A. Clocks, metabolism and epigenome // *Molecular Cell.* – 2012. – V. 47 (2). – P. 158–167.

теристик. Но дело не только, и даже не столько, в этом. Названные общности представляют собой единство и взаимосвязь биологических, психологических и социальных черт и сторон, каждая из которых несет на себе своеобразные темпоральные их скрепы. Поэтому мы не сможем по-настоящему понять и изучать возрастную общность с социологических позиций, если не будем владеть знаниями возрастной психологии – отдельной, относительно самостоятельной отрасли психологического знания, у которой есть свои критерии выделения возрастов. Особые трактовки возраста имеют место и в биологической науке.

С многочисленными психологическими и биологическими трактовками возраста должны быть соединены его антропологические и акмеологические характеристики. Все четыре названные трактовки так или иначе касаются индивидуально-возрастных аспектов интересующей нас проблемы.

Между тем существуют и ее социальные аспекты, которые привлекают внимание, прежде всего, двух научных дисциплин – демографии и социологии. При этом на функции и роль обобщающих характеристик может, по нашему мнению, претендовать лишь социологическая наука – с учетом того обстоятельства, что она способна дать целостное понимание возраста, которое включает в себя его трактовку как феномена биологического, психологического, антропологического, акмеологического, демографического. Этот момент приобретает особое значение тогда, когда речь заходит о возрастных особенностях не отдельного человека, а целой возрастной социальной общности. В таких условиях совершенно необходимо определение научно обоснованных возрастных границ, которые позволят выявить соответствующие возрастные социальные общности.

Здесь имеют существенное значение и биологические, и психологические, и антропологические, и акмеологические, и демографические параметры возрастных категорий среди отдельных людей и их групп. Причем с первыми (отдельными людьми) имеют дело биология, психология, антропология, акмеология, со вторыми (группами людей) – демография и социология. При этом антропология и акмеология выполняют роль своего рода промежуточного звена при переходе от индивиду-

ально-возрастных (биология, психология) к социально-возрастным (демография, социология) трактовкам.

Возрастные характеристики биологического, психологического, антропологического, акмеологического плана являются основой для их использования в трактовках демографического и социологического исследования. Уже здесь заложены возможности междисциплинарного подхода к изучению возрастной социальной общности.

Сами возрастные градации как таковые (в их нижней и верхней границах) позволяют выделить определенные периоды в жизни больших групп людей: детство (имеющее свою периодизацию), школьные годы (также подвергаемые периодизации), молодость и т. д. Возрастные периодизации широко распространены в педагогической, психологической, физиологической литературе. Они сегодня активно используются в социологии и могут выступать основой для социального анализа возрастных общностей.

Этот анализ означает выявление основных социальных внутренних и внешних факторов, влияющих на возрастные общности. Среди них – доминантные виды и формы деятельности, присущие им, процессы социализации, адаптации, интериоризации, социальные институты, оказывающие воздействие на функционирование возрастных общностей.

Возрастной общности присущи все основные общностнообразующие признаки, характерные практически для любой социальной общности. Это означает, что социальные общности характеризуются: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов¹.

Возрастная общность также характеризуется: относительной целостностью (в пределах определенных временных границ);

¹ Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – С. 109–110.

осознанием членами этой общности своей принадлежности к ней (за исключением маленьких детей); близкими, схожими условиями жизни и деятельности (тождественны доминантные виды деятельности: игра, учеба, труд и т. д., социальное окружение, влияющие СМИ, особенности социализации); совпадающими структурами хронотопа (пространственно-временных полей), связанными с доминирующими формами и видами деятельности; обладанием и использованием определенных возрастных ресурсов, часть которых является сугубо индивидуальными, другая же часть – социальными; превращением возрастной общности в самостоятельного субъекта социальной деятельности на основе использования имеющихся у нее ресурсов.

Наряду с общими признаками, характерными для любой социальной общности, возрастные общности имеют и специфические признаки. Это ощущение и осознание членами общности временности своего пребывания в ней, неотвратимости перехода в другую возрастную общность. Для многих общностей такое ощущение выступает как стремление ряда их членов быстрее перейти из одной возрастной общности в следующую, у других же, наоборот, оно выступает как сожаление по поводу такого предстоящего перехода.

Возрастная общность может быть рассмотрена как единство биологического, психологического и социального времени. Эти формы (виды) времени на уровне социальной (возрастной) общности могут находиться в разном соотношении: относительного единства, нестыковки, противоречий, дисхроноза. Так, биологический, психологический и социальный возрасты каких-то общностей (или отдельных людей) могут соответствовать друг другу. Тогда имеет место их единство. Но этого соответствия может и не быть. Когда биологический возраст опережает психологический и социальный возраст человека, мы говорим про такого человека – «акселерат», имея в виду, что в физическом плане он соответствует не своему, а более старшему возрасту. С другой стороны, человек (общность) может быть развит «ниже» физических данных своего возраста, а по социальным и интеллектуальным характеристикам обгонять его. Несоответствие может иметь и иной характер: когда последние уступают требованиям возраста (к примеру, дети с заторможенным или ограниченным

развитием). И в том и в другом случае общество (государство от его имени) должно учитывать эти обстоятельства, принимая соответствующие управленческие решения в отношении тех или иных социальных (возрастных) общностей.

Единство и противоречивость особенностей возрастной общности, сквозь призму характеристик ее биологического, психологического и социального времени, ставят перед нами принципиальный вопрос о методологии ее исследования. Нам представляется, что она должна иметь междисциплинарный характер. Сама же трактовка этих форм времени должна осуществляться в бинарной оппозиции линейного и нелинейного времени. Это тем более важно, что ранее в литературе имели место подходы, с позиций которых раскрывались лишь линейные качества времени в биологии, психологии, социальной психологии, да и социологии тоже. Сейчас же речь идет о единстве линейных и нелинейных характеристик биологического, психологического, социального времени возрастной общности.

И здесь существенную роль должен сыграть анализ социализации как формы выражения дисхроноза биологического, психологического и социального времени в жизнедеятельности возрастной общности. Главная задача состоит в том, чтобы определить критические темпоральные «точки» при переходе представителей возрастной общности от одного этапа социализации к другому.

Противоречие между биологическим, психологическим и социальным временем возрастной общности базируется на разности потенциалов и динамики каждого из упомянутых видов времени. Для объяснения и поиска путей разрешения этого противоречия нужна специальная концепция. Она позволит развить социологию времени, равно как и теорию социальной общности.

Исследование возрастных общностей в темпоральном разрезе, учитывающее их биологические, психологические и социальные временные особенности, позволяет увидеть в возрасте как биологический и психологический, так и социальный ресурс. Необходимо выявить потенциал этого ресурса и возможности превращения возраста в специфический капитал социальной общности. Результаты такого исследования будут способствовать развитию социологий возраста, социальной общности, вре-

мени и обогатят методологический арсенал этих отраслей социологического знания.

Для научного осмысления стратегий разрешения темпоральных противоречий существенное значение имеет типология темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. Она позволит выявить общее и особенное в темпоральном поведении различных возрастных общностей. Эмпирическое исследование может показать наличие инновационных, конструктивных, авангардных стратегий темпорального поведения, с одной стороны, и традиционных, пассивных, малоконструктивных стратегий – с другой. Выявление их соотношения, представленности в возрастных общностях может дать новый срез социальной структуры общностей и вывести на осмысление новых тенденций и динамики возрастных процессов в обществе.

Существенное значение имеет создание модели механизмов формирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. Она будет учитывать единство и противоречия биологического, психологического и социального времени возрастных общностей и служить инструментом, интегрирующим когнитивный потенциал естественно-научного и социального знания. Модель включает в себя и такой ресурс социального управления, как оптимизация поведения возрастных общностей.

Завершая параграф, назовем те методологические подходы, которые должны быть применены в исследовании возрастных общностей. С этой точки зрения мы должны обратиться к использованию: во-первых, общностного подхода; во-вторых, подходов темпорального плана, т. е. тех, которые «ближе всего» примыкают к темпоральности (исторический, поколенческий, биографический подходы); в-третьих, междисциплинарного анализа (включающего биологический, психологический, антропологический, акмеологический, демографический, социологический подходы); в-четвертых, деятельностного подхода; в-пятых, системного анализа. Трактовка каждого из них применительно к изучению возрастных общностей нуждается в специальном рассмотрении.

§ 4.2. Темпоральные противоречия возрастных общностей: типологический анализ стратегий преодоления

Развитие идеи времени как универсального фактора становления социальной реальности привело к расширению способов конституирования жизненного мира возрастных общностей. Время выступает своеобразным «клеем», скрепляющим связи и отношения внутри этих общностей, обеспечивает основу их самоидентификации, служит ресурсом их воспроизводства, развития, интеграции в общество.

Как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, возрастные общности относятся к числу общностей второго уровня идентификации. Справедливость этого утверждения доказывает исследование саратовских социологов, проведенное под руководством В. Н. Ярской¹. Оно показало, что при соотношении индивидом себя с различными социальными группами фактор возраста оказывается менее значимым по сравнению с семейными и профессиональными признаками. Между тем возрастные параметры нельзя не учитывать. По данным саратовского исследования, группа людей, для которой возрастной фактор вообще незначим, оказалась немногочисленной – 22,5 % от числа опрошенных. Более того, в сравнении с гендерным фактором темпоральная связь людей одного поколения оказалась даже сильнее (73,2 % против 64 %)². Таким образом, несмотря на то что возраст перестал быть базовым структурообразующим фактором социальной общности³, он продолжает оставаться значимым смыслообразующим основанием жизнедеятельности социальных общностей, выступает важным (хотя и не первостепенным) основанием для их социальной интеграции и сплоченности.

Переход из одной возрастной общности в другую характеризуется определенными коллизиями. Они связаны с тем, что возрастная общность представляет собой результат переплете-

¹ Ярская В. Н. Темпорально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 14–24.

² Там же. С. 18.

³ Бочаров В. В. Антропология возраста. – СПб. : СПбГУ, 2000. – 196 с.

ния биологического, психологического и социального времени. Изучение возрастной общности сквозь призму различных видов ее времени обусловлено рядом причин теоретического и прикладного плана, прежде всего – востребованностью во многих сферах практической деятельности научно обоснованного знания о человеческом капитале, потенциале и проблемах различных возрастных общностей, в том числе связанных и обусловленных фактором времени (биологического, психологического и социального). Анализ научной литературы, повестки дня научных мероприятий, проводимых за рубежом и в России, управленческого дискурса показал, что дефицит такого знания особенно остро испытывают сферы образования, культуры, трудовой занятости, социальной политики (в частности, практика организации волонтерства и работы с пожилым населением)¹.

Кроме того, существует острая необходимость объяснения ряда новых социальных и социокультурных явлений и процессов, связанных с возрастом, таких как «молодые старики», «взросление» и «старение» студенчества, слоулайферы, «детские игрушки и игры для взрослых», speeddating среди молодежи, практики форсированного обучения и ускоренного образования. По-прежнему актуальна проблема разработки социальных технологий регулирования межпоколенческих отношений, позволяющих минимизировать последствия эйджизма и сформировать культуру межвозрастной толерантности.

Наше исследование показало, что существуют знаниевые лакуны в практиках социального управления различными возрастными общностями и острая потребность в разработке специальных программ мобилизации потенциала детей, молодежи и людей «серебряного возраста», сохранения человеческого капитала представителей возраста акме.

¹ Cooke M. Policy changes and the labour force participation of older workers: Evidence from six countries // *Canadian Journal on Aging*. – 2006. – Vol. 25, No 4. – P. 387–400. DOI: 10.1353/cja.2007.0015 ; From exclusion to inclusion in old age: a global challenge / Ed. by N. Scharf, N. C. Keating. Bristol, UK: Polity Press, 2012. – 192 p. ; Jamieson A. Retirement, learning and the role of Higher Education // *International Journal of Lifelong Education*. – 2016. – Vol. 35, No 5. – P. 477–489.

Исследование возрастных общностей в темпоральном разрезе, учитывающее их биологические, психологические и социальные особенности, позволяет увидеть в возрасте как биологический и психологический, так и социальный ресурс. Необходимо выявить потенциал этого ресурса и возможности превращения возраста в специфический капитал социальной общности (следуя словам известной песни: «мои года – мое богатство»). Результаты такого исследования будут способствовать развитию социологии возраста, социальной общности, времени и обогатят методологический арсенал этих отраслей социологического знания.

Осмысление и оценка человеческого капитала конкретной возрастной общности требуют исследования содержания и характера ее темпоральных противоречий, а также стратегий их разрешения. Выявление типов темпоральных стратегий, их соотношения, представленности в возрастных общностях может помочь осмыслению тенденций и динамики возрастных процессов в обществе.

Стратегию преодоления темпоральных противоречий можно рассматривать в качестве разновидности темпоральных стратегий поведения возрастных общностей. Под ней мы понимаем сознательную целенаправленную деятельность возрастной общности, ориентированную на поиск способов согласования темпоральных процессов в их биологической, психологической и социальной формах. Стратегический характер такая деятельность приобретает благодаря концентрации усилий и ресурсов, имеющихся в распоряжении возрастной общности, для разрешения темпоральных противоречий.

Возрастных общностей много, и каждая из них неоднородна, дифференцирована по многим социальным, культурным, экономическим и иным признакам. Соответственно, мы можем предположить, что возрастными общностями вырабатывается несколько типичных стратегий преодоления темпоральных противоречий.

Для построения и анализа типологии темпоральных стратегий можно выработать несколько подходов, акцентируя внимание на таких различных аспектах темпоральности, как ценностное отношение к возрасту, выбор сферы реализации темпоральной стратегии, индивидуалистический подход к формированию

темпоральной стратегии или включенность в коллективные практики, имитационный или содержательный характер усвоения моделей темпорального поведения. Мы предлагаем рассмотреть типологию, основанием которой выступает выбор способов преодоления дисхроноза.

В соответствии с предложенным основанием мы выделяем *традиционные* и *инновационные* стратегии преодоления темпоральных противоречий. Название первого типа означает следование привычным, устоявшимся, социально одобряемым моделям темпорального поведения. При этом такое традиционное темпоральное поведение вовсе не означает отсутствия какой-либо социальной, жизненной активности со стороны его субъектов. Напротив, в своем стремлении преодолеть ситуацию дисхроноза и его последствия они действуют с различной степенью активности (она может быть низкой или достаточно высокой). Традиционность темпорального поведения связана с нежеланием выбирать или самостоятельно конструировать новые темпоральные модели поведения.

Потребность в преодолении темпоральных противоречий у носителей традиционной стратегии реализуется в различных сферах жизнедеятельности. Однако спектр конкретных видов деятельности и моделей темпорального поведения ограничен возрастными стереотипами и культурными традициями, преодолевать которые носители этих стратегий либо не умеют, либо сознательно не хотят. Поэтому характерным признаком традиционной темпоральной стратегии является выбор привычных для возрастной общности сфер и видов деятельности: для детей дошкольного возраста – игра, для школьников – игра и образование (в различном сочетании в зависимости от возраста), для молодежи и зрелых людей – образование и профессиональный труд, для старших возрастных общностей – досуг и семейный (внерыночный) труд. Выход за рамки ведущей деятельности в поиске новых способов преодоления дисхроноза носителями традиционных стратегий практически не осуществляется и не приветствуется.

Если говорить о таком важном признаке темпоральной стратегии, как характер взаимодействия с представителями других возрастных общностей, то для носителей традиционных темпо-

ральных стратегий, как правило, характерна возрастная гомогенность общения и взаимодействия. Этот фактор тормозит поиск новых способов преодоления дисхроноза, поскольку способствует простому воспроизводству моделей темпорального поведения и закреплению традиционных маркеров идентификации и возрастных автостереотипов.

Носители инновационных стратегий осуществляют активный, избирательный поиск новых способов преодоления дисхроноза. Зачастую эти способы бросают вызов сложившимся в общественном сознании представлениям о возрасте и социальных ролях, предписанных ему. Образно говоря, биологические, психологические и социальные часы носителей инновационных темпоральных стратегий идут не запрограммированным путем, а по «нелинейному» графику.

В ситуации выбора способа преодоления дисхроноза они стремятся, как правило, не к подчинению, а к согласованию и гармонизации различных темпоральных процессов. При этом выбираются нетипичные для их возраста виды и сферы деятельности. Некоторые из них противоречат сложившимся в обществе возрастным стереотипам и культурным традициям. Существенное значение для формирования темпоральной стратегии этого типа имеет активное и многогранное взаимодействие с различными возрастными общностями – как со старшими, так и с младшими. Такое взаимодействие служит источником темпоральных инноваций и «экспериментов» с возрастом, средством разрушения консервативных возрастных стереотипов и эйджизма.

Развернутая характеристика представленных типов темпоральных стратегий возрастных общностей была основана на результатах эмпирического исследования, проведенного авторами в 2016 г. Это исследование было осуществлено на основе качественной методологии¹, что позволило выявить спектр темпо-

¹ Использован метод глубинного полуструктурированного интервью. В 2016 г. опрошено 25 представителей различных возрастных общностей, проживающих в Екатеринбурге. В исследовании применялся метод анализа интервью с представителями старших возрастных общностей, размещенных в СМИ, а также изучения контента веб-

ральных стратегий без определения степени их распространенности в тех или иных возрастных общностях. Тем не менее оно показало, что выявленные темпоральные стратегии преодоления дисхроноза имеют не индивидуальный, а коллективный характер, т. е. присущи не одному человеку, а группе людей, устанавливающих прямые и опосредованные контакты по поводу обмена опытом осмысления и проживания их ситуации.

Очевидно, что с увеличением возраста человека – при переходе его в более старшую возрастную общность – потенциально расширяется спектр видов деятельности, в которые он может включаться, реализуя свою темпоральную стратегию. У детей младшего возраста количество видов деятельности, посредством которых они могут «снять» проявления дисхроноза, минимально (преимущественно игра и в меньшей степени – обучение). В этом случае выбор темпоральной стратегии естественным образом ограничен возрастными способностями и возможностями, прежде всего психофизиологическими. Кроме того, как показало наше исследование, возможные варианты конструирования темпоральной стратегии у детей в большинстве случаев определяются волей, интересами и степенью активности их родителей. В связи с этим применять предлагаемую типологию темпоральных стратегий по отношению к возрастной общности детей без всяких оговорок и адаптации нам представляется некорректным. Скорее всего, данная типология становится релевантным инструментом изучения старших возрастных общностей, представители которых способны относительно независимо осуществлять выбор сферы жизненной активности и поведенческой стратегии.

В отличие от детей старшим возрастным общностям потенциально доступен максимальный спектр видов и сфер деятельности. Однако мы понимаем, что в реальности их выбор также ограничен, и не только психофизиологическими, но и социальными факторами. Именно отношение к этим факторам-ограничениям, потребность в их преодолении и способы ее удовлетворения создают ситуацию выбора типа темпоральной стратегии преодоления дисхроноза. Наше исследование показало,

сайтов, форумов, блогов, групп в социальных сетях, посвященных различным проблемам возрастных общностей.

ло, что наиболее остро дисхроноз проявляется в старшем – предпенсионном или пенсионном – возрасте. Именно в этот период наиболее четко выражена дифференциация социальной общности по типу темпоральной стратегии поведения.

Стратегии первого типа у старших возрастных общностей разворачиваются в традиционных сферах жизнедеятельности. Прежде всего это такие виды досуга, как занятие рукоделием, чтение книг, сбор грибов, ягод, охота, рыбалка, огородничество и садоводство, посещение театров, концертов, просмотр телевизионных передач, Интернета. Кроме того, это различные виды домашнего труда: ведение домашнего хозяйства, уход за престарелыми членами семьи и маленькими детьми. По мнению наших информантов, эти виды деятельности позволяют им сохранить здоровье, активный образ жизни, подвижность, хорошее настроение. Включаясь в них, они чувствуют себя «еще не совсем устаревшими», востребованными, причастными «молодой жизни»:

«Меня спрашивают: чем заняться на пенсии, если ты неработающая пенсионерка? У меня есть внуки, я занимаюсь немного ими. У меня есть хобби, увлечения. Я по натуре человек увлекающийся: что бы я ни делала, у меня нет остановки в развитии. Сегодня я вышиваю, увидела в Интернете валяние из шерсти – начала этим заниматься. Мне нравится вязать. Я люблю заниматься рукоделием. У кого есть возможность и у кого есть желание путешествовать, конечно, это интересно. Но мне сейчас этим не хочется заниматься, я стала тяжелая на подъем. В основном я сижу дома, занимаюсь чем угодно. Например, делаю открытки. Совершенно детское занятие, но мне оно нравится. Кто-то может готовить еду. Если сам не хочет есть, детям можно отдать, помочь им. Самое страшное – это одиночество. Хорошо, если есть дети, внуки, братья, сестры. С ними можно как-то пережить пенсию, затормозить процесс старения. Главное – быть здоровеньким. Надо больше гулять, встречаться с подругами» (О. П.).

Анализ контента форумов, на которых ведется дискуссия на тему «чем заняться на пенсии, чтобы не стареть», позволяет сделать вывод о преобладании традиционных установок в отношении выбора сфер деятельности, а также способов снятия дисхроноза. Идеология сторонников «традиционного старения» на-

правлена на приспособление к внешним условиям, заданным его физическим процессом: необходимо принять – позитивно, не драматизируя, как данность – последствия истощения физического времени-возраста: усталость, болезни, изменение внешности, психики. Примирение с биологическим возрастом и расширение социальной и психической активности внутри его границ – главные задачи, которые решаются с помощью выработки традиционных темпоральных стратегий поведения.

«Стала часто болеть – возраст уже такой... Дочь говорит: надо в больницу, к хорошему врачу. А я ей отвечаю: мне уже в другое место пора, а не в больницу. Хотя нам болеть с дедом некогда и умирать тоже. Надо за внуками присмотреть, помочь детям по хозяйству. А весной, летом и осенью – сад: надо и рассаду посадить, вовремя все полить-собрать. Опять болеть некогда. А зимой – снова внуки: в школу их отвести, из школы встретить, накормить, проследить за ними» (А. А.).

Таким образом, мы видим, что степень физической и интеллектуальной активности у многих носителей традиционных темпоральных стратегий может быть достаточно высокой. Она часто поддерживается сознательно как способ сохранения оптимального физического и психического состояния. Однако социальное и психологическое время представителей этой общности «следует» за биологическим возрастом, обеспечивая традиционный сценарий «продуктивного старения».

Важным фактором формирования и реализации сценария традиционной темпоральной стратегии выступает круг общения, образованный преимущественно представителями «третьего возраста». Отметим, что под влиянием информационных технологий меняется формат общения представителей старшего поколения. Помимо традиционных форм (клубы по интересам, досуговые центры, хоры ветеранов), появляются интернет-форумы, чаты, социальные сети, но принципиально состав участников сети остается прежним, т. е. гомогенным в возрастном отношении.

Таким образом, формирование и поддержание сети социального взаимодействия сохраняется в качестве важнейшего условия «продуктивного старения». Однако эта сеть не может продуцировать новые модели темпорального поведения. Она в ос-

новном воспроизводит традиционный репертуар социальных ролей и видов досуговой деятельности «третьего возраста», может быть, несколько «подновленный» и расширенный в контексте социокультурных изменений.

Проведенные нами глубинные интервью с представителями старших возрастных общностей выявили наличие у них выраженного интереса к своему поколению, замыкание в границах своей возрастной общности и отсутствие потребности к общению с представителями иных возрастов (помимо ближайших родственников). Очевидно, что традиционная темпоральная стратегия поведения, даже при наличии эффекта продуктивного разрешения темпоральных противоречий, поддерживает социальную модель эксклюзии старшего поколения, тогда как на- сущно необходим переход к модели инклюзии и межпоколенческого диалога.

Отчасти эта социальная задача решается посредством формирования инновационных темпоральных стратегий преодоления дисхроноза, нелинейный и вариативный характер которых вызывает повышенный исследовательский интерес. Данный тип стратегий складывается в различных возрастных общностях и основан на преодолении границ и барьеров, предписанных возрасту, в многообразном спектре видов деятельности и взаимодействия. Благодаря расширению круга общения и активному интересу к образу жизни других возрастных общностей носители активных темпоральных стратегий поведения «примеряют» на себя их социальные роли и заимствуют их модели поведения.

«В последнее время я меньше общаюсь с людьми своего возраста. Общаюсь, конечно, но мне это тяжело. Стараюсь делать это как можно реже. Многие болеют, кто-то уходит... Мне нравится быть с молодежью, они все живые, интересные. С ними забываешь про свой возраст. Не знаю, интересна ли я им, но я стараюсь. Даже когда одежду выбираю или волосы крашу, думаю: а что сказала бы моя дочь?» (Г. А.)

Вектор темпоральных ориентаций носителей инновационных стратегий (на более молодой или зрелый возраст) связан с двумя моментами. Во-первых, он зависит от того, какое время – биологическое или социальное – становится для них ведущим. Во-вторых, от того, какие внешние темпоральные факторы ста-

новятся доминирующими – акселерация или децелерация биологического времени возрастной общности или ускорение социального времени общества. В целом же прослеживается тенденция, зафиксированная социальными психологами: стремление молодых казаться старше и стремление представителей старших возрастных групп казаться моложе своего календарного возраста. Социально-психологическая тенденция, накладываясь на нелинейность (неравномерное ускорение или замедление) биологического или социального времени, проявляется в нескольких вариациях инновационных темпоральных стратегий преодоления дисхроноза.

Поскольку мы уже обратили внимание на актуальность проблемы дисхроноза для старших возрастных общностей, рассмотрим теперь инновационные темпоральные стратегии, которые вырабатываются отдельными группами возрастных общностей в ответ на их потребность в замедлении биологического времени. Социальные, культурные, экономические предпосылки этой темпоральной тенденции уже описаны в литературе¹, поэтому останавливаться на них нет смысла.

В нашем исследовании мы акцентируем внимание на стратегиях позднего деторождения, на образовательных стратегиях студентов «серебряного возраста», на стратегиях «преодоления возраста», основанных на использовании медицинских технологий (так называемая антиэйджинговая, или антивозрастная, медицина), и на самосохранительных практиках, стратегиях «второго рождения в профессии»². Названные стратегии объединяют

¹ Бухалова Н. А. Проблемы социальной инклюзии лиц пожилого и старческого возраста // Вектор науки ТГУ. Серия : Педагогика, психология. – 2015. – № 4. С. 57–60 ; Высоцкая И. В. Самостоятельная организация как образовательное учреждение в сфере образования пожилых людей в Германии // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 159–162 ; Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. – СПб. : Алетей, 2015. – 336 с. ; Рогозин Д. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62–93.

² Амбарова П. А. Родятся дети, и жизнь повторится сначала... Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник

стойкое стремление их носителей «преодолеть» свой возраст и связанная с этим противоречивая по своему характеру возрастная самоидентификация.

В своем интервью одна из «возрастных» мам сообщает:

«Я осознаю, что выгляжу точно на свой возраст: у меня многочисленные морщины и старая кожа. Поэтому не люблю смотреться в зеркало (это единственное, что напоминает мне о возрасте), но я обожаю свою позднюю дочь. Я чувствую себя очень молодой, лет на 27, максимум на 37, когда очень сильно устаю, и полной энергии, при этом я здоровее, чем большинство женщин вдвое меня моложе» (А. И.).

Для данного типа темпоральных стратегий характерна инновационность способов преодоления дисхроноза – смелое вступление в разновозрастной брак, рождение детей в зрелом и пожилом возрасте, приобретение нового образования и даже профессии, позволяющей оставаться включенными в рыночную экономику.

Реализация инновационных темпоральных стратегий поведения происходит, как видим, в самых разных сферах жизнедеятельности, которые избираются в качестве доминирующих (семья, брак, здоровье, профессия, образование, досуг). Однако в общественном сознании либо некоторые из них не признаются в качестве ведущих для этого возраста, либо модели темпорального поведения в этих сферах не соответствуют возрастным стереотипам. Так, например, позднее деторождение, несмотря на то что оно перестало носить единичный характер как за рубежом, так и в России, до сих пор довольно критично воспринимается в нашем обществе.

«Когда появилась Клеопатра, на работе все онемели. Кто-то осуждает, кто-то поддерживает» (А. Ш.).

«Целый месяц мы жили спокойно, пока не начали оформлять документы. Вот тут и начались звонки, вопросы. А я не

Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2016. – № 4. – С. 127–134 ; Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. – 2017. – № 4. – С. 38–49.

Алла Пугачева и не хотела, чтобы об этом знали. Мы даже родственникам не сообщали до самих родов» (Г. Ш.)

Исключение составляет, пожалуй, только сфера образования. Групповые интервью со студентами уральских вузов, проведенные авторами, показали, что студенческая молодежь вовсе не возражает против присутствия в их группах возрастных студентов: *«Это даже интересно учиться с опытными людьми, знающими жизнь не по книжкам и учебникам, как мы. Они могли бы быть старостами в наших группах».*

Или другой пример, приведенный на основе описания ситуации общения в культурном центре университета Тулузы, который открыт и для молодых, и для возрастных студентов:

«Вот оживленно разговаривают студент Доминик (23 года) и Жак Ферран (73 года), бывший инженер, они обсуждают детали нанесения японской идеограммы на шелк. Работой этой занят Жак, а Доминик живо интересуется деталями. Здесь люди называют друг друга по имени, здесь царит семейная атмосфера. “Я встретил здесь много друзей, – говорит Жак. – После занятий мы все вместе, и старые и молодые, проводим некоторое время в ближайшем кафе за чашечкой кофе”»¹.

Важно отметить, что инновационные темпоральные стратегии поведения показывают определенную степень своей продуктивности, выполняя ряд функций:

- во-первых, ауksологическую функцию, заключающуюся в торможении процессов физического старения и атрофии интеллектуальной функции;
- во-вторых, адаптационную функцию, обеспечивающую конкурентоспособность старших возрастных общностей;
- в-третьих, функцию межпоколенческой интеграции, которая способствует установлению многоуровневых и многоаспектных взаимодействий между различными возрастными группами и выведению старших возрастных общностей из состояния эксклюзии.

¹ Ткаченко Н. Наши университеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.3vozrast.ru/article/society/amerika/8179/> (дата обращения: 29.12.2016).

Наше эмпирическое исследование позволило выявить и проанализировать не только вариации традиционных и инновационных стратегий преодоления темпоральных противоречий возрастных общностей. Мы пришли к выводу, что не все инновационные стратегии могут получить однозначную оценку по такому критерию, как их конструктивность и позитивное влияние на физиологическое, психическое и социальное здоровье человека. Некоторые из них превратились в модный тренд и приобрели массовый характер, вследствие чего встает вопрос о степени избирательности и активности их носителей.

В связи с этим мы предлагаем выделить особый – третий – имитационный тип темпоральных стратегий поведения, в основе которого лежит сочетание ориентации на инновационную модель темпорального поведения и одновременно механизма подражания, то есть пассивного копирования паттернов поведения. На наш взгляд, данный тип стратегий преодоления дисхроноза заслуживает внимания и дальнейшего исследования в силу неоднозначности его последствий и массового распространения в социальных практиках возрастных общностей. Прежде всего речь идет о детской возрастной общности и детско-родительских практиках форсированного интеллектуального развития и воспитания «маленьких взрослых».

Эти разновидности темпоральных стратегий имитационного типа детерминированы ускорением социального времени общества. «Быстрое» время общества, спроецированное на социальное время возрастной общности и отдельных ее представителей, приобретает статус ведущего фактора, подчиняющего себе биологическое и психологическое время.

Выбирая в качестве объекта изучения возрастные общности детей и подростков, а также их родителей, мы исходили из понимания того, что темпоральные стратегии (особенно в детском возрасте) либо формируются под влиянием родителей, либо навязываются с их стороны. Еще одно предположение было связано с представлениями о существовании временного лага между биологическими и культурными процессами и о таких его последствиях, как сохранение поведенческих стратегий ускорения психологического и социального времени детей и подростков

при формировании тенденции к децелерации (замедлению биологического развития).

Первая имитационная темпоральная стратегия предполагает форсирование интеллектуального взросления детей посредством специальных методик. В рамках этой стратегии раннее развитие детей становится маркером родительской любви и сознательного родительства и подкрепляется использованием широкого спектра предложений на рынке дополнительного образования для детей. Не ставя под сомнение необходимость самой модели сознательного родительства или развивающей педагогики, мы делаем акцент на опасности приобретения такими образовательными практиками характера модных паттернов, которые применяются родителями к детям из соображений престижности, следования социальной норме, боязни неуспешности. Приведем мнение мамы такого ребенка:

«Почему веселые малыши, годами ходившие на всякие “развивалки”, начиная лет с полутора, потом в школе часто как-то совсем не блещут? Устали что ли, перегорели, уже надоело учиться за столько-то лет? Или еще хуже – блещут, но никак не могут найти себе друзей, возвышаются над толпой, этакие юные снобы... Оказалось, что моей дочери не подходит такой путь. Конечно, она ползала по ковру с карточками и даже читала их, но большие – чтобы меня обрадовать, чем ради себя самой. А в клубе играла исключительно с игрушками, не желая общаться с кубиками и прочими конусами-цилиндрами. Я недоумевала, сердилась, но вдруг однажды как-то внезапно поняла: надо уходить. За внешней привлекательностью, результативностью, креативностью как-то уж очень явственно проступали ребра обыкновенного взрослого тщеславия» (Е. Л.).

Как видим из этого высказывания, стратегия ускорения интеллектуального развития ребенка не имеет однозначно позитивного влияния на детей и не подходит всем им в равной степени. Развитие ребенка в связи с этим должно мыслиться в категории *своевременности* (а не «опоздал/не опоздал»). Применение развивающих методик вполне обосновано, если ускорение психологического и социального времени ребенка идет вслед за акселерацией биологического возраста и не входит в явное противоречие с социальным и психологическим временем социального

окружения ребенка. При наблюдаемой тенденции к децелерации детей следование родителей стратегии ускорения времени может иметь негативные последствия для физического здоровья, психического и социального благополучия ребенка.

Вторая разновидность стратегии ускорения психологического и социального времени детей, которая с очевидностью просматривается среди родительских практик, связана с различными форматами трансляции паттернов поведения взрослых людей на детский образ жизни и поведение. Условно эту стратегию можно назвать стратегией воспитания «маленьких взрослых».

В современном российском обществе, которое остается по своей сути детоцентричным, появляются сознательно конструируемые практики «изымания» детей из детства. Один из вариантов такой стратегии – вовлечение детей в модельный бизнес, форсированное взросление ребенка посредством переноса на него внешних признаков взрослого: фасона одежды и обуви, прически или стрижки, походки и мимики, использования макияжа, маникюра, педикюра, искусственных ресниц, в редких, но имеющих место случаях – применение хирургических операций и косметических процедур, специальных диет для моделирования форм тела и лица.

Анализ содержания нескольких интервью с маленькими моделями показывает, что меняются не только внешние признаки их поведения, но и содержание и формы жизнедеятельности. Основные формы – образование и игры – уходят на второй план, заменяются почти профессиональной занятостью в съемках и дефиле, ведением собственных сайтов, фан-клубов, посещением салонов красоты, фитнеса, общением с публикой, журналистами. Вот фрагмент наблюдений мамы одной из юных моделей на столичном кастинге:

«К нам вышел мальчонка лет одиннадцати, восходящая звезда канала, ведущий со взрослыми какую-то передачу “на злобу дня”. Я озвучила тупой, как выяснилось, вопрос: почему в среду в 10 часов утра он не в школе? Оказалось, что в школе у него “свободное посещение”, что делать там ему нечего. Но мне стало интересно: как же мальчик собирается работать журналистом, где требуются грамотность, начитанность и кругозор? Мальчик изрек, что для работы ведущего надо уметь

читать текст с сурфлера или, в крайнем случае, запомнить три предложения для съемки дубля» (Б. К.).

В качестве вывода отметим, что изучение темпоральных противоречий возрастных общностей и стратегий их преодоления с очевидностью показывает формирование в современном обществе особого темпорального вызова, связанного с новым осмыслением феномена возраста человека. «Эксперименты» со временем в «текущем» обществе продолжают, затрагивая те сферы и виды деятельности, которые прежде не становились предметом социальных преобразований. Фундаментальность возрастной структуры общества ранее не подвергалась сомнению и подчиняла себе поведение и деятельность больших социальных групп и общностей. Сегодня же мы видим, что возможна социальная инверсия, когда обостряющиеся противоречия биологического, психологического и социального времени возрастных общностей и выработанные ими стратегии преодоления дисхроноза станут фактором трансформации возрастной структуры и ее социальных функций.

§ 4.3. Поколенческая общность в зеркале темпоральных характеристик

В этой главе показывается, что среди многих социальных общностей особое место занимают те, для которых темпоральные характеристики являются определяющими. Именно в таком качестве рассматриваются поколенческие общности.

Особенность поколенческих общностей (и людей, к ним относящихся) состоит в том, что в течение жизни человек может относиться к разным поколениям (как формам социальной общности), переходя последовательно от одного к другому и приобретая темпоральные характеристики каждого нового поколения (это же касается возраста и когорт).

По существу, любая социальная общность включает в себя одновременно представителей нескольких поколений (равно как возрастных и когортных общностей). В этом случае время людей несет на себе особенности и того поколения, возраста, когорты, в которых они находятся в какой-то период своей жизни, и той (тех) социальной общности, представителями которой (которых) они выступают в этот период. Другими словами, проис-

ходит известное наложение на время жизни людей темпоральных особенностей и их конкретного поколения (возраста, когорты) и тех социальных общностей, в рамках которых они функционируют в данный хронологический отрезок.

Тогда справедлива и иная постановка вопроса: происходит ли подобное наложение темпоральных характеристик поколенческой жизни людей на время их социальной общности (социальных общностей)? Думается, что ответ на поставленный вопрос должен быть утвердительным.

Представим демографическую ситуацию, характеризующуюся резким численным ростом молодого поколения, будь то школьники, студенты или выпускники учебных заведений, в большем количестве, чем совсем недавно, заполняющие рабочие места, а также места в образовательных организациях. Первое следствие этого процесса сразу бросается в глаза: школы в этот период нуждаются в новом притоке учителей. Это означает для данной социально-профессиональной общности, государственных структур, связанных с образованием, необходимость ее пополнения и поиска ресурсов для такого процесса.

Но это далеко не все последствия поколенческих изменений. Мы затронули лишь их количественную характеристику. Однако каждое новое поколение несет в себе глубокие качественные особенности, связанные с мировоззренческими, ценностными, культурными и иными аспектами деятельности, приобретающими подчас стратегическую для данной общности направленность. Последняя не может не быть связанной с темпоральными проблемами поведения генерационной (поколенческой) общности, которые, как мы уже отмечали, накладываются на деятельность любой иной социальной общности. Ибо каждое новое поколение несет с собой не просто ветер перемен – это ветер нового времени, нового восприятия времени, нового отношения к нему. Время меняет поколения, а поколения меняют время, рожают новые темпоральные способы деятельности и взаимоотношений между людьми, новые способы его восприятия.

Как верно пишет В. В. Семенова, «поколения представляют собой особые временные общности. Их жизнь рассматривается как целая локальность во временной протяженности движения обществ от прошлого к настоящему и будущему. Исходя из это-

го, складывается специфически узкий фокус отношения к социальной реальности и определенным событиям прошлого, что ведет к становлению схожих коллективных ориентаций относительно опыта своей жизни и формированию их отношения к своему времени. Это и является первичным основанием внутренней солидарности поколений или дифференциации взглядов разных поколений»¹. Отсюда следует, что интерпретация поколения как временной общности требует специального внимания, выходящего за пределы генерационной проблематики.

Работ в социологии, связанных с осмыслением поколений, особенно молодежных, их смены, роли многих из них в жизни общества и т. д. за историю этой науки накопилось немало. Среди тех, кто ставил и рассматривал эти проблемы, – все без исключения классики социологии, начиная с О. Конта, практически все крупные зарубежные и отечественные социологи XIX–XX вв. Многие посвятили анализу этих проблем (как, например, К. Мангейм), специальные работы². Но крайне редко в них ставились вопросы, которые напрямую касались поколения как временной общности.

В процитированной нами выше работе В. В. Семеновой поколение как временная общность рассматривается с точки зрения ее отношения к своему времени (исследовательница выделила последние два слова разрядкой букв, подчеркнув тем самым свое стремление обратить особое внимание читателя на это положение). Что это значит – свое время для поколенческой общности? По всей видимости, это специфические характеристики своей эпохи как социального контекста жизни данного конкретного поколения.

Рассмотрим в качестве примера две эпохи – перестройки и постперестроечную эпоху. И та и другая хорошо укладываются в хронологические рамки поколения, занимающие в среднем 15 лет. Речь идет о том, что поколенческие общности, вступившие в каждую из них и прожившие и первую и вторую эпохи, с

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 29.

² Мангейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. – М., 2000. – С. 16–47.

одной стороны, испытали на себе их самое разнообразное влияние, с другой – оставили свой след, свою печать на этих эпохах. Отсюда и отношение к своему времени как времени данной эпохи, его восприятие поколенческой общностью. В нашем конкретном примере речь идет о восприятии соответствующими поколениями эпохи перестройки и постперестроечной эпохи.

Время поколенческих общностей в данном случае – не фон, не хронологический интервал протяженностью в 10–15–20 лет, не календарные годы. Это тесно сопряженные с поколенческой общностью способ и форма ее деятельности, ее образ жизни. Это существование одних и тех же ценностей, потребностей, поколенческих установок в качестве доминирующих. Это появление особого культурного кода поколения (поколение шестидесятников как образец) и языка поколенческой общности (в том числе его сленговых форм). Это коллективные представления и общественное мнение, выражающие состояние общественного сознания поколения, что для социологии особенно важно, поскольку составляет предмет эмпирического изучения.

Именно так мы понимаем трактовку своего времени поколенческой общности и отношения к нему в упомянутой выше работе В. В. Семеновой. Подчеркнем специально, что это наша интерпретация ее научной позиции. Между тем время поколенческой общности можно трактовать и не столь широко, т. е. как время-эпоху (или какой-то важный этап эпохи). Под более узкой трактовкой мы имеем в виду темпоральные характеристики поведения поколенческих социальных общностей, его модели, стратегии.

Речь идет о непосредственном отношении к времени своей жизни и деятельности, его тесной связи с повседневным, регулярным, типичным поведением, в котором само время, темпоральность как таковая, их качества, свойства, черты, ценности могут занимать различное место – от наиболее значимого до наименее значимого в жизни общности. Наибольшая значимость означает при этом превращение времени и темпоральных характеристик деятельности в доминанту какой-то поколенческой общности (ее части, слоя), наименьшая значимость – ситуацию обратного порядка, когда фактор времени, как таковой, никакой реальной роли в деятельности общности (ее части, слоя) не иг-

рает. Конечно, между этими двумя полюсами могут находиться и промежуточные социальные слои, группы людей, выделяемые по такому критерию, как их отношение к времени.

Теперь необходимо пояснить наш интерес к времени социальной общности и к общностям, имеющим темпоральную природу, интересом к поколенческой общности и последующему за ее характеристикой рассмотрению исторического времени. Дело в том, что на «стыке» этих двух концептов – поколения и исторического времени – появилась теория исторических поколений, или исторический анализ поколенческой проблематики, данный К. Мангеймом в его эссе «Проблема поколений»¹. В этой работе предпринята одна из наиболее плодотворных в социологии попыток осуществить поколенческий анализ – как с теоретико-методологических, так и с конкретных эмпирических позиций.

Для достижения своей цели Мангейм использует два подхода к историческому анализу поколений – позитивистский, объективный, берущий начало у О. Конта и продолжающийся в творчестве Э. Дюркгейма («французский след»), и субъективный (субъективистский), идущий от В. Дильтея и продолжающийся у М. Хайдеггера («немецкий след»). В рамках позитивистского подхода Мангейм рассматривает поколение как определенный временной интервал, необходимый для измерения социальных изменений в любом обществе. Этот интервал охватывает период в 15–30 лет. Именно к данному возрасту заканчивается период подготовки человека к зрелой и продуктивной социальной жизни (ее верхнюю границу Мангейм видел в 60-летнем возрасте). Сам социолог считает такой подход линейным, упрощенным, лишенным глубокого осмысления общественного прогресса, осуществляющегося при таком рассмотрении путем хронологической смены поколений и на этой основе социального обновления.

К. Мангейм характеризует и иной подход, который предлагает В. Дильтей. Суть его в том, что исторический опыт поколения, в отличие от первого, количественного подхода, не может быть четко измерен. Исследователи должны описывать его качественное своеобразие на основе того, как этот опыт поколения

¹ Mannheim K. The Problem of Generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge. – London : Routledge and Kegan Paul LTD, 1952.

воспринимается и переживается современниками. Стало быть, дело не в единицах измерения объективного времени (годы, часы и т. д.), но в его субъективном переживании. И здесь нужна не хронологическая фиксация, а познание и понимание времени поколения.

Такой подход приводит к иному осмыслению реальной темпоральной ситуации, согласно которой несколько поколений, живущих в одно и то же реальное время, воспринимают и переживают его по-разному. Следовательно, объективно реальное время становится с этой точки зрения субъективным, оно специфично в его переживании для разных социальных субъектов (общностей) – поколений. Как пишет В. В. Семенова, «возникает полифония разных субъективных времен в рамках одного реального времени, где можно слышать индивидуальные голоса нескольких поколений, представляющих различные моменты их жизненного цикла»¹.

Для нас в этом подходе важно отметить, что его приверженцы рассматривают поколение как определенную социальную общность, обладающую присущими ей пространственно-временными характеристиками. Каждое поколение отличается историческим своеобразием, соответствующим историческому времени его «проживания». Тем самым провозглашается нелинейная концепция общественного прогресса.

Следует отметить, что второй подход был ближе К. Мангейму, чем первый, хотя и его он не отрицал. Рассматривая поколение как феномен социального обновления, он отмечал присущее ему общее сознание, чувство причастности (идентификацию) к поколенческой общности. Все это способствовало превращению поколения в политического актора.

Приведем краткую обобщающую оценку взглядов К. Мангейма на поколение, даваемую В. В. Семеновой: «Социологичность его [Мангейма. – прим. авт.] концепции состоит в дифференцированном подходе к отдельным поколениям как относительно автономным социальным общностям, объединенным

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – С. 38.

общей исторической судьбой и соответственно общим историческим опытом»¹.

Поколенческий подход, связанный с выявлением темпоральных характеристик тех или иных социальных общностей, может играть определенную методологическую роль, когда мы пытаемся использовать его для рассмотрения конкретных субъектов социального действия. С этой точки зрения большой интерес для нас представляет поколенческий подход, примененный к анализу развития социологического сообщества в нашей стране. Речь идет о поколениях ученых, с которыми было связано второе рождение отечественной социологии (в конце 1950-х – начале 1960-х гг.), а затем и ее развитие.

Эта проблема вызвала живой интерес в последние полтора десятилетия и неоднократно рассматривалась отечественными авторами. Так, В. В. Семенова на основе такого критерия, как субъективная самопрезентация социологов, выделила четыре их поколения: околвоенное, доперестроечное, переходного периода и постпереломное². А. Г. Здравомыслов выделял два поколения: социологов-«шестидесятников» и тех, кто примерно на 20 лет моложе³. Л. А. Козлова писала о трех поколениях, отличавшихся периодами рождения, – старшем (вторая половина 1920-х – 1930-е гг.), среднем (1940–1960-е гг.), младшем (1970 г. и позже). В первом поколении она выделяла два пласта – «шестидесятников», представлявших исследовательское крыло российской социологии, и тех, кто составлял идеологическое крыло, т. е. социологов партийно-идеологического направления. Во втором поколении автором выделялись старшие, средние и млад-

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений ... С. 39.

² Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся : ежегодник. – М. : Изд-во ИС РАН, 2004. – С. 157–170.

³ Здравомыслов А. Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2006. – № 5. – С. 2–10.

шие, в третьем – старшие и младшие. Другими словами, здесь основным был возрастной критерий¹.

По нашему мнению, наиболее глубокий анализ «лестницы поколений российских социологов» дал Б. З. Докторов². Прежде всего, сошлемся на понятие поколения социологов, им предложенное. Под ним он понимает достаточно однородную по возрасту группу ученых, удовлетворяющую двум условиям: 1) их первичная социализация происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах; 2) их вхождение в социологию происходило в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии³.

Базовым принципом построения системы поколений социологов у Докторова (на основании проведенных интервью с отечественными социологами) стала равная временная продолжительность каждого из них. В результате поиска алгоритма и использования целого ряда процедур расчета была найдена оптимальная «длина» поколения – 12 лет. Затем она была «привязана» к жизненным траекториям социологов, связанным с датами их рождения и включением в деятельность социологического сообщества. Определялся также центр интервала рождения поколения. Каждое поколение получило свое социально-хронологическое название. Все это нашло отражение в специальной таблице «Лестница поколений в постхрущевской российской социологии»⁴. В ней представлены 8 поколений: «шестидесятники» (первая волна) – 1923–1934 гг. рождения; «шестидесятники» (вторая волна) – последние годы 1920-х – 1934; военное – 1935–1946; первое послевоенное – 1947–1958; постоттепельное – 1959–1970; предперестроечное (годы застоя) – 1971–1982; дети

¹ Козлова Л. А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf

² Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 135–161.

³ Там же. С. 136–137.

⁴ Там же. С. 141.

перестройки – 1983–1994; первое поколение постсоветской России – 1995–2006.

«В чем эвристическая сила и аналитическое удобство поколенческого подхода? Скорее всего, в том, что он позволяет рассматривать влияние эпохи, социального времени на группы социологов; становится понятнее, что прорывы в науке делаются единицами, а сама наука – поколениями»¹. Благодаря поколенческому подходу мы можем обнаружить не только единство социологического сообщества, но и его внутреннюю дифференциацию в отношении и к научной проблематике, и к тому, что происходит в обществе, и к власти, точнее, взаимодействию с ней.

По мнению Докторова, при конструировании «лестницы» (2006–2007 гг.) и в первые последующие годы, пока количество проведенных им интервью оставалось относительно небольшим, рано было говорить об эвристичности поколенческого расслоения сообщества социологов. В первые пять лет исследования (2005–2009 гг.) было проведено лишь 26 интервью, причем основная масса собеседников Докторова представляла два первых поколения, социализация которых проходила в одно и то же время.

И лишь в 2010–2011 гг., когда количество респондентов достигло 40, открылись возможности для межпоколенческого и внутрипоколенческого изучения биографий и деятельности социологов в рамках целостного историко-социологического проекта. Причем все направления таких поисков априори могли быть лишь намечены, но в большей степени они были «подсказаны» эмпирией, т. е. содержанием интервью. Вместе с тем, и сейчас Докторов не переоценивает познавательной силы поколенческого подхода, полагая, что его возможности и границы могут быть точнее выявлены лишь по мере накопления данных, увеличения числа изучаемых профессиональных когорт и расширения перечня аналитических задач.

Поколенческий подход позволяет также сравнить, сопоставить авангардные группы исследователей и социологов, занятых

¹ Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории ... С. 150–151.

в партийно-идеологическом направлении деятельности. Количество последних увеличивалось от поколения к поколению в связи с ростом интереса к занятиям социологией. В партийном и государственном аппарате становилось все больше кандидатов и даже докторов наук, защищавших или подготавливавших диссертации социологической направленности.

Благодаря поколенческому подходу появляется возможность рассмотреть проблему преемственности «внутри» отечественной социологии. Зачастую ситуация преемственности выступает как вовлечение новых, чаще всего молодых (хотя это не является главным и обязательным требованием) людей в социологическую науку и передача им уже имеющихся знаний, умений, навыков, опыта со стороны лидеров поколений, как правило первого и второго.

Другими словами, поколенческий подход становится межпоколенческим. «То обстоятельство, – пишет Б. Докторов, – что за решение новых задач принимаются молодые специалисты одного возраста, с одной стороны, создает предпосылки для формирования групп ученых, которые потом в течение многих лет будут исследовать эту проблему. С другой стороны, именно это обстоятельство создает условия для возникновения внутригрупповых и внутрипоколенческих лидеров. Таким образом, отдельные ученые обгоняют свое «профессиональное» поколение»¹.

На второй этап развития отечественной социологии (конец 1950-х – конец 1980-х гг.) падает активная деятельность первых трех поколений (отчасти и четвертого), все остальные получили возможность проявить себя уже в условиях перестройки и последовавшего за ней развития общества, т. е. третьего этапа (с конца 1950-х гг. до нашего времени). В этом смысле Б. Докторов верно отмечает, что представители первых трех и преобладающей части четвертого поколения сначала были советскими социологами, а затем – после 1991 г. – стали российскими, остальные – уже изначально были «чисто» российскими.

¹ Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – С. 151.

Обратим внимание читателя, что в этом параграфе не представлены содержательные характеристики упомянутых поколений отечественных социологов. Подробно они рассматриваются в названном выше и иных трудах Б. З. Докторов, в первую очередь в шеститомном электронном издании его интервью с более чем 100 социологами России¹.

Следует особо подчеркнуть проводимую Б. З. Докторовым многолетнюю, поистине гигантскую работу на основе успешно примененного им историко-биографического метода, причем он последовательно продолжает начатый более 10 лет назад процесс изучения «поколенческой» проблематики. Исследователем представлена впечатляющая характеристика первых шести (из восьми названных) поколений отечественных социологов. Насколько нам известно от самого автора, он приступил к анализу седьмого поколения социологов (дети перестройки), родившихся в годы застоя (1971–1982). По существу, создается новый вариант истории отечественной социологии, существенно отличающийся от имеющих в нашей литературе ее исследований.

Глубинные интервью, взятые Б. Докторовым у представителей семи поколений, помогают нам понять бывшие, настоящие и будущие возможности отечественных социологов в процессе борьбы за становление новой социологии и гражданского общества в нашей стране – с учетом тех темпоральных характеристик, которые существенно влияли и влияют на деятельность различных групп социологов в рамках всего социологического сообщества.

Аналогичные изменения «поколенческого» характера происходят и среди социологов, изучающих время. Известный специалист по теориям времени Барбара Адам в своих работах 1990-х гг.² говорит, по существу, о трех поколениях теорий со-

¹ Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [Электронный ресурс] / ред.-конс. А. Н. Алексеев ; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – 4-е доп. изд. – М. : ЦСПиМ, 2014–2017. – 1687 с. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>

² Adam B. *Time and Social Theory*. – Cambridge : Polity Press, 1994 ; Adam B. *Generational Time. Time and Society*. – Cambridge : Polity Press, 1999.

циального времени, имевших место в прошлом столетии. Первое поколение составляли трактовки времени как количественного интервала в бюджетных исследованиях 1920-х гг., когда время рассматривалось в качестве ресурса, измеряемого в часах и используемого для всех основных видов деятельности. Во втором поколении теорий время характеризовалось как ресурс, наполненный событиями и анализируемый под углом зрения социологии организаций в понятиях социального порядка и контроля. В рамках третьего поколения теорий – последние десятилетия XX в. – социологи рассматривают восприятие и «переживание» времени в обществе его структурами, в первую очередь классами и группами, и в этой связи исследуют символическое время на основании изучения отношения к прошлому и ожидания от будущего.

Мы показали, как Б. Адам характеризует поколенческие изменения в западных теориях социологии времени. Нечто похожее, но далеко не тождественное происходило и происходит сейчас (последнее не нашло отражения у Адам в силу того, что ее трактовки ограничились лишь последним десятилетием прошлого столетия) в нашей стране. Действительно, первое поколение отечественных теорий времени было связано с исследованиями его бюджета в 1920-х гг. (пионером их стал С. Г. Струмилин). А следующего поколения социологических теорий времени пришлось ждать довольно долго. Причиной этой длительной задержки стал запрет на развитие социологической науки, ставший следствием господства культа личности Сталина и нежелания режима получать объективные научные данные об экономических и социальных процессах в стране.

Осуществляя дальнейшее сравнение поколенческих этапов развития зарубежных и отечественных теорий времени, необходимо отметить, что если на Западе второе поколение было представлено теориями 1930-х гг., возникшими под влиянием развития индустриальной социологии, социологии менеджмента, социологии организации, то в Советском Союзе это оказались вновь теории, касавшиеся бюджетов времени. Исследования бюджета времени, проводившиеся на рубеже 1950–1960-х гг. (Г. А. Пруденский, В. Д. Патрушев), были одними из первых в рамках второго рождения отечественной социологии. Именно эти работы

дали мощный толчок появлению и развитию нового поколения отечественных теорий времени, появившихся в период с середины 1960-х гг. вплоть до 1990-х гг. (В. А. Артемов, Я. Ф. Аскин, П. П. Гайдено, Л. А. Гордон, А. Я. Гуревич, Г. Е. Зборовский, В. А. Канке, Э. В. Клопов, Л. Н. Коган, Г. П. Орлов, Н. Н. Трубников, В. П. Яковлев, В. Н. Ярская и др.). В рамках данного поколения впервые начинается разработка понятия социального времени.

Однако это поколение социологических теорий времени, в отличие от третьего «поколенческого» этапа на Западе, существенно отличалось от него. Оно существовало, в основном, в рамках марксистской парадигмы, было связано исключительно с признанием объективного характера времени, а отдельные попытки выйти за пределы такого подхода, рассматривать восприятие людьми (социальными группами) времени, его «переживание» разными социальными субъектами, исследовать «символическое» время (то, что имело место на Западе) подвергались «научному остракизму».

Постперестроечный этап в развитии отечественной социологии (с 1990-х гг. до наших дней) не мог не привести и к изменениям в теоретических исследованиях времени. Появилось новое поколение его теорий. Определенной границей перехода к новому измерению в изучении социального времени стало формирование особого исследовательского направления. В центре внимания его представителей оказались проблемы времени поколений, биографического и когортного времени, жизненного пути, коллективной и исторической памяти (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин, Ю. А. Левада, Е. Ю. Рождественская, В. В. Семенова и др.).

Несмотря на появление нового поколения концепций времени, прежние трактовки социального времени и сегодня сохраняют свой теоретико-эмпирический потенциал. Их научный капитал далеко не исчерпан и по-прежнему используется в социологических исследованиях. Однако уже далеко не все современные темпоральные явления и процессы можно трактовать с их помощью. Современная социологическая наука, как зарубежная, так и отечественная (З. Бауман, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, С. А. Кравченко, Дж. Урри, П. Штомпка и др.), открывая новые формы,

виды, свойства, функции социального времени, постепенно переходит к созданию нового поколения его теорий.

ГЛАВА 5

Образовательные общности сквозь призму темпоральности

§ 5.1. Образовательные общности как субъекты социального времени

Как отмечалось в предшествующих главах, время обладает мощным структурирующим воздействием. Это влияние проявляется в жизнедеятельности таких важнейших социальных общностей, как образовательные, к которым принадлежит значительная часть населения страны. В связи с этим мы обратились к изучению образовательных общностей как субъектов социального времени.

Что такое образовательная общность? Это определенная взаимосвязь (совокупность) людей, которая характеризуется доминантой образовательной деятельности в их образе жизни, обуславливающей сходство целей, задач, интересов, относительной однородностью (гомогенностью) состава, наличием внутренней структуры, возрастных параметров, устойчивостью, стабильностью существования во времени и пространстве, способностью к взаимодействию с другими, в первую очередь образовательными, социальными общностями.

В социальном пространстве системы образования образовательные общности выполняют функцию ее ядра, занимая основные социальные позиции, которые позволяют в процессе взаимодействия формировать интеллектуальный, культурный, нравственный капитал «людей образования». К этому «неформализованному», точнее, неоформленному через дефиниции понятию мы относим всех тех, кто участвует в создании, распределении, распространении, потреблении образовательного знания.

От успешности функционирования этих взаимодействующих общностей во многом зависит эффективность деятельности всей системы образования, и не только ее. По существу все общество оказывается – прямо или опосредованно, сразу или постепенно, в течение короткого либо продолжительного времени – «заложником» деятельности образовательных общностей.

Образовательные общности в их взаимодействии являются системообразующим элементом всего образования и потому, что определяют содержание и характер, структуру и направленность

деятельности образовательных организаций. Вместе с тем последние, вкупе с органами управления образования на самых разных уровнях, призваны создавать благоприятные условия для жизнедеятельности образовательных общностей. Сами эти общности чрезвычайно дифференцированы. Одни из них учатся, другие учат, третьи помогают учиться (родители), четвертые выполняют функции учебно-вспомогательного персонала и т. д. Нас будут интересовать первые два типа образовательных общностей – учащиеся и педагоги разных форм и видов образования.

Для каждой из названных выше общностей образование (обучение, воспитание) является либо доминантной, основной, определяющей их образ жизни, либо очень значимой деятельностью. Это означает такую важную характеристику названных выше общностей, как значительные расходы времени включенных в них людей на образовательную деятельность. Следовательно, возникает необходимость темпоральных характеристик образовательных общностей и выявления противоречий, отсюда вытекающих.

Образовательные общности, их участники отличаются друг от друга по характеру и планированию использования времени, соответствующей регуляции поведения, стремлению каким-то образом соединить их между собой. При этом имеет существенное значение согласование (или рассогласование) темпов и ритмов, предлагаемых образовательным процессом. Именно здесь зачастую заложены возникающие между социальными субъектами образования (образовательными общностями) противоречия, связанные с необходимостью согласования этих темпоритмов. Возникновение таких противоречий далеко не всегда зависит от самих общностей, их действий в образовательном процессе. Нередко они являются следствием несовершенных образовательных программ, учебных планов, неудовлетворительного графика учебного процесса, плохо составленного расписания занятий (с большими перерывами, «окнами», не соответствующими требованиям образовательного процесса аудиториями).

Вообще, следует отметить, что на методологическом уровне время неотделимо от образовательной общности как самостоятельного субъекта социального действия. Время «живет» в ней, равно как и наоборот, образовательная общность живет и изме-

няется во времени. Именно это обстоятельство позволяет ей претендовать на роль относительно автономного субъекта социального действия. Выступая в качестве совокупности (взаимосвязи) индивидов, характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности, образовательная общность отражает саму суть понятия времени. Образовательная общность и время, выражаясь фигурально, нуждаются друг в друге и не могут существовать раздельно, порознь, поскольку первая (общность) испытывает необходимость в темпоральных формах и способах собственного существования, а второе (время) оказывается пустой оболочкой вне предметно-деятельностного содержания, т. е. деятельности образовательных общностей.

Рассматривая темпоральные характеристики образовательных общностей, мы можем выделить среди них вертикальные и горизонтальные. Вертикальные характеристики означают: время нахождения в образовательной общности ее участников, которое измеряется годами (числом лет), стажем работы, периодами совмещения учебы и работы; этапы поколений и темпоральные границы их смены; изменения параметров темпоральной мобильности, связанные с превращением линейного времени в нелинейное.

Анализ темпоральных характеристик образовательных общностей в вертикальном разрезе показывает перемены и трансформации, происходящие с ними в жизни общества. Так, мы не можем проходить мимо изменения сроков нахождения во временных границах студенческой общности молодых людей. Для одних из них происходит сокращение этих сроков (за счет перехода от пятилетнего к четырехлетнему обучению на бакалавриате), для других – наоборот, их увеличение добавлением магистратуры и аспирантуры (последняя, как известно, в последние годы изменила свой характер и стала, прежде всего, формой обучения). Причем магистратура «набирает обороты» в связи с появлением новых требований к ряду занимаемых должностей, претенденты на которые должны обладать более высоким образованием, чем имеющееся у них ранее полученное вузовское. Речь идет о преподавателях вузов без ученой степени, руководителях некоторых организаций в системах образования, здраво-

охранения и др., служащих в органах государственного и муниципального управления. Таким образом, удлинение сроков образования становится реальной задачей нашего времени, которая должна быть воплощена в деятельности отдельных социальных общностей.

Горизонтальные темпоральные характеристики образовательных общностей связаны с бюджетом их времени, пропорциями между затратами временных ресурсов на основные виды учебной и внеучебной деятельности, рабочее и вне рабочее (в том числе свободное) время. У многих представителей образовательных общностей происходят заметные изменения в бюджете времени. Так, рост учебной нагрузки у вузовских преподавателей (как формально учитываемой, так и нерегламентированной нормативно) приводит к заметному перераспределению временных затрат в рамках их бюджета времени в сторону увеличения удельного веса рабочего времени. Это, в свою очередь, означает сокращение продолжительности свободного времени, повышение утомляемости и многие другие негативные для сообщества преподавателей последствия.

Важной стороной темпорального анализа образовательных общностей выступает изучение их временной перспективы, которая интегрирует как вертикальные, так и горизонтальные темпоральные характеристики. Поэтому обратимся далее к социологической трактовке временной перспективы.

Понятие временной перспективы традиционно относится к категориям психологической науки. К. Левин предложил использовать этот термин для обозначения актуальных представлений субъекта о своем будущем и прошлом¹. Психологи полагают, что временная перспектива представляет собой временную глубину или временное измерение жизненного мира человека и что вслед за психическим развитием личности происходит усложнение когнитивной структуры жизненного мира, в том числе расширение временной перспективы². В психологии понятие

¹ Lewin K. Field theory in the social sciences: Selected theoretical papers. – N.Y., 1951. – С. 53–56.

² Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М., 2003. – С. 80–81.

временной перспективы в первую очередь соотносится с индивидуальным уровнем бытия человека, его мотивационной сферы, жизненных планов, стремлений, надежд, притязаний, идущих от прошлого через настоящее к будущему. Временная перспектива имеет ментальную природу и репрезентируется только когнитивно, в сознании человека. Из этого следует, что временная перспектива – понятие не абстрактное, в отличие от времени, а наполненное конкретным содержанием.

В зарубежной и отечественной психологии проблема временной перспективы нашла достаточно широкое отражение (Ш. Бёлер, Л. И. Божович, Л. С. Выготский, Б. В. Зейгарник, Ж. Нюттен, Н. Н. Толстых, Д. И. Фельдштейн, В. Франкл и др.), чего не скажешь о социологии. Социологические работы, в которых специально ставилась бы проблема изучения временной перспективы, неизвестны широкому кругу исследователей. Между тем следует отметить, что немало социологов изучало и продолжает изучать смежные с временной перспективой проблемы – жизненные планы, ориентации на будущее, прогностические интерпретации тех или иных социальных явлений и процессов, планирование, выявление перспектив развития/отставания/кризиса общества и его конкретных структур¹.

¹ Горшков М. К., Шереги Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века. – М., 2014. – С. 384–404 ; Гудков Л. Д. Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 131–157 ; Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22 ; Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М., 2003 ; Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 13–22 ; Сивиринов Б. С. Социальные системы и социальная перспектива. – М., 2000 ; Тихонова Н. Е. Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизационном проекте? // Общественные науки и современность. – 2015. – № 1. – С. 52–63 ; Тощенко Ж. Т. Социология управления. – М., 2015 ; Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная

О том, что проблемы временной перспективы как близкого и отдаленного будущего изучаются – на уровне и общества, и его элементов – свидетельствуют материалы исследований Левада-центра, ФОМа, ВЦИОМа¹. При этом понятие временной перспективы не использовалось в этих исследованиях ни в качестве ключевого, ни в качестве второстепенного концепта. Нам же представляется, что социологический потенциал исследования проблемы временной перспективы весьма велик, особенно сейчас, в кризисный период.

В связи с этим мы ставим в статье две задачи: во-первых, разработать социологическую трактовку понятия временной перспективы, сравнив ее с психологической; а во-вторых, дать характеристику этой перспективы применительно к конкретным социальным субъектам – образовательным общностям. Изучение временной перспективы образовательных общностей может стать новым и полезным инструментом исследования будущего как их самих, так и темпоральных аспектов образовательного процесса – с точки зрения его прогнозирования и оценки в кратко- и долгосрочной перспективе. В связи этим приобретает интерес проблема взаимосвязи временной перспективы и жизненного мира социальной общности. Как считает Ж. Т. Тощенко, жизненный мир предполагает учет накопленного ею повседневного, исторического опыта и обращение к будущему для определения первоочередных желаемых целей и достижения реальных результатов².

Прежде всего ответим на вопрос: что сближает и отличает рассмотрение временной перспективы в психологии и социоло-

практика. – 2014. – № 4. – С. 5–24 ; Ярская В. Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. – М., 2015.

¹ Общественное мнение – 2015. – М., 2014 ; Россия 21: будущее глазами россиян [Электронный ресурс]. – URL: http://fom.ru/special/sberbank_21/10268 (дата обращения: 08.03.2016) ; Социальные настроения россиян по итогам 2015 года [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск № 3014. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115543> (дата обращения: 28.02.2016).

² Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 7–8.

гии? Во-первых, и в психологии, и в социологии временная перспектива относится к ряду темпоральных категорий. Причем мы подчеркиваем «двойную темпоральность» этого понятия, вытекающую из смыслов обоих слов, составляющих сочетание «временная перспектива», – «время» и «перспектива». Последнее, как известно, одним из своих значений имеет обращение к будущему, т. е. тоже ко времени.

Во-вторых, временная перспектива – это определенная функция ее субъектов. Она характеризует их отношение к будущему, идущее от прошлого через настоящее. По Ж. Нюттену, временная перспектива выступает как некая функция составляющих ее мотивационных объектов (объектов-целей), которые обуславливают глубину, степень реальности, структуру самой этой перспективы¹. В-третьих, это понятие может быть использовано в качестве средства изучения и регулирования поведения тех субъектов, чья временная перспектива исследуется.

Различия в психологических и социологических трактовках временной перспективы состоят, на наш взгляд, в следующем.

1. В психологии объектом изучения является индивид, человек, личность, тогда как в социологии речь должна идти о временной перспективе социальных общностей, социальных групп, общества в целом.

2. В психологии временная перспектива включается в структуру психологического времени и связана, прежде всего, с ощущением и восприятием времени человеком, тогда как в социологии это понятие рассматривается в системе социального времени и затрагивает объективные характеристики и параметры его использования.

3. В психологии изучение временной перспективы охватывает преимущественно детский и юношеский возраст, тогда как в социологии нет ограничений, касающихся возрастных границ изучаемых социальных общностей. Причем имеются в виду не только собственно возрастные общности, когорты, поколения, но и иные – профессиональные, образовательные общности. Это существенным образом повышает социальную роль и социаль-

¹ Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М., 2004.

ное значение трактовок временной перспективы любых социальных общностей.

4. В психологии, как уже отмечалось, временная перспектива имеет ментальную природу и тесно сопряжена с мотивационной сферой, тогда как в социологии при изучении этой перспективы ставится проблема ее отражения в поведенческих структурах, как, например, мы это попробовали сделать в изучении темпоральных стратегий поведения социальных общностей¹.

5. В социологии, как и в психологии, различают краткосрочную, среднесрочную и долгосрочную временную перспективу. Однако если в психологии эти три вида перспектив связаны с периодами от нескольких месяцев до нескольких лет (что объясняется спецификой объекта исследования – отдельных людей), то в социологии их временной горизонт значительно шире – от 2–3 до 15–20 лет (что связано с обращением к социальным общностям как объекту исследования). Впрочем, в последнее время, в связи с резким ростом неопределенности и рискогенности социально-экономических и политических процессов, сложностью их прогнозирования горизонт временной перспективы начинает сокращаться.

6. В психологии временная перспектива основана на субъективном восприятии и оценках, тогда как социологи стремятся установить ее объективные (демографические, экономические, социальные) основания.

7. В психологии временная перспектива рассматривается исключительно в рамках линейных характеристик психологического времени, в социологии она трактуется в контексте как линейного, так и нелинейного времени.

8. В отличие от психологии, где временная перспектива отдельных людей, индивидов может оказаться недолговечной, непостоянной, может вообще отсутствовать у них (речь идет о людях, живущих без временной перспективы и не задумывающихся о ней), в социологии временная перспектива характерна для каждой социальной общности. Другое дело, какой она является

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 61–71.

по характеру и направленности – позитивной или негативной, оптимистической или пессимистической.

Проведенный сравнительный анализ позволяет нам предложить социологическую трактовку временной перспективы социальной общности как ее прогнозируемого временного горизонта, который образуется благодаря единству объективной и субъективной сторон восприятия и понимания прошлого и настоящего. Объективный аспект временной перспективы представляет собой прогноз и оценку состояния социальной общности в количественных и качественных параметрах, которые фиксируют объективные показатели развития общности – ее численность, структуру, демографические характеристики, социально-экономическое положение. Субъективный аспект предполагает видение и понимание представителями социальной общности своего будущего места и роли в системе общественных отношений. Большое значение в формировании субъективного измерения временной перспективы имеют ожидания, социальные эмоции (страх, надежда), социальные настроения. При этом, по нашему мнению, социологическая трактовка временной перспективы предполагает неразрывность и тесную связь объективного и субъективного.

Временная перспектива социальной общности может рассматриваться не только в качестве ментального и поведенческого образования, но и в качестве механизма социальной регуляции. Временная перспектива, выступая отражением коллективного опыта проживания/переживания прошлого и настоящего, а также представлений о совместном будущем социальной общности, служит основой ее идентификации¹. В зависимости от содержания и направленности этого опыта временная перспектива либо обеспечивает интеграцию общности, либо служит основанием дезинтеграционных процессов. От нее также зависят способность общности к успешной адаптации к социальным изменениям и возможности мобилизации ресурсов для преодоления жизненных трудностей.

¹ Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. – М., 2011.

Отношение к времени в широком смысле – от ориентации на модус времени до оценки значимости различных временных ресурсов – лежит в основе выстраивания временной перспективы. Речь идет о непосредственном понимании временной перспективы как перспективы самого времени, его смысла и использования, придания этому обстоятельству значения жизненно важного фактора. Именно это переплетение двух сюжетов – определение представителями социальной общности во времени собственной жизненной стратегии и усиление значения времени как стратегического ресурса для построения такой стратегии – получило отражение в нашем исследовании темпоральных стратегий поведения социальных общностей. Их изучение показало сложную взаимосвязь социального времени общности и как формы ее существования, и как ее содержательного (ресурсного) наполнения.

То, что отношение к времени – прошлому, настоящему или будущему – определяет устойчивость и широту временного горизонта конкретных социальных общностей, наверное, никто оспаривать не будет. Но мы хотели бы подчеркнуть, что особое значение в этой темпоральной триаде имеет отношение к будущему. Еще в начале 2000-х гг. К. А. Абульханова и Т. Н. Березина писали в своей книге «Время личности и время жизни» о том, что «люди не хотят жить в будущем, а только в прошлом или настоящем»¹. Это опасное состояние, названное О. Б. Божковым «постоянным смотрением в зеркало заднего вида», неопределенные темпоральные ожидания и запросы относительно будущего порождают разорванное и агрессивное сознание в определенных социальных слоях и общностях².

Нам кажется, что сейчас повторяется прежняя, характерная для конца 1990-х гг., ситуация, когда обычные люди, находясь в некомфортных, тяжелых условиях настоящего времени, не хотят экстраполировать их на свое будущее. Конструирование буду-

¹ Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб., 2001. – С. 12.

² Божков О. Б. Публичный дискурс о прошлом: разорванное и агрессивное сознание // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? – СПб., 2015. – С. 17.

щего на уровне обыденного сознания отличается от научного прогнозирования и научной фантастики тем, что оно не может «перескочить» сегодняшний день и смоделировать возможные позитивные варианты будущего. По инерции оно «втягивает» ситуацию настоящего в будущее и, если это настоящее и будущее не нравятся, то исчезает желание смотреть вперед, думать о том, каким это будущее окажется. Временная перспектива социальной общности, травмированной настоящим и ностальгирующей по прошлому, оказывается укороченной, неполноценной. Такие же качества приобретают и жизненные, поведенческие стратегии представителей этой общности.

Образовательным общностям присущи противоречия темпорального характера – как каждой из них порознь, так и межобщностным темпоральным отношениям. Рассмотрим эти противоречия на примере двух вузовских общностей – студенчества и научно-педагогических работников. Темпоральные противоречия студенческой общности связаны с ее отношением ко времени и проявляются как противоречия между темпоральным сознанием и поведением. Как показало проведенное нами исследование темпорального сознания и поведения студенчества (2014), время, с одной стороны, воспринимается им как важный образовательный ресурс, с другой – в повседневной реальности его ресурсные возможности используются крайне плохо. Существование этого противоречия проявлялось в темпоральных стратегиях поведения студенческой молодежи¹. С этим противоречием оказался связанным еще один темпоральный дисбаланс в поведении студенческой общности – между планированием использования времени и регуляцией ее темпорального поведения.

Одним из поведенческих показателей значимости времени выступает умение и желание его планировать. Примерно треть опрошенных студентов считала, что планирование времени обязательно для любого современного человека, но еще больше

¹ Амбарова П. А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 252 с. ; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 48–55.

(49 %) полагали, что оно не обязательно для всех людей (только для тех, кто особо ценит время). Почти 15 % студентов вообще считали, что планирование времени не обязательно («планируй – не планируй, жизнь все равно нарушит все планы»).

Практически во всех сферах своей жизни больше половины опрошенных лишь прикидывали примерный план, а для общения и удовлетворения физиологических потребностей время и вовсе не планировали. Поэтому только немногочисленной группе студентов (13 %) удавалось всегда точно рассчитать время на осуществление различных дел, остальные же были вынуждены ускорять их выполнение (59 %) или увеличивать сроки (23 %).

Невысокая ценность планирования, характерная для российской культуры, проявляется в темпоральном поведении студенчества и обуславливает отсутствие у большей части представителей данной общности потребности в совершенствовании навыков тайм-менеджмента. Только 18 % опрошенных студентов заявили об острой потребности в этом, в то время как около четверти – о полном отсутствии таковой. Проанализированный срез темпоральной стратегии поведения студентов показал традиционную «проблему времени», вызванную несформированностью умений управления ресурсами времени, а главное – отсутствием потребности в этом.

Таким образом, темпоральные стратегии поведения большинства студентов можно отнести к линейному типу, поскольку доминирующими тенденциями является их ориентация на традиционное время и линейный характер его динамики. В поведении студентов наблюдается инерционность, т. е. сохранение традиционных паттернов использования временных ресурсов в повседневной жизни и в выстраивании жизненной перспективы. Что касается новых темпоральных стратегий поведения студентов, то они находятся в стадии формирования и характеризуют пока немногочисленные их слои.

Насколько значима для вуза задача формирования новых, конструктивных темпоральных стратегий поведения студентов? По нашему мнению, если вуз ставит целью формирование специалиста будущего, значит, он должен закладывать в модели его подготовки не только узкопрофессиональные, но и социально значимые компетенции. Одна из них связана с новыми темпо-

ральными стратегиями поведения студентов, касающимися использования ими новых свойств социального времени, его динамики, ориентированных на значимость времени как одного из самых дефицитных и дорогих ресурсов, неотъемлемых от человека (человеческого капитала). Поэтому вузовское образование, направленное на решение сиюминутных, сугубо образовательных задач, неактуально, несовременно. Создание же условий, формирующих темпоральные поведенческие стратегии людей будущего, – предназначение высшего образования в России.

Говоря об одном из внутренних темпоральных противоречий научно-педагогического сообщества, отметим противоречие между отношением к времени как ресурсу этой социальной общности и видением ее временной перспективы в целом. Исследование, проведенное нами с помощью качественного метода глубинного полуструктурированного интервью у 30 представителей профессорско-преподавательского состава вузов г. Екатеринбурга¹, показало, с одной стороны, понимание ими значимости и ценности времени как одного из главных ресурсов деятельности (зачастую более важного, чем деньги). С другой стороны, временная перспектива их профессиональной деятельности вызывает у многих чувство тревоги и озабоченности, обусловленное растущей неопределенностью ситуации как в высшем образовании, так и в обществе в целом. Увеличивающиеся риски и неуверенность в будущем превращаются из категорий повседневности в категории времени, формирующие временные перспективы. А это не может не привести к ухудшению оптимистического в целом отношения научно-педагогического сообщества к активному использованию ресурса времени в регулярной, повседневной деятельности.

С точки зрения чисто исследовательской здесь важно отметить, что с позиций социологического и социально-психологического подходов каждый из этих двух феноменов общественного отношения к времени – время как ресурс и временная перспектива общности – включает в себя мотивационные, ценностные,

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни преподавателя вуза глазами социологов // Высшее образование в России. – 2015. – № 2. – С. 70–79.

эмоциональные компоненты, связанные с особенностями переживания, осознания, организации времени.

Однако образовательные социальные общности характеризуются не только временной перспективой, но и временной ретроспективой, отношения между которыми в темпоральном (и не только) сознании и поведении составляют суть важного противоречия, по крайней мере, одной из рассматриваемых нами вузовских общностей – научно-педагогической. Речь идет о той ее возрастной группе, которая характеризуется стажем работы в системе высшего образования более 20–25 лет. Попутно обратим внимание, что названные характеристики данной группы (возраст, стаж, период нахождения в ней) являются также темпоральными.

Она весьма значительна по своему удельному весу в подавляющем большинстве вузов (иногда до 50 % от общего количества преподавателей). Это старшее поколение педагогов, на котором во многих из них до сих пор держится образовательный процесс. Мы намеренно уходим от оценок и дискуссии по вопросу об отношении к упомянутой части педагогического сообщества, поскольку обсуждение названной проблемы не является задачей параграфа. Но это социальный факт, который оказывает существенное влияние на общую ситуацию не только в самой общности педагогов вузов, но и в целом в системе образования и образовательном процессе.

Часть педагогического сообщества, о которой идет речь, испытала на себе все преобразования, реформы, трансформации и модернизации в вузах за последние несколько десятилетий. Ее темпоральное сознание и поведение можно охарактеризовать как сотканное из противоречий между прошлым, настоящим и будущим высшего образования. Как показывают исследования, многие представители рассматриваемой группы испытывают подлинную ностальгию по вузовскому образованию советских, перестроечных и первых постперестроечных лет.

Фиксируемая в исследованиях ситуация дает достаточно оснований для вывода о реальности противоречия между временной перспективой и временной ретроспективой педагогического сообщества. Более того, можно предполагать, что по мере внедрения управленческих и иных инноваций в вузовский обра-

зовательный процесс эти противоречия будут усиливаться, поскольку в своем большинстве старшее поколение негативно воспринимает непрерывное изменение «правил игры», когда ни одно из нововведений не проходит достаточной временной и содержательной экспериментальной апробации. Отсюда и рождаются постоянные сомнения в их результативности и эффективности. Как видно, фактор времени, будучи не реализованным в полной мере в вузовском образовательном процессе, способен вызвать негативную реакцию со стороны педагогического сообщества на действия управленческих структур как общероссийского масштаба, так и конкретной образовательной организации.

Рассматривая противоречия между временной перспективой и временной ретроспективой педагогического сообщества, мы можем допустить, что негативное отношение значительной его части к будущему отечественного высшего образования в состоянии усилить, с одной стороны, ностальгические ориентации преподавательского состава, с другой – коллективные страхи перед грядущими, но малопонятными и не вызывающими доверия изменениями.

Социально-психологические исследования времени и группового отношения к нему дают основания так считать. Как пишет социальный психолог Т. А. Нестик, «системообразующую роль в становлении групповой временной перспективы играет коллективный опыт будущего, в частности оценка членами группы возможности влиять на будущее, отчетливость коллективных целей и оценка группового будущего. Фаталистическое и негативное отношение группы к совместному будущему приводит к росту ориентации группы на прошлое, снижение ценности времени как ресурса»¹.

Из рассмотренного противоречия между временной перспективой и временной ретроспективой научно-педагогического сообщества вытекает суждение о важной роли первой в ориентации этого сообщества на плодотворную деятельность и эффек-

¹ Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2015. – С. 8.

тивное использование ресурса времени. По нашему мнению, для достижения этой цели необходимо прекратить непрерывные и ничем не завершающиеся эксперименты над образовательным процессом, подоплекой которых (мы выдвигаем собственную гипотезу) является снижение финансирования и поиск дальнейших шагов на этом пути, связанных с возрастанием учебных нагрузок, сокращениями педагогического персонала, снижением возможностей индивидуальной работы со студентами. Нужна некоторая стабильность, уверенность в завтрашнем дне образовательного процесса и его субъектов. Необходимо идти в ногу с объективным временем как формой и способом социальной жизни образования. Под этим принципом мы понимаем не столько отказ от стремления быстро продвигаться вперед, опережая время, сколько необходимость добиваться своевременности той или иной образовательной деятельности¹.

Между тем в современном вузе существуют серьезные барьеры на пути выстраивания темпорального баланса. Одним из них является установка на превращение вузов в своеобразные бизнес-структуры (или уподобление им). К примеру, ведущие вузы страны сегодня реализуют программу развития, направленную на превращение их в предпринимательские университеты, когда критерием эффективности работы становится способность вступать в рыночные отношения в качестве самостоятельного экономического субъекта. А любому экономическому субъекту в условиях рыночной экономики присуща абсолютизация ориентации на будущее и фактора скорости изменений (введения инноваций).

В то же время образование как социальный институт имеет совершенно иное функциональное предназначение: оно связывает прошлое, настоящее и будущее, создавая мосты между ориентацией на будущее и традициями, способствующими темпоральной устойчивости общества, его темпоральному гомеостазису. Реализуемые реформы в образовании противоречат темпоральной специфике образовательных практик и институ-

¹ О принципе своевременности см.: Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб. : Алетей, 2001. – 304 с.

тов, заставляя «ломать» их внутреннюю природу за счет «перескакивания» из одного времени в другое без достаточного темпорального запаса для апробации и усвоения инноваций.

Раскрывая темпоральные противоречия не внутреннего, а внешнего характера, т. е. противоречия между образовательными общностями, отметим одно из них, касающееся отношений между преподавателями и студентами вокруг проблемы времени – рабочего для первых и учебного для вторых. Суть дела в том, что, с одной стороны, время образовательной деятельности педагогического (научно-педагогического) сообщества все более и более нагружается учебными (воспитательными) занятиями и сугубо формальными делами (в частности, заполнением растущего количества никому не нужной документации). Иными словами, рабочее время преподавателей существенно возрастает. С другой стороны, учебное время студентов переводится в режим их самостоятельной работы, а реально оказывается вне сферы образовательного и личностного взаимодействия с педагогом.

При общем значительном росте учебной нагрузки на каждого преподавателя возможности его индивидуальной, повседневной, регулярной работы со студентами становятся все более эфемерными – хотя бы потому, что эта работа не регулируется никакими нормативными рамками. Более того, мы здесь даже не ставим и не обсуждаем вопрос о вторичной – трудовой – занятости студентов, результатом которой являются пропуски многих занятий и вследствие этого низкий уровень освоения образовательных программ.

Решение обозначенной проблемы во многом зависит от особенностей темпоральной организации и самоорганизации образовательной и научно-исследовательской деятельности вузовских общностей. Этому вопросу посвящается следующий параграф.

§ 5.2. Темпоральная организация образовательной и научной деятельности вузовских общностей

Ситуация социальной неопределенности характеризует состояние современного российского образования и определяет динамику основных образовательных общностей. Траектории их развития становятся в высшей степени неопределенными, хаотичными, труднопрогнозируемыми, т. е. приобретают черты нелинейности. Стремительные изменения происходят в одной из ключевых образовательных общностей – научно-педагогической. Они затрагивают как количественные, так и качественные ее характеристики: иными становятся цели и структура различных направлений ее профессиональной деятельности, трансформируются ценностные основания и качество ее профессиональной жизни, на новом уровне запускаются процессы социальной дифференциации и расслоения, изменяется качество связей и взаимодействия с другими образовательными общностями, прежде всего со студенчеством.

Ключ к пониманию предпосылок и причин темпоральных проблем и, соответственно, способов их решения, на наш взгляд, «спрятан» (по крайней мере, отчасти) в системе высшего образования, ее практиках. Первый образовательный ресурс, выступающий фактором формирования темпоральной картины мира и на ее основе – темпорального поведения образовательных общностей, прежде всего студенчества, – это содержание учебных программ. Речь идет о роли социально-гуманитарных дисциплин в развитии мировоззрения, жизненных ориентаций и жизненных стратегий молодежи.

На протяжении последних лет, в связи с изменением образовательных стандартов, происходило «вымывание» социогуманитарной составляющей из концепции подготовки студентов негуманитарных специальностей, а вместе с тем – уменьшение возможности формировать представления о новой темпоральной реальности и соответствующей ей активной жизненной позиции, осознания новых ресурсов достижения социального успеха и одновременно жизненной гармонии. Но необходимо заметить, что и в программах подготовки гуманитариев темпоральные теории и концепции, а также технологии и методы управления временем, развития темпоральных потребностей и способностей

не нашли какого-либо заметного отражения. Речь даже не идет о специальных содержательных блоках или спецкурсах по темпоральной проблематике, мы имеем в виду знание, латентно содержащееся в курсах философии, социологии, психологии и культурологии (кстати, последние три сегодня почти исключены из подготовки по техническим направлениям и специальностям).

Анализ истории названных наук показывает, что проблемы времени проходят сквозной темой и чрезвычайно актуализированы в современных теоретических и прикладных исследованиях. Следовательно, в изложении истории и актуальных проблем социальных и гуманитарных наук достаточно делать акцент на темпоральной проблематике, тем самым приближая теоретическое гуманитарное знание (зачастую воспринимаемое студентами-негуманитариями как «плетение словесных кружев») к жизненным потребностям студенческой молодежи, ее повседневным практикам. Наше исследование и многолетний опыт преподавания гуманитарных дисциплин студентам различных вузов и специальностей показывают, что проблемы времени (и в экзистенциальных аспектах, и в плане рассмотрения повседневной проблемы дефицита времени) неизменно вызывают живой интерес и одновременно стимулируют изучение преподаваемой науки.

Примечательно, что изменения в образовательных стандартах никак не затрагивают вопросов формирования культуры времени (ни в мировоззренческом, ни в прикладном аспекте) в подготовке будущих специалистов в области управления, менеджмента и предпринимательства. В рабочих программах по теории управления, различным видам менеджмента зачастую отсутствуют разделы по тайм-менеджменту, а стратегический менеджмент преподается лишь как одна из технологий управления, а не в качестве системной, интегрирующей методологии. «Насыщение» содержания учебных курсов темпоральной проблематикой, на наш взгляд, создаст фундамент для формирования нового видения окружающего мира, личной и профессиональной жизни, работы и досуга, в которых время станет и терминальной, и инструментальной ценностью, приобретет роль «идеологии» или «философии» жизни.

Другой образовательный ресурс можно отнести одновременно и к прямым и к косвенным регуляторам. Это темпоральный режим учебной работы. Мы уверены, что качество образования и мотивация к успешной учебной деятельности зачастую связаны с фактором времени, хотя ни в одной известной нам концепции управления качеством образования он не учитывается.

Оптимальное планирование освоения образовательной программы (учебный план), рационально составленное расписание, обучение студентов правильной организации их внеаудиторной работы, режиму труда и отдыха являются принципами эффективного использования ресурсов времени всех субъектов образовательной деятельности (и студентов, и преподавателей, и учебно-методического персонала, и университетских служб). К сожалению, принцип темпоральной эффективности зачастую нарушается в пользу экономической выгоды, более плотного использования аудиторного фонда, учебного оборудования.

Эта повсеместно распространенная практика организации учебной работы (без учета принципа экономии времени) базируется на общекультурной ситуации – непонимании ценности времени. И как тут не вспомнить слов Сенеки, обращенных к его другу Луцилию: «Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает»¹. Как актуально звучат эти слова, когда мы видим и слышим возмущение студентов по поводу «окошек» в расписании или одной пары в субботу и пр.! В связи с этим понятными становятся причины пропуска занятий (наряду с другими, такими как отсутствие интереса к учебе и трудовая занятость студентов). Современный студент – работающий студент – не хочет, чтобы у него «крали» время.

Учебное расписание – это фрейм, в который помещено определенное содержание. Для студентов-первокурсников темпоральный режим учебной деятельности представляется новым, серьезно отличающимся от школьного расписания и режима дня. Содержательно эта рамка наполняется процессами темпо-

¹ Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подг. изд. С. А. Ошерова ; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1977. – 383 с.

ральной и психофизиологической адаптации к вузовской среде (это иной режим труда и отдыха, иной режим интенсивной умственной и физической активности). Исследование адаптации к вузу выпускников различных учебных заведений показывает, что легче и быстрее (почти безболезненно) идет адаптация у выпускников лицеев и гимназий, работающих в системе «школа – вуз», так как темпоральный режим в них (пары, сессии, внеучебная, внеаудиторная работа) приближены к университетским.

Рассмотрим еще один фактор, связанный с действием темпорального режима учебной работы как образовательного ресурса. Переход на новые образовательные стандарты, как известно, повлек за собой увеличение внеаудиторного времени, используемого для самообразования и саморазвития студентов. В связи с этим резко встала проблема самоорганизации и самостоятельного управления временем. Как использовать, как считать это время студенту?

Опросы студентов и повседневное наблюдение за их поведением показывают, что в реальности ресурсы внеаудиторного времени не используются по назначению. Российские студенты «экономят» его с помощью плагиата, а высвободившееся время используют на другие цели, в том числе на работу. Примечательны в этом плане различия между студентами технических/медицинских и экономических/гуманитарных специальностей. Организация аудиторной и внеаудиторной работы первых такова, что студентам некогда работать, они учатся. Вторые же свободно распоряжаются внеаудиторным временем и злоупотребляют его «нецелевым использованием».

Таким образом, наше исследование фиксирует латентное последствие реформирования российского образования. Оно состоит в том, что изменение структуры учебного времени, сокращение аудиторной занятости в расчете на усиление самообразования студентов не оправдало себя. Напротив, оно привело к снижению уровня подготовки студентов к учебным занятиям. Идея перераспределения временных затрат с аудиторных занятий в пользу самостоятельной работы не реализовалась в темпоральных поведенческих стратегиях студентов, и причинами этого феномена, с нашей точки зрения, являются низкая культура

времени и отсутствие развитых потребностей в его рациональном использовании.

Данный факт подводит нас к выводу о роли не только объективных, но и субъективных факторов организации учебного режима и использования учебного времени, связанных с низким рангом темпоральных ценностей в системе жизненных ориентаций студенчества.

Помимо того, что было сказано выше об этом, хотелось бы привести один характерный пример. Из года в год студенты, обучающиеся по контракту и при этом заинтересованные, как кажется на первый взгляд, в получении качественного образования, регулярно задают вопрос: «Сколько сегодня мы будем заниматься, может быть, закончим пораньше?» или «У нас сегодня будут все пары?» в надежде услышать информацию о возможном их сокращении. Когнитивный диссонанс у них вызывает ответ преподавателя, в котором звучит сравнение времени с материальными ценностями: «Если вы заплатили в ресторане за 4 блюда, то одно из четырех вы же не выбросите, а, по крайней мере, унесете с собой. Чем же учебное время, оплаченное вами из семейного, личного бюджета, отличается от дорогого блюда из ресторана? Наверное, только тем, что его невозможно унести с собой, взять про запас». Этот ответ заставляет их задуматься. И, тем не менее, учебное время, к сожалению, не всегда ценится студентами в соответствии с его реальной стоимостью.

Третий вид образовательных ресурсов заключается в возможностях неформального образовательного взаимодействия студентов с преподавателями. Опоздания преподавателей на занятия, отмена или перенос консультаций без предупреждения, превышение сроков проверки письменных работ, плохо организованные во времени встречи не только являются нарушением профессиональной этики и трудовой дисциплины, они свидетельствуют о безответственном отношении педагогов к своему рабочему времени и времени студентов.

Именно данные ресурсы относятся к числу субъективных факторов, влияющих на отношение студентов к времени. Отметим, что, на наш взгляд, этот фактор действует деструктивно на формирующиеся темпоральные стратегии поведения студентов не менее сильно, чем те, что были названы выше. Отсутствие

отношения к времени (своему, а главное – чужому) как важному ресурсу транслируется в сознание студенчества, проявляясь затем в авральности и дефиците времени сначала в образовательной, а затем и в профессиональной деятельности, ответном нарушении темпоральных этических норм (опозданиях, нарушении сроков выполнения работ, поздних ответах на запросы). Культура времени является важнейшим компонентом профессиональной культуры сотрудников вуза и одновременно – действенным инструментом регулирования темпоральных стратегий поведения образовательных общностей. Образовательные ресурсы – это своеобразный мостик между этими общностями.

Проанализированные в параграфе образовательные ресурсы преломляются сквозь призму особенностей студенчества как социальной общности. Студенческая молодежь гетерогенна по многим социокультурным признакам, что способствует формированию многообразных типов темпоральных стратегий поведения. Работающий и неработающий студент; студент, ориентированный на ценности индустриального общества, и студент, чутко улавливающий веяния информационного общества; студент, принадлежащий к традиционным социальным общностям, и студент, входящий в авангардные социальные общности, – все они по-разному реагируют на объективно складывающуюся нелинейность социального времени. Нелинейная динамика социального времени, проходя через темпоральное сознание студентов, порождает различия в темпоральных стратегиях их поведения.

Рассмотренные выше процессы затрагивают и сферу научно-исследовательской работы научно-педагогического сообщества, формы, содержание, организационные и ценностные основания которой прошли долгий путь исторического развития, апробированы многими поколениями вузовских исследователей и до недавнего времени обеспечивали высокое качество вузовской науки в соответствии с социально-историческим контекстом.

Реформы российского образования глубоко затронули вузовскую науку, что не могло не повлиять и на качество самого научно-педагогического сообщества¹. В рамках данного пара-

¹ Зборовский Г. Е. Образовательные общности в зеркале темпоральных противоречий // Актуальные проблемы социологии культуры, обра-

графа мы рассмотрим проблему темпоральной самоорганизации научно-исследовательской работы. Казалось бы, это только один из ее аспектов, но он очень важен, поскольку замыкает на себе все процессы динамики научно-педагогического сообщества, как в зеркале отражая ее нелинейность и противоречивость.

Суть исследуемой проблемы заключается в противоречии между формально-инновационным управлением в сфере вузовской науки, ориентированным на быстрое достижение целей ее модернизации в кратко- и среднесрочной перспективе, и научно-педагогическим сообществом, очень взвешенно относящимся к соотношению старого и нового как в образовании, так и в науке, и ориентированного на достижение целей в долгосрочной перспективе.

Близость представлений об ориентирах развития и модернизации вузовской науки, складывающихся на уровне управления и научно-педагогического сообщества, являет собой только видимость. Проводимые правительством и Минобрнауки реформы на самом деле перечеркивают значение многих традиций российского образования и науки. Они снижают роль вузовского преподавателя как носителя и создателя уникального образовательного и научного знания, его гуманитарной и воспитательной составляющей, разрушают или девальвируют ценность многих традиций вузовской науки, за сохранение которых выступает научно-педагогическое сообщество.

Конфликт между структурами управления и социальной общностью преподавателей вузов – это конфликт между «быстрым рынком» и механизмом долгосрочных инвестиций в научно-интеллектуальный капитал вузов. В условиях информационного общества научно-интеллектуальный капитал становится тем нематериальным ресурсом, наличие и использование которого определяет конкурентоспособность любого социального и экономического субъекта. Значимость данного фактора возрастает с каждым днем, поскольку в современном мире приоритет отдается интеллектуальной, творческой деятельности не только

зования, молодежи и управления : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – С. 402–409.

индивидов, но и целых социальных общностей. Основой общественного развития признается качество интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества, чья деятельность разворачивается в вузах – «точках роста» информационного и инновационного общества.

Наряду с высокотехнологичными корпорациями и научными организациями, обладателями крупного интеллектуального капитала являются ведущие университеты России. Преподаватели, научные сотрудники, аспиранты и активные в научном плане студенты выступают носителями уникального интеллектуального капитала, который составляет основное конкурентное преимущество вузов.

Важным элементом управления научно-интеллектуальным капиталом вуза является инвестирование. Все структурные элементы интеллектуального капитала существуют в тесном единстве и требуют инвестиций. Инвестиции должны вкладываться в развитие интеллектуального капитала в целом и во все его разновидности. Развитие лишь одной из сторон интеллектуального капитала в ущерб другим не только не принесет вузу больших преимуществ, но может даже нанести ему ущерб. Чем раньше начнут осуществляться вложения в интеллектуальный капитал, тем быстрее они начинают давать отдачу. Но нужно иметь в виду, что более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и более долговременный эффект. Инвестиционный период у научно-интеллектуального капитала значительно длиннее, чем у физического. У последнего он составляет в среднем от одного года до пяти лет, а у такой формы вложения в интеллект, как наука и образование, инвестиционный период может достигать 12–20 лет и распространяться в дальнейшем (на уровне индивида) на всю трудовую жизнь.

Оценка научно-интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества закономерно включает в себя темпоральное измерение – скорость и сроки его оборачиваемости. А управление развитием научно-интеллектуального капитала предполагает целенаправленное создание благоприятных темпоральных условий.

Рыночная модель, которой была подчинена российская высшая школа, требует отдачи «здесь и сейчас» (в краткосроч-

ной, в лучшем случае среднесрочной перспективе). Она породила различные стратегии рыночного поведения вузов, основанные на использовании известной ресурсной диады «время – деньги». В условиях форсированной модернизации высшего образования в России темпоральные особенности функционирования и развития научно-интеллектуального капитала становятся барьером на пути достижения целей, поставленных государством. Рыночная модель «быстрых денег», хорошо работающая в логике потребительского рынка, плохо приживается в сфере вузовской науки.

Российская высшая школа не может усвоить и реализовать эту идеологию «быстрых денег», по крайней мере в том варианте, который ей навязывается системой управления. Эта идеология, во-первых, противоречит традициям российской вузовской науки, а, во-вторых, ее создатели не учитывают темпоральных рисков, которые она порождает уже сейчас – девальвацию ценности «быстрого научного знания», снижение качества и, соответственно, престижа вузовской науки «в ускоренном варианте», потерю ее конкурентоспособности. Таким образом, темпоральные ориентиры, заложенные в современной политике управления университетами, приводят к противоположным результатам, а значит, свидетельствуют о неэффективности управленческой системы в области вузовской науки.

В этом смысле ценным представляется опыт Китая, перед которым стоят примерно те же задачи, что и перед Россией, и который также пытается решить их путем модернизации вузовского образования и науки. Между тем подход к выстраиванию темпоральной модели модернизации вузов в Китае иной. Он базируется на следующих принципах: 1) стратегия реформирования вузов строится на основе преемственности, национальных традиций и исторического опыта; 2) сохраняется традиционная патерналистская роль государства по отношению к вузам; 3) реформирование идет постепенно, поэтапно, притом что

управление им очень быстро, оперативно реагирует на появление ошибок, рисков, просчетов в образовательной реформе¹.

Приведенный пример показывает положительный опыт ориентации управления в разработке реформ вузовского образования и науки на такие темпоральные ценности, как традиции (в формировании которых значительную роль сыграли традиции советских вузов), преемственность и разумное их сочетание с инноватикой, а самое главное – скоростью и гибкостью управленческой деятельности, сопровождающей этот процесс.

В сочетании с другими управленческими подходами и инструментами, обеспечивающими, прежде всего, благоприятные финансовые и временные условия (зарплата преподавателя китайского вуза равна зарплате менеджера среднего звена, аудиторная нагрузка примерно 30–40 часов в семестр²), это обеспечивает китайским университетам высокие позиции в международном научно-образовательном пространстве. Не случайно 5 китайских университетов сегодня входят в рейтинг QS (Quacquarelli Symonds) 200 лучших университетов мира (университет Цинхуа – 47-е место, Пекинский – 57-е, университет Фудань – 71-е, Шанхайский – 104-е, Нанкинский – 162-е место)³. По уровню публикационной активности в 2009 г. они уступали только университетам США и Великобритании, а в 2012-м вышли уже на второе место⁴. При этом 20 % публикаций китайских

¹ Сачко Г. В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 12. – С. 48–52.

² Научно-педагогическая работа в китайском университете [Электронный ресурс]. – URL: <http://inel.stu.cn.ua/forum/index.php?topic=527.0> (дата обращения: 28.04.2015).

³ 200 лучших университетов мира в 2014 году [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/abitura/20140916/1023640713.html> (дата обращения: 28.04.2015).

⁴ Родионов Д., Ялунер Е. В., Кушнев О. А. Гонка за лидером: прайвильственная программа «5-100-2020» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 6, № 2. – С. 83–84.

исследователей приходится на национальные журналы, 80 % – на международные¹.

Рассмотрим еще один аспект темпоральной самоорганизации и саморегулирования, который находит отражение в выстраивании темпоральности научно-исследовательской деятельности.

Существуют определенные закономерности осуществления научно-исследовательской работы во времени. Не случайно разработаны даже классификации научных открытий по критерию темпоральности (повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые)². Что же касается собственно процесса научной работы, то его темпоральные особенности определяются сочетанием в ней творческой составляющей и алгоритмизированной деятельности. Понятно, что темпоральные характеристики научного творчества в большей степени неопределенны, динамичны, зависят от индивидуальных особенностей преподавателя-исследователя. По выражению Д. Зербино, научное творчество – «это работа без времени»³.

Другая составляющая научной работы – ее алгоритмы – характеризует коллективные практики, отражает социальный опыт научно-педагогической общности по наработке технологий ее деятельности. Темпоральные характеристики этой составляющей научно-исследовательской работы программируются, а следовательно, сравнительно легко поддаются управлению.

¹ Публикационная активность: практические аспекты [Электронный ресурс] // Университетская книга. – 2013. – Июль-август. – URL: <http://www.unkniga.ru/vishee/1719-publikacionnaya-aktivnost-prakticheskiaspekty.html> (дата обращения: 22.04.2015).

² Кынин А. Эти неслучайные «случайные» открытия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.metodolog.ru/01200/01200.html> (дата обращения: 28.04.2015); Новиков А. С. Научные открытия: повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые. – М. : УРСС, 2003. – 111 с.

³ Зербино Д. Научное творчество: неразгаданный феномен [Электронный ресурс]. – URL: http://gazeta.zn.ua/SCIENCE/nauchnoe_tvorchestvo_nerazgadannyy_fenomen.html (дата обращения: 29.04.2015).

Управление научно-исследовательской работой преподавателя вуза опирается на знание и понимание, прежде всего, технологии научной работы и на основе этого устанавливает определенные сроки выполнения НИР – в рамках подготовки кандидатской и докторской диссертаций (3 и 5 лет), выполнения исследования по грантам (1, 2 или 3 года). Но, как правило, научно-исследовательский проект не укладывается в отведенные организационные рамки: чаще всего он охватывает этап интенсивной работы, а так называемый «задел» и «продолжение» темы выходят за его границы.

Темпоральная самоорганизация научно-исследовательской работы, основанная на сочетании двух названных компонентов – научном творчестве и научном рутинном, алгоритмизированном труде – выработала темпоральную норму систематической научной работы. Исследователь должен осуществлять научную работу постоянно, изо дня в день, по принципу «ни дня без строчки». Для академических научных работников время, отводимое на исследования, должно составлять примерно 80 % от бюджета рабочего времени (остальное занимает организационная и прочая работа), для преподавателя вуза объем времени на научную работу, конечно, меньше.

Однако дело не только в объеме, но и в качественной темпоральной организации научной работы. Она может быть рекурсивной, повторяющейся, может иметь уникальный, разовый характер, но в любом случае она должна быть постоянной. «Если “бросить науку” на один день», – писал аргентинский физик и философ М. Бунге, – то она тебя бросит на два, если ты ее оставишь на два дня, то она тебя может бросить вовсе»¹. Придерживаются ли современные российские преподаватели-исследователи этого принципа или нет, зависит не только от их индивидуальных устремлений, мотивации к научной работе, но и тех объективных условий, в которых они работают.

Современный преподаватель оказывается в роли буриданова осла, который скончался, так и не решив, за какую еду приняться. В условиях жесточайшего дефицита времени, на причины которого мы уже указывали в нашей работе, им очень сложно

¹ Бунге М. Интуиция и наука. – М. : Прогресс, 1967. – С. 178.

сделать выбор: зарабатывать на жизнь, беря дополнительную работу? совершенствовать, «модернизировать» свое педагогическое мастерство, осваивая новые стандарты, технологии, подходы? переписывать на десятый раз по новому шаблону учебные программы? заняться диссертационным исследованием? написать монографию или, по крайней мере, серьезную статью? Выбор делается, но не в пользу систематической научной работы.

«Урывками, но постоянно» – так определяется «хронотоп» научной работы преподавателя¹. В таком «рваном» темпоральном режиме работали и работают практически все преподаватели вузов, поэтому подсчитать точно, сколько времени уходит на тот или иной вид научной работы, нелегко, а нормировать время научной работы практически невозможно.

Другой принцип научной работы, отраженный в латинской поговорке «Festina lente» – «поспешай медленно», также не выдерживается в современных вузовских условиях. Во-первых, объективно увеличилась и продолжает увеличиваться скорость обновления научной информации, что заставляет более интенсивно отслеживать и осваивать новое научное знание. Во-вторых, быстро меняются количественные и качественные критерии оценки научных достижений, что связано с попыткой ускоренными темпами вписать российскую науку в европейское научное пространство (количество публикаций в журналах списка ВАК, в журналах, индексируемых в международных базах цитирования, увеличение публикаций в журналах с высоким импакт-фактором).

Высокий темп, скорость развития научной работы, обусловленные как внешним фактором – естественной динамикой развития науки, так и целевыми установками реформы российского образования и науки, нарушают традиционные нормы и принципы темпоральной самоорганизации научной деятельности. Но если первый фактор задан объективно и позитивно стимулирует изменение темпоральной организации научно-исследовательской работы преподавателей и ученых, то влияние второго –

¹ Харченко В. К. Как заниматься наукой. – Белгород : Изд-во Белгородск. гос. пед. ун-та, 1996. – С. 78.

управленческих установок на ускорение – можно оценить как противоречивое.

Искусственное введение таких критериев оценки научных достижений, как библиометрические показатели, объемы привлеченного финансирования, количество грантов (особенно в условиях резкого сокращения финансирования научных фондов), к которым добавлен критерий возрастающей динамики этих показателей, вряд ли можно назвать эффективным управленческим механизмом стимулирования развития российской науки. В условиях ресурсной необеспеченности этот процесс разрушает механизмы темпоральной самоорганизации науки и сопровождается рисками «научных махинаций», «вымывания» научной проблематики, не вписывающейся в издательскую политику высокорейтинговых зарубежных журналов.

Планирование развития российских вузов и, соответственно, вузовской науки, осуществляемое органами управления образованием, должно базироваться на учете темпоральных особенностей жизнедеятельности научно-педагогического сообщества. В реальности отсутствует какое-либо согласование темпов, ритмов, направлений развития высшего образования, задаваемых системой управления, и реальной темпоральности научно-педагогического сообщества как одного из главных его субъектов. Скорость реформирования вузов не соответствует возможностям, а главное, их объективным потребностям. Ведь речь идет не о потребительском рынке, на котором скорость изменений – главное условие конкурентоспособности организации, а о сфере «производства» фундаментального образования и научного знания.

В условиях увеличения учебной нагрузки, неэффективного и бюрократизированного планирования учебной, научной, методической работы вузовских преподавателей, их бюджета времени, деформированного бесполезными разработками УМК, бесконечным переписыванием рабочих программ и методичек, проблематичным становится проведение серьезных научных исследований, написание статей в высокорейтинговые журналы, монографий, подготовка диссертаций и т. д.

По мнению бывшего министра Минобрнауки РФ Д. Ливанова, представлявшего высший уровень управленческой структуры

в сфере образования, никакой проблемы временной регламентации труда преподавателей высшей школы не существует. Он утверждал, что «у нас сейчас нет никакого нормирования нагрузки на преподавателей. Мы отмечаем, что это дело самого вуза – распределять нагрузку. И именно там, где преподаватели не ведут никакой научной работы, вузы как раз и нагружают их учебной работой. А там, где преподаватели работают и занимаются наукой, там у них и нагрузки не превышают 300–400 часов в год, как в наших ведущих вузах, поэтому путать причину и следствие, мне кажется, не стоит»¹.

Однако на самом деле это не так. Перегруженность научно-педагогических работников рутинной учебной и методической работой – это одна из первых причин того, почему преподаватели не могут в полном объеме заниматься самообразованием, наукой, быстро и эффективно осваивать новые требования и стандарты научной работы, необходимые для обеспечения качества их научно-интеллектуального капитала.

Российское общество не знало бы протестных митингов, кампаний, форумов, на которых преподаватели различных возрастов, особенно молодые, прямо заявляют о запредельной аудиторной и общей нагрузке, устанавливаемой в вузе, и лукавстве в отношении ее регламентации со стороны как высшего, так и вузовского руководства². А ведь именно молодые преподаватели и исследователи мобильны и готовы более быстро перестраиваться применительно к новым международным требованиям, способны более интенсивно работать и заинтересованы в самоинвестировании в интеллектуальный капитал.

Даже заявленные экс-министром 300–400 часов для активных в научном плане преподавателей превышают показатели зарубежных университетов. Эксперты утверждают, что реаль-

¹ Заседание Совета по науке и образованию. 23 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45962>

² Как снизить нагрузку университетских преподавателей? [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. – 2014. – № 158. – С. 4–5. – URL: <http://trv-science.ru/2014/07/15/kak-snizit-nagruzku-universitetskikh-prepodavatelej> (дата обращения: 17.04.2015).

ные достижения российской науки и ее вхождение в мировое научное пространство на равных правах с другими странами возможно только в том случае, если преподавательская нагрузка будет на уровне 150–200 часов в год. Более низкий предел нагрузки необходим для выделения дополнительных временных ресурсов для ускорения развития российской вузовской науки и преодоления разрыва как с российской академической, так и с зарубежной вузовской наукой. Реструктуризация рабочего времени преподавателей вузов может обеспечить временные инвестиции в развитие российских вузов и вузовской науки.

Наращивание интеллектуального капитала научно-педагогического сообщества как главного ресурса конкурентоспособности российских вузов на национальном и международном образовательных рынках требует такого же длительного времени, как и выращивание английского газона. Ускорение же его развития (т. е. сокращение конхронического, или хронологического, времени) требует тщательно продуманной системы стратегических, тактических и текущих планов, построенных на реструктуризации времени в горизонтальном аспекте (т. е. изменении бюджетов времени, структуры рабочего времени научно-педагогических работников). Только так возможно создание благоприятных условий для развития интеллектуального капитала российских вузов.

§ 5.3. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи

Студенческая молодежь является объектом самых разнообразных научных интересов. Одни из них реализуются в исследованиях достаточно часто, другие – сравнительно редко. К последним относятся темпоральные характеристики студенческой молодежи, которые в данном параграфе будут рассмотрены сквозь призму темпоральных противоречий жизни этой социальной общности.

Традиционно в литературе студенчество описывается как социальная и демографическая группа¹, как поколение и когор-

¹ Вишневицкий Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2006. – 430 с. ; Константиновский Д. Л., Возне-

та¹. Но студенчество является также уникальной возрастной общностью, которая характеризуется сложным комплексом специфических, связанных в противоречивом единстве физических, физиологических, психологических, социально-психологических, культурных и социальных черт. Чаще всего студенчество как возрастная общность изучается демографами и психологами², а вот социологи необоснованно обходят вниманием эту проблему, равно как и само понятие возрастной общности.

Между тем это понятие, на наш взгляд, служит теоретической рамкой, которая позволяет выявить и понять темпоральные противоречия, вызванные различиями биологического, психологического и социального времени студенчества. Через призму возрастного подхода возможно изучение влияния этих противоречий на различные стороны жизнедеятельности студенческой общности. Напомним читателю, что под биологическим временем мы понимаем эндогенное (внутреннее) время человека, которое находит свое выражение в его биологическом возрасте, стадиях развития в онтогенезе, ритмах и скорости протекания биологических процессов. Психологическое время мы определили как способ субъективного восприятия, переживания, оценивания человеком внутренних процессов и состояний, а также временных отношений и состояний окружающего мира. Третий вид времени – социальное – представляет собой форму и способ жизнедеятельности социального субъекта (индивида, общности, общества), отражающие его объективные и субъективно воспринимаемые темпоральные и хронологические характеристики и параметры. Социальное время может быть описано, измерено,

сенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М. : ЦСП и М, 2014. – 548 с. ; Кон И. С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 384–385.

¹ Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М. : РОССПЭН, 2009. – 271 с.

² Впервые понимание студенчества как особой возрастной, социально-психологической группы было предложено Б. Г. Ананьевым в 1960-х гг. [См.: Ананьев Б. Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 2. – Л. : ЛГУ, 1974. – С. 3–15].

зафиксировано в объективных феноменах: бюджете времени студентов, способах и условиях темпоральной организации их жизнедеятельности (учебной, бытовой, досуговой и пр.). Оно может быть отражено в оценках, мнениях, представлениях студентов, в их эмоциональном восприятии и переживании времени.

Воспроизведем также понятие возрастной общности, которое мало используется в социологии. Проясним его авторскую трактовку. Возрастная общность – это разновидность социальной общности, выделяемая на основе использования такого социально-демографического критерия, как возраст. Поскольку возраст – категория темпоральная, постольку возрастную общность правомерно относить к типу темпоральных общностей. Такими общностями можно считать те совокупности (взаимосвязи) людей, критерием (или одним из критериев) выделения которых является наличие темпоральных характеристик, выступающих в качестве специфических и основополагающих для этих общностей.

Проблема научной интерпретации категории возраста заслуживает особого внимания. Здесь ограничимся лишь кратким определением понятия возраста, которое отвечает задачам данного параграфа. Возраст мы понимаем как этап развития, границы и содержание которого обусловлены взаимосвязью биологических, психологических и социальных темпоральных (временных) характеристик. В такой трактовке мы попытались выйти на междисциплинарное понимание возраста, которое позволило бы лучше, чем узкодисциплинарные подходы, понять природу темпоральных противоречий возрастной общности студенчества. Возраст студента как темпоральный феномен отражает сложное переплетение биологического, психологического и социального времени как на индивидуальном, так и на групповом, общественном уровне.

С позиций нашего подхода возрастная общность студентов представляет собой их объединение как индивидов, связанных между собой и взаимодействующих на основе схожего биологического, психологического и социального возрастов, специфика и противоречия которых формируются в конкретно-историческом контексте и позволяют выделять (идентифицировать) сту-

денчество в возрастной структуре общества. Мы исходим из понимания неразрывности и противоречивого единства биологического, психологического и социального времени возрастной общности студентов, а также из представлений о влиянии этого сложного темпорального комплекса на все стороны и сферы их жизнедеятельности.

В таком теоретическом контексте мы можем анализировать темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как особой возрастной общности. Одной из ее характеристик выступает протяженность (длительность) существования, вне фиксации которой социальная общность студенчества не может быть выделена и рассмотрена. Применительно к возрасту этой социальной общности, основной единицей измерения выступают годы учебы. Понятно, что это такая возрастная общность, жизнь в которой характеризуется периодом нескольких лет.

Типичная студенческая общность имеет определенные возрастные границы – от 17 лет (в отношении отдельных представителей молодежи эта граница может снижаться) до 25–30 лет. В связи с введением магистратуры и аспирантуры как ступеней высшего образования верхняя граница возраста студенчества расширяется. Если же относить к нему и тех, кто учится заочно, то возрастные границы этой социальной общности должны быть существенно раздвинуты в сторону их повышения. Кроме того, активно формируются особые возрастные группы студенчества предпенсионного и пенсионного («серебряного») возраста. О них речь пойдет в следующем параграфе.

Таким образом, студенчество может включать в себя представителей не одного, а двух, возможно, и трех поколений, выходящих за границы молодого возраста. Эта специфическая темпоральная характеристика существенно сказывается на общей образовательной ситуации, в которой разворачивается жизнедеятельность студенчества в условиях современности.

Поэтому особого исследовательского внимания, по нашему мнению, заслуживает наблюдаемый в практической преподавательской деятельности феномен сочетания на одном курсе, в одной академической группе разновозрастных групп студентов-заочников, которые объединяют существенно различающихся по возрастным и поколенческим ценностям и ориентациям вчераш-

них школьников и специалистов с профессиональным стажем и жизненным опытом. Еще больший интерес вызывают аспиранты и магистранты-заочники, в учебных группах которых оказываются только закончившие вуз студенты-бакалавры, проработавшие 3–4 года специалисты и люди, имеющие за плечами 10–15-летний опыт работы.

Увеличение числа подобных групп мы можем с уверенностью спрогнозировать на ближайшие, как минимум, несколько лет, поскольку применительно к претендентам на многие должности сейчас требуется уже не просто высшее образование (бакалавриат), но, как минимум, магистратура, а то и аспирантура. Это касается молодых преподавателей, руководителей школ, организаций здравоохранения, служащих в системе государственного и муниципального управления и многих других категорий занятых, количество которых будет непрерывно расти. Усиление возрастной гетерогенности студенческой общности серьезно влияет на содержание и формы образовательной деятельности, характер взаимодействия внутри студенчества и между ним и преподавателями.

Специфической темпоральной характеристикой студенчества является ограничение срока нахождения отдельного индивида в этой общности. Если не принимать во внимание феномены непрерывного образования, самообразования и «вечного студента», то в большинстве случаев принадлежность к студенческой общности ограничена 4–5 годами бакалавриата, 2–3 годами магистратуры и 3–4 годами аспирантуры (сроки зависят от направления подготовки и формы обучения – очной или заочной). Заметим, что указанные выше возрастные границы студенческой общности, хотя и являются ее объективными хронологическими рамками, под влиянием социальных факторов не раз изменялись.

Сегодня наблюдается ситуация, когда для одних групп студенческой общности время получения образования сокращается в связи с переходом на бакалавриат, а для других, наоборот, оно увеличивается. Мы имеем в виду широкое распространение практик получения второго высшего образования и введение магистратуры и аспирантуры как второй и третьей ступени высшего образования соответственно, что растягивает срок пребывания в статусе студента и расширяет верхнюю возрастную

границу студенческой общности. Таким образом трансформация образовательной системы изменяет хронологические границы этой общности, размывает их, делая ситуацию перехода продолжительной, а может быть, даже парадоксально константной.

Как видно, темпоральными характеристиками студенчества являются ограниченность по времени пребывания в статусе студента и определенная возрастная структура. Сюда же следует отнести гетерохронность студенчества, возраст которого делится на два периода – позднюю юность и раннюю зрелость (по Б. Г. Ананьеву). Эта темпоральная характеристика объясняет переходный характер студенческого статуса и представления о студенческой молодежи как о переходной общности, находящейся в ситуации транзита от юности к зрелости. Данным фактом обусловлена специфика социальной позиции этой общности, ее образа жизни, функций в системе общественных отношений. Главная задача молодежи – достижение зрелости – особенно ярко проявляется в студенческой общности.

Меняющиеся темпоральные характеристики студенческой общности вызывают целый комплекс темпоральных противоречий, проявляющихся на общностном уровне. Одно из них, очевидное и уже известное науке, заключается в том, что биологический возраст студентов входит в противоречие с их психологическим и социальным возрастом и связанными с этим требованиями.

Специалисты в области физиологии и физического развития полагают, что сегодня в отечественной науке отсутствуют какие-либо достоверные статистические данные о физическом развитии современного российского студента. Все знание этого вопроса сводится к обыденным представлениям о том, что у большинства молодых людей в этом возрасте заканчивается рост костей, наблюдается функциональная зрелость, в том числе высокий уровень выносливости, способность к репродукции без осложнений, выполнению практически всех видов трудовой деятельности и др. Вместе с тем, по мнению исследователей, «на сегодняшний день в России объективно нет единой для всех вузов страны системы оценки физического развития студентов, которая бы основывалась на объективных физиологически ори-

ентированных показателях индивидуального телосложения юношей и девушек»¹.

Принято считать, что уже на входе в эту возрастную общность молодые люди в общем-то являются биологически зрелыми, потому что под влиянием процесса акселерации к 17–18 годам организм молодого человека достигает половой и телесной зрелости. С одной стороны, в современной литературе приводится немало доказательств ускорения биологического времени современного молодого человека, порожденного акселерацией. С другой стороны, проведенные антропометрические исследования показывают наличие серьезных отклонений физического развития российских студентов от физиологической нормы. По данным тульских исследователей, гармонично сложенных, физически развитых и функционально тренированных девушек-студенток примерно 9–18 % (если учитывать отдельные индексы физического развития), тогда как среди юношей таковых насчитывается только от 7 до 10 %. Примерно половину студентов (от 46 до 54 %) исследователи относят к слаборазвитой в физическом отношении группе. Особую тревогу вызывает многочисленность группы детренированных, астеничных и анорексичных студентов (от 37 до 47 % по различным показателям)².

Складывается реальное противоречие: акселерация, наблюдаемая в филогенезе, формирует потенциал быстрого физического и физиологического развития студенческой молодежи, но этот потенциал не может быть реализован в полной мере в силу влияния целой системы социальных факторов: «гиподинамичной» культуры, неправильной организации учебного процесса, ориентации физической подготовки в вузе не на поэтапное раскрытие и повышение физического потенциала различных групп студентов, а на соревновательность, перенапряжение сил. Сама временная организация учебных занятий наносит серьезный вред гармоничному развитию студентов, когда, например, занятия физкультурой ставятся первыми парами перед аудиторными

¹ Грязева Е. Д., Жукова М. В., Кузнецов О. Ю., Петрова Г. С. Оценка качества физического развития и актуальные задачи физического воспитания студентов. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 23.

² Там же. С. 81.

часами, требующими интеллектуальной работы, и, соответственно, снижают способности к ней, вызывая интеллектуальное перенапряжение.

Таким образом, биологическое время студенческой общности, объективированное в биологическом возрасте ее представителей, испытывает давление социальных факторов. Это время ускоряется под влиянием улучшения питания, социально-бытовых условий, новых лекарственных препаратов и медицинских технологий, преодоления генетической изоляции благодаря интенсивной и масштабной мобильности. Однако реализация биологического потенциала, который формируется благодаря такому ускорению биологического времени, ограничивается, сдерживается, табуируется социальными возрастными нормами, ожиданиями и стереотипами старших возрастных общностей.

Названные темпоральные противоречия проявляются в сексуальном, репродуктивном и трудовом поведении студентов. Исследования сексуальной культуры российских студентов, проводимые на протяжении 1990–2000-х гг., четко показывают снижение возраста сексуального дебюта и активной сексуальной жизни¹. Эта тенденция обусловлена как значительным ускорением психо-сексуального и сомато-сексуального развития подростков, приводящим к ранней сексуальной активности студенческой молодежи², так и либерализацией взглядов на раннюю и добрачную сексуальную жизнь. Впрочем, по мнению И. С. Кона, толерантное отношение к добрачным связям характеризовало российское студенчество еще с 1960-х гг.³

Практически все исследователи сходятся во мнении, что сексуальная сфера большинства представителей студенческой общности характеризуется противоречиями и рисками, выраженными в сочетании ранней и активной половой жизни с низким уровнем сексуального здоровья, сексуальной культуры, мо-

¹ Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 279–281.

² Дерягин Г. Б. Сексуальное поведение молодежи в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://1sexology.ru/issledovaniya-seksualnosti/> (дата обращения: 06.01.2016).

³ Кон И. С. Указ. соч. С. 281.

рально-нравственной ответственности перед партнером, отсутствием matrimониальных установок¹. Очевидно, что сексуальная сфера жизни студенческой молодежи характеризуется рассогласованием соматических, психических и социокультурных процессов, отражающих специфику ее полового развития. Возможно, сам по себе факт временного дисхроноза (рассогласования) в студенческой общности является нормальным проявлением возраста², и есть причины думать, что постепенно дисхроноз биологического, психологического и социального времени сгладится и биологическое развитие придет в соответствие с психологической и социальной зрелостью.

Однако темпоральные противоречия приобретают особый характер, когда мы рассматриваем их сквозь призму динамики возрастных социальных норм, бытующих внутри самой общности и во внешнем окружении, представленным более старшими возрастными общностями (родителей, преподавателей, медиков и др.). Исследования показывают, что реализация физических потребностей в сексуальной жизни происходит на фоне давления сформировавшихся в последние годы социальных внутриобщностных норм, формирующих страх отстать от одноклассников в сексуальном вопросе, требующих ускорения сексуального дебюта, увеличения количества партнеров, никак не обусловленного физиологическими потребностями.

С другой стороны, очевидным является давление «взрослого» окружения, социальные нормы и ожидания которого в отношении сексуального поведения молодежи изменяются в сторону большей толерантности, но не так быстро и кардинально, как в молодежной культуре. Между тем опыт западных стран

¹ См.: Кашенко Е. А., Агарков С. Т. Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 600 с.

² Согласно концепции сексуального развития С. Т. Агаркова и Е. А. Кашенко, противоречия между соматическими, психологическими и социокультурными компонентами сексуальности сопровождаются сексуальной жизнью людей всех возрастных групп [см.: Кашенко Е. А., Агарков С. Т. Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 600 с.].

показывает, что снятие табу на сексуальность молодежи (как в поведенческом плане, так и в плане информационном) и включение сексуального сюжета в семейное и – шире – межпоколенческое взаимодействие стабилизирует указанные темпоральные противоречия, снимает зависимость как от внутриобщностных, так и от внешних возрастных норм¹.

В рамках данного параграфа мы хотели бы остановиться еще на одном сюжете, отражающем темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи. Это трудовая занятость студентов, рассмотренная сквозь призму темпоральных категорий. Если исключить из рассмотрения группу мотивов, связанных с вынужденной занятостью (в силу отсутствия материальной поддержки со стороны семьи, в том числе в отношении платы за обучение), то феномен работающего студента может быть рассмотрен в контексте темпоральной проблематики как стратегия преодоления временного дисхроноза.

Социологические исследования, проведенные в 1990–2000-х гг. как в региональном, так и во всероссийском масштабе, показывают, что примерно половина студентов-очников имеет более или менее постоянную круглогодичную занятость, а половина неработающих студентов хотела бы работать, если бы такая возможность им представилась². Ведущие мотивы занятости – ориентация на материальную независимость, расширение возможностей удовлетворения материальных и духовных запросов, приобретение профессионального опыта – можно интерпретировать как стремление к взрослости и сокращению срока адаптации к социально-экономической ситуации «взрослого» общества.

¹ Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. – М. : Айрис-пресс, 2005. – С. 331–332.

² Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М. : ЦСП и М, 2014. – 548 с. ; Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 106–115 ; Константинова Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

Работа, труд в системе возрастного символизма традиционно связывались со статусом взрослого, зрелого человека. Этим фактом в определенном смысле объясняется усиление тенденции вторичной занятости российских студентов (в отличие от зарубежной практики студенчества, которое работает, прежде всего, для того, чтобы оплачивать довольно дорогое образование). Среди социологов на эту функцию трудовой занятости студентов обратила внимание С. В. Творогова, которая отмечает: «При принятии решений о совмещении учебы в вузе с работой значимым оказывается не материальное вознаграждение, традиционно рассматривавшееся как основной мотив выхода студентов на рынок труда, но возможность обретения независимости от родителей, таким образом, трудовая занятость студента является инструментом социализации – освоения роли самостоятельно принимающего решения взрослого»¹.

Вторичная трудовая занятость студентов стала в последние годы общепризнанным массовым явлением. Однако такая темпоральная стратегия взросления студенческой молодежи входит в противоречие с институциональными и внеинституциональными барьерами: отсутствием регламентированных условий найма и строго реализуемых социальных гарантий со стороны работодателя, нелегитимностью статуса работающего студента в вузе и негативным отношением к таким трудовым практикам своих детей части родительского сообщества. Все это говорит о нежелании «взрослого» общества открыто признавать право и стремление студенческой молодежи быть самостоятельной и взрослой.

По мнению некоторых исследователей, среди работающих студентов можно выделить группу тех, кто посредством трудовой занятости во время обучения в вузе реализует жизненную стратегию развития (примерно 42 % студенчества)². Эти студен-

¹ Творогова С. В. Трудовая занятость как фактор накопления человеческого и социального капитала студентов в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – С. 8.

² Константинова Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006. – С. 16.

ты целенаправленно выбирают работу, предполагающую определенную квалификацию, предоставляющую перспективы для будущей карьеры.

В фокус их внимания попадают сферы деятельности и должности, которые позволяют им вырасти не только в профессиональном, но и в личностном плане. Они предпочитают официально оформлять трудовые отношения и требуют достойную заработную плату. Все вышеперечисленные черты трудового поведения говорят о зрелом характере самоопределения и адекватном планировании жизненного пути этой группой студентов. На наш взгляд, рассмотренная стратегия преодоления темпорального дисхроноза для студенческой молодежи является конструктивной и требует преодоления сопротивления ее реализации и распространению со стороны других возрастных общностей и социальных структур, прежде всего в сфере высшего образования.

Важной темпоральной структурой, характеризующей временной профиль студенческой общности, является ее бюджет времени. Он показывает специфику и противоречия социального времени студенчества. Одним из признаков взрослости считается возможность и умение распоряжаться собственным временем. В студенческом возрасте практически исчезает родительский контроль за использованием времени, как учебного, так и внеучебного. Несмотря на это, определенная часть студенчества в полной мере этим ресурсом так и не овладевает.

Наше собственное исследование показало, что в большинстве случаев студенты достаточно свободны в управлении бюджетом времени: 89 % опрошенных студентов имеют возможность самостоятельно им распоряжаться. Между тем мы обнаружили, что умения и навыки управления временными ресурсами (как в повседневной жизни, так и в выстраивании жизненной перспективы) у студентов далеко не совершенны¹. Эти выводы под-

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 48–55.

тверждаются и психологическими, и социологическими исследованиями других ученых¹.

По нашему мнению, это противоречие, проявляющееся и в темпоральном сознании, и в темпоральном поведении студентов, мешает реализации той главной задачи, стоящей перед студенческой молодежью, о которой мы постоянно упоминаем, – переходу к взрослости. Умение четко ставить цели и выработать стратегию и тактику их достижения основывается на оптимальном использовании различных темпоральных ресурсов – возраста (запаса лет), способности к быстрой адаптации (физиологической, психологической, социокультурной) к различным изменениям «текучей» современности, темпоральной мобильности (способности к быстрым переходам от одного вида деятельности к другому), умения рационально конвертировать время в другие виды человеческого и социального капитала и т. д. В связи с этим не случайна постановка проблемы формирования высококонкурентного выпускника вуза, в программу подготовки которого заложено воспитание культуры времени².

Завершая параграф, отметим, что в его рамках мы пытались поставить проблему темпоральных противоречий студенческой молодежи в разрезе ее биологического, психологического и социального времени и затронуть некоторые, наиболее очевидные, ее аспекты. Это позволяет сформулировать ряд важных выводов и направлений дальнейшего исследования поставленной проблемы.

1. В современных условиях в общности студенческой молодежи усиливается противоречие между ранним взрослением по

¹ Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В., Морева С. А. Трансформация временной перспективы студента в процессе обучения в вузе // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 50–55; Резник С. Д. Кто научит студента жить? // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 146–151.

² Резник С. Д. Кто научит студента жить? // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 146–151; Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3. – С. 8–18.

одним показателям и инфантильностью по другим. Мы видим в этом отражение усиливающегося дисхроноза между биологическим, психологическим и социальным временем рассматриваемой общности.

2. Выявленный дисхроноз развивается не в логике линейного запаздывания (временного лага), а имеет характер нелинейных ускорений и замедлений на уровне всех трех видов времени студенческой общности. Это усложняет динамику времени студенческой молодежи, затрудняет понимание темпоральных противоречий, которые сопровождают процессы ее самоопределения, адаптации, выстраивания жизненных стратегий.

3. Взгляд на особенности студенчества как возрастной общности сквозь призму темпорализма составляет не единственный, но один из важнейших подходов к исследованию социальных проблем современного российского студенчества. Он обогащает междисциплинарную методологию его изучения и информационную базу для разработки различных социальных технологий его развития.

§ 5.4. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования

Стало расхожим мнение о том, что система высшего образования подвержена непрерывным изменениям. Далеко не все последствия этих изменений можно оценить однозначно, тем более что одни не успевшие завершиться трансформации тут же сменяются другими, которых постигает та же участь. Многие из них значительной частью россиян встречаются в «штыки», особенно если они связаны с сокращением бюджетных мест, соединением вузов, ликвидацией одних, превращением в филиалы других, т. е. с тем, что в последние годы принято называть «оптимизацией» высшего образования, а на деле превращается в его «пессимизацию».

Между тем изменения в высшем образовании не всегда имеют негативный или противоречивый характер и слабо детерминированы образовательной политикой государства, управленческими решениями или экономическим кризисом исключительно российского масштаба. Некоторые трансформации вызваны объективными социокультурными и демографическими

процессами и тенденциями, имеющими общемировой характер. Не откликнуться на них российская высшая школа просто не может, потому что они, по-видимому, будут определять некоторые форматы университетского образования в будущем.

Анализ одной такой тенденции будет предложен в этом параграфе. Мы рассмотрим настоящие и грядущие перемены в высшей школе, происходящие в основной образовательной общности – студенчестве. Они касаются возрастных особенностей этой общности, ее «взросления» и вытекающих из этого процесса последствий для системы высшего образования.

Мы привыкли к тому, что в сознании людей студенчество, как правило, ассоциируется с молодостью и несет в себе присущие этому возрасту особенности и противоречия. Между тем реальные возрастные границы студенческой общности сегодня раздвигаются (о чем писалось в предыдущем параграфе), и перспективы дальнейшего их расширения просматриваются достаточно очевидно. Это приводит к появлению противоречия между образом студенчества в массовом сознании и реальными практиками повседневной вузовской жизни, в которые все чаще стали включаться «возрастные» студенты. Появилось не только политкорректное понятие «представители третьего возраста», но и термины, связанные с их образовательными практиками: «университеты третьего возраста», «студенты серебряного возраста», «высшее образование для взрослых» и др.

В западных странах эта терминология еще богаче, она включает в себя, помимо уже упомянутых, такие понятия, как «universities for seniors», «adult education», «older students», «nontraditional students», «senior learners», «older learners» и др. При этом нужно отметить, что в целом границы между «студенческой молодостью» и «студенческой зрелостью» становятся размытыми. Связано это с тем, что, благодаря постепенному воплощению в жизнь концепции Life Long Learning, в структуре студенчества в короткие сроки сформировались «среднее поколение» (от 30 до 40 лет) и «предпенсионное поколение», которые соединяют студенческую молодежь и поколение «серебряного возраста».

Мы можем с уверенностью говорить об активном процессе формирования и развития общности возрастных студентов,

включающей в себя представителей предпенсионного и «серебряного» возраста. Эти студенты имеют специфическую мотивацию к получению высшего образования и выстраивают особые образовательные стратегии, требующие как исследовательского внимания, так и практических подходов к обеспечению их реализации.

Названные структурные изменения студенчества пока не меняют кардинально систему взаимодействий внутри вузов, формы, подходы, методы образовательной деятельности. Но уже сейчас они отчетливо заявляют о себе и в перспективе, скорее всего, заставят измениться те или иные элементы существующих моделей высшего образования.

В фокус нашего исследования были включены образовательные практики для взрослых, реализующиеся в формальной системе высшего образования различных стран. Объектом эмпирического исследования стала общность возрастных студентов. В качестве гипотезы мы выдвинули предположение о том, что «взросление студенчества» и приобретение возрастными студентами признаков уже видимого меньшинства заставит их «сформулировать» системе высшего образования «запрос» на гибкость, новые принципы взаимодействия и новые образовательные технологии, совершенствование образовательного права и организационных структур. Мы также предполагаем, что изменения возрастной структуры студенчества дадут позитивный импульс развитию высшего образования в России, которое остро нуждается не только (и не столько) во внешнем стимулировании, сколько в четко оформившихся образовательных запросах и интересах самого общества, его различных социальных групп и общностей.

В параграфе будут рассмотрены два аспекта проблемы – субъективный и объективный. Первый связан с выявлением мотивации к получению высшего образования изучаемой образовательной общности, а также темпоральных особенностей и противоречий возрастных студентов, их места в структуре студенчества. Второй – с анализом социальных функций высшего образования по регулированию образовательных стратегий возрастных студентов и обоснованием некоторых элементов выс-

шего образования, которые должны приобрести характер нелинейных.

Прежде всего отметим, что в своем исследовании мы не акцентировали внимание на педагогических подходах или методах организации обучения взрослых. Эти вопросы достаточно освещены в научной литературе¹. Особенностью нашего исследовательского подхода являлось изучение включенности представителей старших возрастных общностей в образовательные практики как предпосылки изменения высшей школы.

В связи с этим интерес для нас представляли исследования зарубежных ученых, которые давно и внимательно следят за развитием высшего образования для возрастных студентов. Тем более что данный вид образовательных практик имеет на Западе богатую историю. Так, еще в 1962 г. в Нью-Йорке был открыт Институт образования пенсионеров. В 1973 г. во Франции по инициативе Пьера Велласа начал работать Университет третьего возраста. В 1983 г. в Великобритании было основано «Общество третьего возраста», в состав которого вошли 266 университетов из Англии, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. С этого времени опыт появления высшего образования для людей старшего возраста стал быстро распространяться во многих странах мира.

В своем исследовании мы опирались на опыт рассмотрения интересов, потребностей и проблем возрастных и пожилых людей в сфере образования, который принадлежит канадским ученым S. Dupuis-Blanchard, D. Theriault, L. Mazerolle². Нам были

¹ Генин В., Тилли М., Белоножко М. Л. Фасилитирование учебы студентов. Андрагогика и инновации в образовательных процессах вузов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 4. – С. 66–70 ; Мосийчук А. В. Становление и развитие педагогики взрослых в международном контексте // Дискуссия. – 2011. – № 2. – С. 99–104 ; Староверова Н. А. Андрагогические основы профессионального образования // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 24. – С. 299–302.

² Dupuis-Blanchard S., Theriault D., Mazerolle L. University of the third Age: The continuing education needs of senior francophone people in New Brunswick // Canadian Journal on Aging-revue Canadienne du Vieillessement. – 2016. – Vol. 35, No 4. – Pp. 423–431.

интересны работы R. L. E. Chua & A. B. de Guzman, которые описали различные образовательные потребности, выгоды и ожидания пожилых филиппинцев от обучения по программам «третьего возраста»¹. Практикам обучения и образовательному взаимодействию в гетерогенных по возрасту группах в колледжах и университетах посвящено исследование J. Dauenhauer, D. W. Steitz, L. J. Cochran². Некоторые исследования нацелены на выявление удовлетворенности возрастных студентов непрерывным образованием, получаемым в университете, влиянию на их удовлетворенность таких факторов, как гендер и возраст³.

Обширный материал для понимания смысла формального образования для людей, находящихся в разных точках жизненного пути, в том числе при выходе на пенсию, был собран А. Jamieson из Лондонского университета. Она анализирует на основе проведенных опросов, собранных историй жизни (Life story), собственного жизненного опыта характеристики, мотивы и преимущества формального обучения «an older learner»⁴. Ряд исследователей обращает внимание на образование как элемент жизненных стратегий «успешного старения»⁵.

¹ Chua R. L. E., de Guzman A. B. Do You See What I See? Understanding Filipino Elderly's Needs, Benefits, and Expectations from an Adult Continuing Education Program // Educational Gerontology. – 2014. – Vol. 40, No 1. – Pp. 1–15.

² Dauenhauer J., Steitz D. W., Cochran L. J. Fostering a new model of multigenerational learning: Older adult perspectives, community partners, and higher education // Educational Gerontology. – 2016. – Vol. 42, No 7. – Pp. 483–496.

³ Yang S., Hsu W.C., Chen H.C. Age and gender's interactive effects on learning satisfaction among senior university students // Educational Gerontology. – 2016. – Vol. 42, No 12. – Pp. 835–844.

⁴ Jamieson A. Retirement, learning and the role of Higher Education // International Journal of Lifelong Education. – 2016. – Vol. 35, No 5. – Pp. 477–489.

⁵ Richardson V. E., Barusch A. S. Gerontological Practice for the Twenty-First Century: A Social Work Perspective. – N.Y. : Columbia University Press, 2005 ; Tornstam L. Gerotranscendence: a development theory of positive aging. – N.Y. : Springer Publishing Company, 2005.

Между тем получение высшего образования как способ преодоления темпоральных и социально-психологических противоречий представителей старших возрастных групп (в том числе лиц «серебряного возраста»), а также связи между их образовательными стратегиями и трансформацией системы высшего образования не стали предметом специального исследования.

Эмпирической базой этого параграфа стал вторичный анализ данных, полученных авторами в ходе социологического исследования стратегий преодоления темпоральных противоречий возрастных общностей (2016 г.). Были сгруппированы и проанализированы материалы интервью со студентами старших возрастных групп, размещенные в открытых источниках (СМИ, интернет-сайтах). Также был проведен анализ образовательных практик университетов различных стран мира, работающих с возрастными студентами. Важным источником информации стали материалы полуформализованных интервью с представителями научно-педагогического сообщества (N = 80, 2016 г.), выступившими в качестве экспертов по проблемам развития высшего образования в современной России, в том числе – функционирования и развития образовательных общностей.

Обратившись к выявлению причин создания и распространения различных форм высшего образования для возрастных студентов, мы определили целый спектр таковых. Среди них – социально-экономические: увеличение пенсионного возраста во многих странах и, соответственно, необходимость обновления профессиональных знаний и умений, т. е. интеллектуального и профессионального капитала людей «третьего возраста», по-прежнему включенных в рыночную экономику. Другой причиной служит гуманизация общественных отношений и искоренение эйджизма. В связи с этим общество стремится развить культуру «успешного старения», разрушая стереотип необучаемости пожилых людей, повышая через образование уровень их социальной, экономической, психологической адаптивности и активности.

Перечисленные причины являются внешними, исходящими от социального окружения общества. Мы еще раз обратимся к ним в этом параграфе в связи с анализом объективных предпосылок формирования нелинейного высшего образования. А пока

отметим, что одной из причин, связанных с экзистенциальными проблемами и потребностями самих пожилых людей, служит непрекращающийся поиск способов снятия дисхроноза – противоречий между их биологическим, психологическим и социальным возрастом. На эту причину мы обратили внимание, потому что считаем ее реально действующим внутренним источником динамики высшего образования¹.

Дисхроноз представляет собой расхождение скорости и ритмов биологического, психологического и социального возраста человека. В традиционном обществе проблема дисхроноза не стояла так остро, как в современном обществе. Для людей общества модерна и постмодерна проблема дисхроноза стала чрезвычайно актуальной. Повышение качества жизни людей, изобретение медицинских технологий омоложения и продления жизни создали объективные основания для увеличения продолжительности жизни и периода физической активности человека. Однако динамика психологического и социального возраста не всегда совпадает с этой тенденцией. Анализ содержания интервью показал, что представители «серебряного возраста» (за рубежом более, в России – менее активно) избирают продолжение обучения в высших учебных заведениях как особую стратегию преодоления дисхроноза.

В ответ на возникновение такой стратегии, в европейских государствах стартовали образовательные программы для пожилых людей. Они многообразны по форме, длительности, задачам, технологиям. Эти программы базируются как на формальном, так и на неформальном образовании, а также самообразовании. Широк спектр структур, занимающихся образованием представителей старших возрастных групп – от центров социальной защиты до организаций дополнительного и высшего образования.

На базе высших учебных заведений стали появляться различные организационные формы обучения: институты и факультеты повышения квалификации, центры непрерывного об-

¹ Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. – 2016. – № 4. – С. 72–80.

разования, народные университеты, обучающие курсы elderhostel (в формате учебного отпуска). Все они возникали и развивались в рамках двух моделей – интегративной и сегрегационной. Первая предполагает инклюзию старших возрастных групп через формирование гетерогенных по составу студенческих групп либо через создание специализированных подразделений в составе вуза. Вторая реализуется через создание автономных образовательных организаций для пожилых людей.

Рассматривая особенности реализации интегративной модели образования в России, мы видим, что возрастные студенты включаются в обучение, как правило, на второй и третьей ступени высшего образования, т. е. поступают в магистратуру или аспирантуру. Вместе с тем определенную часть из них привлекает и бакалавриат как второе высшее образование.

Отметим, что во многих странах верхнего ограничения по возрасту нет. Исключение составляют восточные государства (Китай, Япония), в которых установлена граница в 25 лет для поступления на бакалавриат. Опыт показывает, что единственным ограничением могут стать отсутствие стипендий для студентов старше 30 лет и проблемы с выдачей виз для иностранных возрастных студентов. Но эти ограничения скорее призрачные, чем реальные. В России закон «Об образовании в РФ» не устанавливает возрастных ограничений, хотя некоторые вузы самостоятельно ограничивают возраст поступающих 50 годами.

В структуре мотивов получения высшего образования (второго, магистратуры, аспирантуры) можно выделить особый тип ориентаций – стремление к сохранению/продлению молодости и связанных с этим возрастом таких свойств, как активность, профессиональная востребованность, поиск новых способов самореализации, сохранение интеллектуальной и физической «формы».

Для некоторых возрастных студентов поступление в вуз носит компенсаторный характер. Выход на пенсию, потеря близких (мужа или жены), отдаление детей исключают из структуры их образа жизни многие виды деятельности. Увеличивается свободное время и возникает некий темпоральный вакуум, который необходимо чем-то заполнить, чтобы восстановить привычный для среднего возраста темп и ритм жизни. Именно такую роль в жизни 77-летнего Александра Трусова сыграло поступление на

факультет журналистики Томского государственного университета: «...жена моя умерла десять лет назад. Тогда лекарством от тоски стали домашнее хозяйство, огород, книги и работа. Но и этого не хватило. Возрастная бессонница стала еще одним стимулом начать жизнь заново и получить статус “самый старый студент России”».

Компенсаторный эффект высшего образования проявляется также в том случае, когда человеку просто не хватило времени на определенном этапе жизни удовлетворить свои образовательные потребности. Некоторым помешали внешние события (военные конфликты, семейные драмы, воля родителей и др.), кому-то – непонимание важности высшего образования. Так, например, американка Nola Ochs впервые поступила в колледж в 1972 г., после смерти своего мужа, но реально смогла закончить учебу со степенью бакалавра только в 2007 г. в возрасте 95 лет, а в 2010 г. в возрасте 98 лет она окончила магистратуру. Случай с Nola Ochs – яркий пример компенсаторной функции. Ее личная жизнь складывалась нелегко: она воспитывала четверых детей, рано потеряла мужа, работала на ферме. Да и в пожилом возрасте ей удалось получить высшее образование только тогда, когда она оставила свою ферму и свою семью и переехала в университетский кампус. Многочисленные попытки Nola учиться, предпринимаемые ею неоднократно в течение всей ее жизни, свидетельствуют о ярко выраженной мотивации на получение высшего образования.

Компенсаторная функция высшего образования имеет национальную специфику и ярко проявляется в группе «молодых» возрастных российских студентов (около 50 лет). Представителями этой группы студентов в основном являются «жертвы 1990-х гг.». Это особое поколение россиян, которые в кризисные для страны 1990-е гг. отказались от учебы в вузах ради выживания и заработка. Им сейчас как раз около 50 лет, и многие из них поступили в университеты для «латания образовательных дыр». Среди них есть те, кто обладает опытом руководителя или является собственником бизнеса. Определенная часть из них уже имеет одно высшее образование. Теперь они стремятся получить второе высшее образование: выбирают такие направления, как «менеджмент и управление» (24 %), «бухгалтерский учет, фи-

нансы», «экономика» (22 %), «психология» (10 %), «юриспруденция» (5 %)¹. Это очень заметная группа возрастных студентов, ориентация на которых дает дополнительный импульс развитию системы высшего образования в России.

Каждому возрасту присущ свой комплекс темпоральных противоречий между биологическим, психологическим и социальным возрастом. Если молодым студентам присуще стремление завышать свой возраст, то возрастным студентам, напротив, – стремление уменьшать его. Наблюдаемые признаки старения вызывают у них внутренний протест, потому что входят в противоречие с «молодой душой», т. е. психологической и социальной идентификацией с молодой возрастной общностью. Именно эта потребность возрастных студентов реализуется в том случае, если они обучаются в смешанных группах, вместе с молодыми студентами. То, что пожилым людям нравится учиться вместе с молодежью, – факт, который отметили практически все информанты:

«Мне кажется, что я нравлюсь молодежи, с которой учусь, а мне нравится учиться с ними», – отмечала Nola Ochs, которая училась, кстати, в одной группе со своей 21-летней внучкой.

«Мои внуки мной восхищаются», – говорит Simone Vouquierel (65 лет, Университет г. Тулузы, Франция).

«Я себя чувствую сейчас намного лучше, чем 10 лет назад», – говорит France Doudot (69 лет, Университет г. Тулузы, Франция).

Для возрастных студентов характерно стремление остановить быстро «убегающее» биологическое время. С точки зрения психологов, второе высшее образование в зрелом возрасте уже не повышает уровня знаний, но является показателем того, что человек просто не хочет взрослеть, как бы оттягивает момент своего взросления и истинного становления.

Одним из ярких представителей российской общности возрастных студентов является Марк Гольдман, который в 72 года поступил на очное отделение Высшей школы экономики (в 2004 г.). Отрывок из его интервью – доказательство того типа мотивации

¹ Морозова Т. Лучше поздно: как учатся студенты в возрасте 45+. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mr7.ru/articles/107763/> (дата обращения: 12.01.2017).

к обучению, о котором мы пишем: *«Я в Москве по театрам и концертам ходить не буду. Учеба, спорт и, конечно, английский. У меня четкая задача – освоить все новейшие западные исследования в политологии. Для этого мне придется переводить с английского массу журнальных статей. Но я к этому ритму готов...»* В своем поведении информант демонстрирует постоянное преодоление возрастных барьеров: *«...по жизненной и общественной активности Марк Гольдман вообще мало кому уступит: во многие процессы вникает, в форумах, семинарах, конференциях участвует. По улице Марк Соломонович не ходит, а бегаёт. И вообще, наверное, по физическим показателям пятерых молодых может заткнуть за пояс. В Москву он повез свои любимые гантели, три эспандера, с которыми занимается каждый день».*

Наше исследование показало, что возрастные студенты в большей мере удовлетворены жизнью, активны, имеют более высокие показатели интеллектуального и социально-психологического здоровья, чем их сверстники, не включенные в образовательные практики. Современные исследования биологов доказывают позитивное влияние образования на организм человека. Британские ученые измерили длину теломер ДНК у более чем 400 мужчин и женщин в возрасте от 53 до 75 лет с разным уровнем образования и выяснили, что независимо от пола у людей с высшим образованием длина теломер существенно больше, чем у тех, чей уровень образования ниже. Следовательно, клетки и ткани людей, закончивших вуз, менее подвержены процессам старения¹.

Таким образом, мы видим, что любые образовательные практики, в которые включаются возрастные студенты (традиционное очное или заочное обучение, университеты третьего возраста) выступают эффективным способом преодоления их темпоральных противоречий. Высшее образование в этом случае выполняет ряд важных функций. Среди них выделим адаптаци-

¹ Steptoe A., Hamer M., Butcher L. et all. Educational attainment but not measures of current socioeconomic circumstances are associated with leukocyte telomere length in healthy older men and women // Brain Behavior and Immunity. – 2011. – Vol. 25, No 7. – Pp. 1292–1298.

онную, которая обеспечивает в определенной степени конкурентоспособность старших возрастных общностей, и аукологическую. Последняя заключается в том, что тормозит физическое старение, атрофию интеллектуальной функции у возрастных студентов.

Следует особо отметить функцию межпоколенческой интеграции. Благодаря ей образование (особенно в гетерогенных студенческих группах) способствует установлению взаимодействия между различными возрастными группами и выведению старших возрастных общностей из социальной изоляции. Одно из наших интервью с молодыми студентами Уральского федерального университета показало, что студенческая молодежь вовсе не возражает против присутствия в их группах возрастных студентов. В общем-то, те же самые оценки, связанные с позитивным восприятием студентов «серебряного возраста», мы фиксируем в материалах, размещенных в сети Интернет.

Данные исследования показывают, насколько эффективно реализуется концепция межпоколенческого обучения, акцентирующая важность совместного обучения в группах людей разных возрастов, а также концепция биографического обучения, в основе которого лежит идея развития образовательной активности посредством обращения к прошлому, личному и профессиональному опыту, воспоминаниям¹.

Таким образом, мы имеем все основания рассматривать возрастных студентов как специфическую образовательную общность. Они характеризуются схожими жизненными проблемами и противоречиями, которые тесно связаны с образовательными установками, интересами, моделями поведения. Негативные стереотипные представления о зрелом и, особенно, старшем возрасте, бытующие в некоторых обществах, усиливают рассогласование биологического, психологического и социального времени студентов.

В связи с этим и возникает потребность в стратегиях преодоления дисхроноза. При этом очевидно, что возраст выступает

¹ Мокрогуз Е. Д. Образование людей «третьего возраста»: социокультурный анализ тенденций развития // Человек и образование. – 2015. – № 4. – С. 169–173.

как социальный фактор, тесно сопряженный с образованием. С одной стороны, он является барьером для получения высшего образования представителями старших возрастных групп. С другой стороны, в мире формируется позитивная тенденция преодоления этого барьера и использования образования как способа замедления старения.

Обобщение опыта обучения в высших учебных заведениях возрастных студентов свидетельствует об успешности образовательных стратегий преодоления дисхроноза. Эффективны как интегративная, так и сегрегационная модель. Однако для снятия межгенерационных противоречий и разрушения возрастных стереотипов преимуществами обладает интегративная модель.

На наш взгляд, этот вывод очень важен для России, поскольку образовательные практики для людей старшего возраста в нашей стране развиваются в основном вне университетов и с использованием сегрегационной модели. Трансляция опыта организации образования для возрастных студентов в университетах могла бы способствовать успешной экономической и социально-психологической адаптации в России лиц предпенсионного возраста и пенсионеров. Кроме того, это послужило бы импульсом к развитию самой системы высшего образования в России и ее переходу к большей гибкости и нелинейности.

Развитие общности возрастных студентов и изменение системы высшего образования – процессы взаимосвязанные. Высшее образование меняется, потому что не может не реагировать на изменения, происходящие в ключевой образовательной общности. Появление и рост численности возрастных студентов обусловлены определенной степенью готовности системы высшего образования принять этих студентов и работать с ними, наряду с молодежью. Если субъективная сторона этого процесса (образовательная мотивация, образовательные потребности и стратегии возрастных студентов) понятна, то каковы объективные предпосылки готовности системы высшего образования к таким изменениям?

Первая группа причин, очевидно, связана с демографическими и социально-экономическими процессами, происходящими в российском обществе. Старение населения страны, экономический кризис и несовершенство пенсионной системы вызы-

вают необходимость увеличения пенсионного возраста. Эта известная тенденция, обусловившая развитие высшего образования для взрослых в западных странах, сегодня характеризует образовательную, социальную и экономическую сферы и в России. Вопрос о повышении пенсионного возраста, активно дискутируемый в последнее время, является не только социальным или экономическим. Он напрямую требует определения перспектив изменения системы профессионального образования в целом, и в том числе – высшего.

Увеличение пенсионного возраста потребует обновления профессиональных знаний и умений, т. е. интеллектуального и профессионального капитала людей не только предпенсионного, но и «третьего возраста», которые по-прежнему будут оставаться включенными в рыночную экономику.

Ранее функцию обновления и развития профессиональных знаний в основном выполняла система дополнительного профессионального образования. Однако в законе «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) не предусмотрена государственная аккредитация программ дополнительного профессионального образования, а значит, невозможно присвоение слушателям новой квалификации и получение ими документов государственного образца. Государственной аккредитации подлежат только те программы дополнительного профессионального образования, которые реализуются на основе госстандартов или федеральных государственных требований (объемом свыше 1 000 часов). Эти программы сегодня составляют чуть больше 1,5 % от общего числа программ ДПО¹.

Российский же рынок труда довольно жестко ориентирован на формальное подтверждение профессиональной квалификации. Население и работодатели привыкли к государственной регламентации образовательной деятельности, в том числе – и к получению документов государственного образца. Отсутствие возможности получить такой документ в системе дополнитель-

¹ Мотова Г. Н., Аносова Н. А. Проблемы дополнительного образования в свете нового закона [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании. – 2013. – № 11. – URL: http://www.akvobr.ru/problemy_dpo_v_sвете_zakona.html (дата обращения: 03.02.2017).

ного образования приводит к переориентации части образовательной общности возрастных студентов на другие формы высшего образования, в частности на магистратуру.

Наш анализ возрастного состава студентов-магистрантов, особенно заочной формы обучения, многих уральских вузов с очевидностью показывает, что за последние годы в нем заметно возросла доля представителей старших возрастных групп. Связана эта тенденция с повышением профессиональных и квалификационных требований к претендентам на многие должности. В большей степени это характерно для госсектора (бюджетных организаций, органов власти), в котором всегда существовала жесткая связь между формальным образованием и должностным статусом, карьерой работника.

Магистратура для возрастных студентов является способом получения новой профессии или повышения квалификации в сжатые сроки. Основная особенность поведения большинства из них – очень сильная образовательная мотивация, что имеет далекоидущие позитивные последствия для вуза и «традиционных» студентов, общающихся и взаимодействующих с ними в рамках учебного процесса. Люди, которые идут учиться в вуз не в самом «юношеском возрасте» и часто не в первый раз, как правило, очень хорошо понимают, что им нужно получить, помимо «корочек». Они приносят с собой в аудиторию особый «дух» – четко выраженное стремление к приобретению знаний, компетенций, квалификации, «заражая» им и молодую часть студентов.

Специфичность статуса возрастных студентов в магистратуре подчеркивают многие исследователи¹, отмечая ярко выраженное их стремление к самореализации в учебной деятельности, интерес к сочетанию образовательной и научной работы, способность к самоорганизации, самоуправлению, самообразованию, пониманию значения получаемого высшего образования и практической деятельности. Именно такие характеристики присущи, по нашему мнению, студенчеству как основному

¹ Каримова А. Д. Особенности результатов образовательного процесса в магистратуре // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 3 (46). – С. 67–71.

субъекту нелинейного высшего образования. Эта модель высшего образования базируется на активном использовании новой «человеческой» ресурсности: сильной мотивации к получению и созданию научно-образовательного знания, открытому и паритетному взаимодействию между студентами и преподавателями, готовности включаться в процессы самоорганизации и самоуправления в вузе, обладании возможностями гибкого соединения образования и трудовых практик на индивидуальном уровне¹. К сожалению, такой ресурсностью молодое поколение российских студентов обладает далеко не в полной мере. А возрастные студенты с их особой «человеческой» ресурсностью не могут целиком и полностью включиться в существующую модель высшего образования.

На субъективный фактор – образовательные потребности и стратегии возрастных студентов – российская система высшего образования реагирует медленно и не вполне адекватно. Но можно надеяться, что на объективные запросы экономики и государства, которое снимает возрастные ограничения для поступления в вуз, оно вынуждено будет ответить. Изменение отношения к возрастным студентам, ответ системы высшего образования на их потребности и интересы, создание многообразных форм и способов их включения в образовательные практики, наряду с молодым поколением студентов, смогут стать основой разрушения негативного стереотипа работодателей в отношении старшего поколения россиян.

Система высшего образования, таким образом, может стать для возрастных студентов каналом социальной селекции и механизмом включения в современную экономику. Если в западных странах на такую роль претендуют неформальные образовательные структуры, то в России, в которой система образования жестко «привязана» к государству, эти изменения требуют

¹ См.: Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, А. К. Ключев, А. А. Кузьминчук, С. В. Кульпин, М. В. Певная, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина / под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.

трансформации вузов. Отсюда возникает необходимость конструирования (моделирования) целей, принципов, форм высшего образования в масштабах университета, способного выполнять названные функции.

В России отсутствуют прямые аналоги западных «университетов третьего возраста», реализующих программы высшего образования. Примеры обучения возрастных студентов по программам бакалавриата в нашей стране единичны, уникальны. И только магистратура выступает своеобразным компенсатором этой образовательной лакуны, в связи с чем наблюдается ее быстрый рост и усиление нелинейных характеристик. Все это означает необходимость разработки на уровне университетского управления и образовательно-педагогической практики широкого спектра стратегий, форм, принципов, методов образования, отвечающих тенденции усиления возрастной гетерогенности студенчества.

В условиях нелинейного высшего образования, основанного на принципах многообразия и гибкости, вполне успешно может быть реализован как интегративный подход, предполагающий создание смешанных возрастных студенческих групп, так и сегрегационный подход при формировании специализированных отделений и кафедр для возрастных студентов. Актуальными, востребованными и по-настоящему эффективными могут стать формы дистантного образования и «открытого университета», учитывающие ограниченность физической мобильности возрастных студентов, но основанные на присущей им сильной образовательной мотивации. Вероятно, потребуются переориентация и специальная подготовка научно-педагогических сотрудников для работы с представителями старшего возраста.

К сожалению, сегодня мы даже не имеем полной статистики по возрастному составу российского студенчества, хотя знаем, что во многих вузах учатся возрастные студенты. Исследование этого вопроса необходимо для создания информационных оснований с целью принятия своевременных управленческих решений, а также для изменения нормативно-правовой базы вузов, касающейся взаимодействия с возрастными студентами.

Отдельной исследовательской и управленческой задачей является разработка финансовой модели высшего образования для

представителей «возрастного» студенчества. Заметим только, что опыт западных стран показывает: такой вопрос вполне разрешим как при помощи средств самих возрастных студентов, так и путем перераспределения финансовых средств из социальной сферы. Возможно, определенная часть российских вузов будет «спасена» их переориентацией на новую образовательную общность студентов, формирование и развитие которой станет важной задачей образовательной политики и в экономической, и в социальной, и в культурной перспективе.

ГЛАВА 6

Темпоральные стратегии поведения социальных общностей

§ 6.1. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как предмет социологического анализа

В предшествующих главах неоднократно использовалось понятие темпоральных стратегий поведения различных социальных общностей. Настало время обратиться к его рассмотрению.

Мы исходим из понимания темпоральной стратегии поведения как разновидности жизненных стратегий, формируемых на индивидуальном и общностном уровнях. Жизненные стратегии, реализуемые различными социальными субъектами, – проблематика не новая для социологической науки. Однако в сложных и трансформирующихся социальных условиях она приобретает особую значимость, наполняется новым содержанием, что связано, прежде всего, с усилением ее практической ориентированности.

Понятие жизненной стратегии изначально разрабатывалось как атрибут жизнедеятельности личности и имеет социально-психологическое происхождение. Именно психологи первыми сформулировали концепт «стратегия жизни» (или близкие к нему «жизненный сценарий», «жизненная перспектива» и др.) и первыми же осуществили его эмпирические исследования (Б. Г. Ананьев¹, С. Г. Рубинштейн², К. А. Абульханова-Славская³, Е. И. Головаха⁴).

Изучение жизненных стратегий имеет в социологии не менее серьезную, чем в социальной психологии, теоретико-методологическую основу. Концептуальными источниками для разработки понятия «жизненные стратегии», которая начала осуществляться во второй половине XX в., послужили исследования

¹ Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л., 1968.

² Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб., 2000.

³ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.

⁴ Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб., 2000 ; Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев, 1998.

американским социологом У. Томасом и его польским коллегой Ф. Знанецким проблемы жизненных планов и жизненного пути польских мигрантов в США, жизненного мира в рамках феноменологической социологии, социальной активности, а также разнообразные поведенческие концепции и теории социального конфликта. Все они, так или иначе, касались вопроса формирования доминирующей (стратегической) линии действий, проблемы выбора, оценки возможностей и шансов, определения критериев оценки успешности выбранной линии поведения.

Концептуальную базу для исследования жизненных стратегий представляют разработки отечественных социологов, которые, начиная с 1960-х гг., занимались исследованием жизненных планов, жизненной программы, жизненной перспективы, жизненных траекторий, жизненных ориентаций и собственно жизненных стратегий личности, различных социальных общностей и групп населения. Все они проводились в рамках деятельностной методологии, не потерявшей свою актуальность и сегодня. Деятельностный подход представляет собой методологическую рамку, согласно которой различные формы деятельности социальной общности рассматриваются как основной способ проявления ее социальной сущности, общественного сознания, социальных качеств и особенностей.

Ключевыми для разработки проблематики жизненных стратегий на основе деятельностной методологии в отечественной социологии послужили труды В. А. Ядова¹ и К. А. Абульхановой-Славской² (работы последней носят не просто социально-психологический характер, но во многом социологичны). На их основе по сей день ведутся социологические (теоретические и эмпирические) исследования конкретных типов и видов жизненных стратегий³.

¹ Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / под ред. В. А. Ядова. М., 2013.

² Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.

³ Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). – М., 2014 ; Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – № 2 ; Стреб-

В социологии одна из первых трактовок понятия «жизненные стратегии» принадлежит Т. Е. Резник и Ю. М. Резнику¹. Стратегию жизни они предложили понимать как динамическую, саморегулирующуюся систему социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующую и направляющую ее поведение в течение длительного времени. Стратегия жизни, по их мнению, предполагает определение или принятие

ков Д. О. Факторы и типы сберегательных стратегий населения России во второй половине 1990-х годов : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003 ; Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. – 2010. – № 1 ; Константинова Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006 ; Долгов Ю. Н., Смотров Т. Н. Типология жизненных стратегий личности [Электронный ресурс] // Проблемы и перспективы педагогики и психологии. – URL: <http://sibac.info> ; Смирнов Е. М. Жизненные стратегии государственных служащих // Государственная служба. – 2002. – № 4 ; Сорокина Е. С. Жизненные стратегии молодой семьи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007 ; Сайфуллин Н. Ф. Адаптивные жизненные стратегии автономных социальных групп в кризисных условиях: к постановке задач [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keldysh.ru/papers/2007/prer83/prer2007_83.html ; Цветкова О. А. Работа и семья в жизненных стратегиях российских женщин: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Новочеркасск, 2011 ; Кондря Т. И. Влияние гендерной социализации на формирование жизненных стратегий женщин современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Иркутск, 2007 ; Васильева Е. О. Карьерный успех в жизненных стратегиях управленческого персонала современной организации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009 ; Преснякова Л. А. Кредиты для россиян: «догоняющая» или «опережающая» стратегия финансового поведения? // Социальная реальность. – 2006. – № 6 ; Дикий А. А. Стратегии долгового поведения населения в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2012.

¹ Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. – 1996. – № 6.

наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу¹.

С. Н. Иконникова рассматривает жизненные стратегии как жизненные планы на близкую и дальнюю перспективу развития личности, а также средства их реализации. В структуре жизненных стратегий она выделяет три компонента: 1) социальные ориентации (направленность на достижение желаемого социального поведения); 2) культурные ориентации (принятие определенных культурных образцов); 3) личные ориентации (индивидуально-личностные жизненные ситуации)².

Интересный подход к определению содержания стратегии жизни предложен М. Б. Мариновым. Он понимает под стратегией жизни личности рационализированную, ориентированную в пространстве и во времени, обращенную на перспективу систему взаимоотношений человека и общества, осуществляемую стратегически мыслящей личностью на основе управления ресурсами, исходя из самооценки жизни³. Исследователь считает, что стратегия жизни выражает целостность жизненного мира человека, его устремленность в будущее и способность к изменению собственной жизни в соответствии с вызовами и запросами этого будущего⁴.

Анализ социологической литературы показал, что исследование жизненной стратегии в социологии чаще всего осуществлялось на личностном уровне. Такой подход близок к социально-психологическому и позволяет определить особенности и закономерности формирования жизненных стратегий и рассмотреть их структурные компоненты. Часть социологов не просто продолжила эту научную традицию и сосредоточила свое внимание на жизненных стратегиях личности «по привычке». Эта

¹ Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненное ориентирование личности... С. 112.

² Иконникова С. Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. – Л., 1974.

³ Маринов М. Б. Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2008. – С. 17–18.

⁴ Там же. С. 14.

группа исследователей сознательно рассматривает личностный план формирования стратегии жизни как одно из важнейших направлений социологических исследований.

Наряду с личностно ориентированным подходом, в социологии четко определились особенности подхода к исследованию стратегий жизни и поведения на общественном уровне. Речь идет об организациях различных типов, социальных слоях, стратах, а также (что особенно важно для нас) – многочисленных социальных, в том числе социально-профессиональных, общностях.

Жизненная стратегия социальной общности, по нашему мнению, представляет собой главную линию ее поведения и жизнедеятельности, интегрирующую в себе жизненные планы и программы социальной общности для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для нее. Результатом реализации жизненной стратегии является создание такой жизненной ситуации (или преобразование существующей), которая позволяет достичь ее оптимального состояния.

Понятие жизненной стратегии относится к ряду темпоральных категорий, поскольку касается выстраивания жизненных планов во временной перспективе. Стратегии социальной общности во временном аспекте охватывают жизнь целого поколения, а иногда могут реализовываться в жизни даже нескольких поколений. Характерный пример – стратегии некоторых диаспоральных общин, этнических или поселенческих общностей, которые формируют надиндивидуальные цели (например, повышение социального статуса, обеспечение безопасности, воссоединение и пр.) и стремятся к их достижению на протяжении жизни ряда поколений. При этом установки на реализацию определенной жизненной стратегии сохраняются посредством создания и трансляции мифов, сверхидей, миссии и пр.

Таким образом, временное измерение жизненной стратегии включает представления о прошлом как фундаменте для выстраивания жизненной перспективы и образы будущего, которые определяют настоящее социальной общности, способы ее поведения и ценностные приоритеты в этом настоящем.

Временные характеристики жизненной стратегии – показатели ее конструктивности. Стратегическое поведение общности основано на определенных социальных ожиданиях и представ-

лениях о будущем. Сложность становления жизненных стратегий зависит от состояния среды. Стабильная среда, поддающаяся прогнозированию и проектированию, обеспечивает возможности формирования четкой, «до конца сформулированной», устойчивой стратегии жизни. Среда, характеризующаяся неопределенностью, динамизмом, заставляет регулярно корректировать стратегию, создает постоянные риски для ее реализации, вынуждая представителей социальной общности осуществлять выбор в сложных, изменяющихся условиях, зачастую интуитивно.

Нелинейная динамика времени создает дополнительное давление на стратегическое поведение общности. Она влияет на ее целостность, степень активности и последовательности действий, непротиворечивость и способы реализации ее жизненной стратегии. В этих условиях необходима постоянная корректировка стратегий социальной общности.

Жизненная стратегия реализуется посредством широкого спектра поведенческих стратегий, охватывающих основные сферы жизни социальной общности (работу, домохозяйство, быт, досуг, семью и пр.). Если жизненная стратегия характеризует сущностный уровень бытия социальной общности, то поведенческие стратегии связаны с тактическими действиями, реализующимися в ее повседневной жизни.

Поведенческая стратегия представляет собой устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели.

Стратегия поведения социальной общности может рассматриваться в качестве результата социальных интеракций как внутри общности, так и вне ее (с другими общностями). Выстраивание стратегии поведения – это своеобразная форма проектирования и реализации социальных взаимодействий между различными социальными субъектами.

Стратегии поведения общности основаны на совпадающих позициях, установках, нормах и ценностях, единых для ее представителей. Это своеобразные внутренние «скрепы», которые их связывают. Стратегии поведения можно рассматривать как «опознавательные», идентификационные знаки и символы общности. Они охватывают основные направления деятельности

общности и в определенном смысле выражают ее «миссию». Поскольку стратегии поведения формируются на уровне общности и транслируются в сознание ее представителей через сложную систему социальных регуляторов, они не всегда могут четко осознаваться их отдельными членами, несмотря на то что в реальном поведении люди придерживаются этих стратегических линий и установок¹.

Стратегии могут касаться как поведения в целом, так и отдельных его сторон. Некоторые виды стратегий связаны исключительно с узкой, разворачивающейся в определенных границах, сферой социальной жизни. Так, например, стратегии могут охватывать профессиональные установки и ценностно-нормативные характеристики деятельности, типы внутренних отношений между членами общностей. Важнейшими, «сквозными», интегрирующими являются темпоральные стратегии поведения. Они строятся вокруг отношения к социальному времени, его восприятия и проявляются во всех сферах жизнедеятельности общности, следовательно, во всех иных стратегиях ее поведения – трудовой, финансовой, адаптационной, образовательной, репродуктивной.

Все фундаментальные социологические и социально-психологические исследования жизненных и поведенческих стратегий включали в себя темпоральное измерение. Сошлемся на исследования К. А. Абульхановой-Славской², В. И. Ковалева³, Б. И. Цуканова⁴, Л. А. Паутовой⁵,

¹ См.: Кулыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – № 1.

² Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991; Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб., 2001.

³ Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личностный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии. – М., 1988.

⁴ Цуканов Б. И. Время в психике человека. – Одесса, 2000.

⁵ Паутова Л. А. Молодые «Люди XXI»: общие черты локомотивной группы и региональная специфика [Электронный ресурс]. – URL: <http://ppt4web.ru/okruzhajushhij-mir/molodye-ljudi-i.html>

А. Н. Кучеренко¹. Их результаты позволяют представить темпоральные стратегии поведения как сквозные, интегрирующие всю систему поведенческих стратегий социальной общности. Именно этот тип стратегии, определяющий характер и эффективность других поведенческих стратегий общности, попадает в фокус нашего исследовательского внимания.

Теоретико-методологическим основанием исследования темпоральных стратегий поведения, помимо обозначенных выше подходов к изучению жизненных стратегий социальной общности в целом, служат социологические теории и концепции, посвященные различным аспектам социального поведения и действия – их структуре, диспозиционным механизмам, последствиям.

В зарубежной и отечественной социологии сложились различные подходы к исследованию социального поведения, в том числе и в отношении его стратегической модели. Идейной основой поведенческих концепций стала теория социального действия М. Вебера. Практически все социологи последующих поколений апеллировали к ней как классическому образцу анализа и типологии социального поведения. В нашем исследовании темпоральных стратегий поведения мы обратимся к той части социологического наследия и современным теориям и концепциям, которые позволяют осмыслить временные аспекты поведения. При этом мы исходим из двух посылок: во-первых, рассматриваемые временные характеристики представляют собой факторы образования и дифференциации социальных общностей; во-вторых, они определяют стратегическую направленность поведения, маркируют границы, целевые ориентиры и конфигурацию действий представителей той или иной социальной общности.

Большое значение для разработки обозначенной проблемы, на наш взгляд, имеет неклассическая социология, в частности такие ее парадигмы, как символический интеракционизм, феноменология, теория социального обмена и социального конструирования. Все они, помимо философских оснований, имеют связи

¹ Кучеренко А. Н. Культура времени современного горожанина : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009.

с социальной психологией и из нее берут свои ключевые идеи и положения.

В рамках парадигмы символического интеракционизма инструментом исследования социальной реальности становится анализ и расшифровка символических структур, конструируемых людьми во взаимодействии. Социальное время, в силу своей физической невидимости и нематериальности, может быть отнесено к абстрактным объектам, и особым образом определяется акторами через систему символов и значений¹. Дж. Ритцер замечает: «...акторы символически могут выходить за пределы времени, пространства и даже собственной личности. С помощью использования символов они могут вообразить, что представляла собой жизнь в прошлом или какова она может оказаться в будущем»².

Используя методологию символического интеракционизма, темпоральные стратегии поведения можно рассматривать как результат и способ социального взаимодействия социальных субъектов на основе конструирования символов, их значений и смыслов, касающихся темпоральных аспектов социальных действий. Агенты формируют символическое содержание темпоральных характеристик взаимодействия. Его адекватная расшифровка или, напротив, непонимание определяют результаты и эффективность взаимодействия. Опоздание и пунктуальность, неспешность и своевременность, время визита, количество приглашений и напоминаний о них, желание выполнять работу или принимать пищу совместно не просто обозначают хронологические границы или точки социальных контактов и действий. Они являются свидетельством допустимого и недопустимого в отношении другого субъекта, проявления уважения к нему, признания его авторитета, ориентации на темпоральные особенности другого и значимость синхронизации собственной деятельности с его деятельностью.

Все эти темпоральные условия, взаимно определяемые субъектами взаимодействия, есть не что иное, «как приспособ-

¹ Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб., 2002. – С. 261.

² Там же. С. 262.

ление к другому в рамках социального процесса» (Дж. Мид)¹. Время ожидания приглашения на разговор или ответа на запрос, как правило, символизирует статус ожидающего (чем ниже социальный статус, тем дольше ожидание). Намеренное отдаление девушкой момента ее появления на свидании и покорное ожидание ее возлюбленного – не случайность, а устойчивый, повторяющийся элемент ритуала ухаживания, который постепенно исчезает из практики их взаимодействия по мере укрепления отношений.

Темпоральные стратегии поведения складываются в символических полях, формирующихся вокруг важнейших социальных структур и объектов. В своей работе «Социология: Биографический подход» П. и Б. Бергер показывают в качестве важнейших темпоральных объектов старость, смерть и болезнь, которые приобретают особые символы и смыслы в американском обществе². Различные социальные субъекты формируют свои темпоральные стратегии поведения в зависимости от понимания этих символов и отношения к ним. Так, большинство американцев придерживается стратегии избегания старости, смерти и болезни как в прямом, так и переносном смысле, стараясь продлить физическую, духовную, профессиональную активность, здоровье, социальную востребованность, а также ограничивая свои контакты с престарелыми, больными и умирающими людьми. Американское общество стремится создавать и поддерживать институциональные структуры и организации, деятельность которых связана с так называемым «пограничным» опытом – уходом за смертельно больными, умирающими, умершими. Данная практика объединяет людей в определенные социальные общности медиков, социальных работников, волонтеров, представителей религиозных общностей.

Наверное, не последнюю роль в этом играет и американская философия оптимизма, суть которой отражена в поговорке «Улыбайся или умри» («Smile or die»). Американский публицист

¹ См.: Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург, 2007. – С. 199.

² Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. – М., 2004. – С. 353–364.

Барбара Эрейнрейх, например, полагает, что у народа, у которого всегда «хороший день» («have a nice day» nation), есть своя темная сторона. За культ жизнерадостности американцы платят «пошлину» – от одиночества до финансового кризиса и политической апатии¹. Доминирующая философия оптимизма заставляет американцев изолировать негативные социальные практики, порождающие пессимизм.

Основатель феноменологии А. Шюц рассматривал переживание времени особым образом в качестве элемента когнитивного стиля, конституирующего тот или иной «жизненный мир»². В описании разных «жизненных миров» (повседневности, мира фантазии, игры, научной теории) он отмечал различия временной перспективы. Для повседневности это необратимое, стандартное, трудовое время. Для фантазии это может быть остановившееся и обратимое вспять время. Соответственно, пребывание в том или ином «жизненном мире» предполагает не только особое состояние сознания, ту или иную форму личностной вовлеченности в этот «мир», способы взаимодействия с другими, но и переживания особой формы времени и выстраивание в соответствии с ним всего социального опыта³, в том числе и темпоральных стратегий.

«Дом», по Шюцу, это сфера временной общности, понятие которой он определяет следующим образом: «Временная общность – здесь имеется в виду не только внешнее (хронологическое), но также и внутреннее время – означает, что каждый партнер соучаствует в непосредственно текущей жизни другого, что он может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство. Короче говоря, каждый из партнеров включается в биографию другого;

¹ Ehrenreich B. Smile Or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World. – L., 2010.

² История теоретической социологии : в 4 т. – Т. 3. – М., 1997. – С. 288.

³ Там же. С. 288–289.

они вместе взрослеют, старятся; они живут в чистом «мы-отношении»»¹.

Примером эмпирической реализации данного методологического видения темпорального самоопределения и самоощущения может служить работа Ю. М. Беспаловой, в которой целая глава отводится исследованию переживания социального времени и конституирования на этой основе «жизненного мира» и жизненных стратегий одной из сибирских семей².

Исходя из главной посылки парадигмы обмена – рассматривать стремление человека к обмену различными благами как фундаментальное основание его жизни³, мы можем интерпретировать темпоральные стратегии поведения как способ деятельности, осуществляемый через темпоральные механизмы и посредством обмена темпоральными благами. При этом время может быть основным ресурсом, который обменивается на иные блага и ценности, а может играть вспомогательную роль (например, отсроченный во времени обмен, обмен в долг), т. е. является одним из условий обмена.

Американские психологи Дж. Тибо и Х. Келли применили в анализе социального обмена понятия вознаграждения и издержек. Они полагали, что агенты взаимодействия получают дополнительные выгоды, если минимизируют свои издержки при обеспечении максимального вознаграждения другого человека⁴. Данное положение соответствует обмену с использованием темпоральных ресурсов, особенно если речь идет о современной социальной реальности, характеризующейся нарастанием нелинейности. Время как ресурс имеет свои особенности: его нельзя растянуть, накопить, но между тем время можно использовать нелинейно, осуществляя, например, несколько совместимых действий в единицу времени, реализуя тем самым несимметрич-

¹ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 133.

² Беспалова Ю. М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. – Тюмень, 2014. – С. 241–249.

³ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург, 2007. – С. 215.

⁴ Там же. С. 216.

ный обмен, минимизируя потери драгоценного ресурса при соблюдении всех условий обмена.

Цели использования времени в процессах социального обмена могут быть связаны со спецификой функционирования социального субъекта – приобретением материальных благ, денег, опыта, возможности достичь определенных моральных целей и состояний. К. Леви-Стросс придерживался той точки зрения, что обмен между людьми носит символический характер и порой имеет чисто моральный смысл (в отличие от Дж. Хоманса, который полагал, что в основе обмена лежат личные интересы человека). Так, например, выросшие дети вместо усиленной заботы о родителях могут «отплатить» им, посвятив себя воспитанию своих детей¹.

Основатель теории социального обмена Дж. Хоманс при разработке ее аксиом вводит в объяснительную схему, наряду с понятиями деятельности и взаимодействия, психические состояния и чувства². Он оперирует понятиями пресыщения, удовлетворенности и агрессии, которые возникают при обмене: первое чувство связано с привыканием к вознаграждению, которое получает индивид, второе чувство появляется в результате обмена с ожидаемым результатом (или с результатом, превышающим ожидания), третье чувство сопровождает асимметричный обмен³. Для исследования темпоральных стратегий поведения это положение является методологически важным, поскольку в их структуре мы можем выделить эмоциональный компонент и исследовать спектр и особенности социальных эмоций, связанных с темпоральными аспектами обмена.

При анализе темпоральных стратегий поведения с позиций парадигмы обмена возникает два вопроса: 1) чем детерминировано соотношение времени и тех ресурсов, на которые оно обменивается, какова при этом степень свободы субъектов взаимодействия; 2) можно ли перенести анализ темпоральных страте-

¹ История социологии в Западной Европе и США. – М., 2001. – С. 404.

² Зборовский Г. Е. Теоретическая социология... С. 217.

³ Фотев Г. Хоманс: теория социального обмена // Современная американская социология. – М., 1994. – С. 127–128.

гий поведения с микроуровня (повседневного межличностного взаимодействия) на мезо- и макроуровень (например, на уровень социальных структур, групп и общностей)?

Ответом на первый вопрос служит введение в теорию обмена идеи ценностно-нормативной регуляции, согласно которой содержание и форма социального обмена определяются нормативными ожиданиями и запросами тех социальных групп и общностей, чьи представители вступают в отношения обмена. Утвердительно ответить на второй вопрос позволяют работы последователя Дж. Хоманса Питера Блау. Американский исследователь показывает, что основные положения теории социального обмена «работают» в анализе поведения социальных групп и общностей, приобретая еще большую социологичность, чем у Дж. Хоманса¹. Такой же вывод содержится в работах других представителей парадигмы обмена – Р. Эмерсона² и К. Кук³.

Р. Эмерсон разрабатывает понятие сети обмена, подразумеваемая под ним взаимосвязанные и взаимообусловленные отношения. Взаимосвязь обменных отношений может быть положительной (когда один обменный процесс позитивно влияет на другой) или отрицательной (когда один обмен препятствует другому, делает его невыгодным)⁴. Экстраполируя этот тезис на темпоральные стратегии поведения, можно выявлять явные и латентные, положительные и негативные последствия темпорального обмена. Например, время, потраченное на получение образования как стратегически важного ресурса, может быть сопряжено с упущенной выгодой (получение дохода в обмен на то же самое время) или сокращением времени на отдых, общение с друзьями.

Таким образом, представители неклассической парадигмы, напрямую не исследовавшие темпоральные стратегии поведе-

¹ Зборовский Г. Е. Теоретическая социология... С. 220–221.

² Emerson R. Exchange Theory. Part I: A Psychological Basis for Social Exchange // Sociological Theories in Progress. Vol. 2. – Boston, 1972.

³ Cook K. S., Whitmeyer J. M. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // Annual Review of Sociology. – 1992. – № 18.

⁴ Ритцер Дж. Современные социологические теории... С. 337.

ния, затрагивали темпоральные аспекты поведения, реализуемого на микроуровне. В их поле зрения оказались смысловые структуры социального действия, которые определяют его направленность, эмоциональное переживание, связь с внутренним миром социальных субъектов. Темпоральные стратегии поведения, являясь разновидностью жизненных стратегий, на индивидуальном уровне формируются и реализуются в соответствии с закономерностями, выявленными Дж. Хомансом, А. Шюцем, П. Бергером и др.

Изучение эволюции социологических представлений о социальном поведении позволяет говорить о том, что их развитие двигалось в направлении от микроуровня к мезо- и макроуровню. Для нас важно было установить момент, когда возникает необходимость и возможность переноса микросоциологических идей, в том числе и в отношении темпоральных аспектов поведения, на уровень социальной общности. Он появляется в работах Дж. Хоманса и еще более заметно – в трудах поздних представителей теории социального обмена. В рамках интегративной парадигмы проблема противопоставления индивидуального поведения и поведения социальной общности снимается, что дает возможность экстраполяции теоретико-методологического опыта исследования структуры, источников, механизмов формирования темпоральных стратегий поведения с индивидуального плана на общностный.

Одна из интегративных теорий – теория структуриации Э. Гидденса позволяет рассмотреть темпоральные стратегии поведения как рекурсивные, т. е. регулярно повторяющиеся социальные практики, формирующие определенные социальные структуры и сознание людей¹. Подход Гидденса к анализу социального агента чрезвычайно продуктивен для рассмотрения социальных субъектов – носителей темпоральных стратегий поведения. В модели социального агента Гидденс выделяет три уровня: мотивацию действия, его рационализацию и рефлексивный мони-

¹ Рекурсивность – важное понятие теории структуриации, означающее возвратность, регулярную повторяемость социальных практик.

торинг действия¹. Принимая данную модель социального агента, мы можем выделять в темпоральных стратегиях поведения: 1) мотивационную составляющую, связанную с влиянием темпоральных установок, потребностей и ценностей²; 2) сознательное (рациональное), регулярное поддерживание условий и оснований для воспроизводства необходимых форм использования времени и разворачивания действий во времени; 3) оценку эффективности выбранной стратегии в целом и ее отдельных элементов для достижения индивидуальных целей, оценку ее соответствия темпоральным особенностям других субъектов (индивидов или групп), а также различных социальных структур.

К анализу темпоральных стратегий поведения и их роли в функционировании социальных общностей применимо понятие структуральных свойств – одного из центральных понятий в теории структуризации. Э. Гидденс отмечает: «...в контексте социального анализа структура существует в виде структурирующих свойств социальных систем, благодаря которым в них обеспечивается “связность” времени и пространства, свойств, способствующих воспроизводству более или менее одинаковых социальных практик во времени и пространстве, что придает им “систематическую” форму»³.

Темпоральные стратегии поведения, рассматриваемые как особые поведенческие системы, обладают определенными структуральными свойствами. Это свойства, или характеристики данной поведенческой системы, которые позволяют в ее границах воспроизводить определенные действия с временными ресурсами или определенные взаимодействия в их темпоральном аспекте, делать их «систематическими», устойчивыми. Гидденс отмечает, что глубоко укоренившиеся структуральные свойства (он называет их структуральными принципами) участвуют в

¹ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М., 2005. – С. 41–44.

² Амбарова П. А. Понятие и типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 1. – С. 125.

³ Гидденс Э. Указ. соч. С. 59.

воспроизводстве социальных общностей¹. Мы считаем это замечание важным, поскольку оно проясняет значимость специфических темпоральных структур и темпоральных поведенческих систем, обеспечивающих функционирование и сохранение социальных общностей.

Рекурсивность основных элементов темпоральных стратегий поведения (действий, взаимодействий, актуализации темпоральных потребностей и мотивов) позволяет сохранить и возобновить темпоральные условия осуществления основных видов деятельности, характерных для той или иной общности. Например, темпоральными основаниями и условиями предпринимательской деятельности являются постоянство практики стратегического планирования, прогнозирования будущего, предполагающие постоянный «бег с опережением» настоящего времени. Названные элементы темпоральной стратегии поведения, постоянно повторяющиеся, структурируют в целом деятельность, образ жизни и мышления предпринимателей и бизнесменов как особой социально-профессиональной общности, создают определенные нормативные рамки их существования, являются неперемными условиями достижения разделяемых представителями данной общности ценностей успеха, инновационности, современности, устремленности в будущее.

Необходимо заметить, что структура темпоральных стратегий поведения социальных общностей видится нам в двух планах: субъективном и объективном. С одной стороны, поведенческие стратегии формируются на основе диспозиционных механизмов, имеющих субъективную природу. С другой стороны, они проявляются в объективных формах (действиях, образе жизни), репрезентирующих их внутреннее субъективное содержание. В стремлении объединить эти два плана в методологии исследования темпоральных стратегий поведения мы опираемся на теорию, появившуюся в истории социологии как раз на стыке объективизма и субъективизма и имеющую интегративный характер. Речь идет о теории социального пространства П. Бурдьё.

Бурдьё структурирует социальную реальность дважды: первый раз, когда выстраивает ее через объективные социальные

¹ Гидденс Э. Указ. соч. С. 60.

отношения, опредмеченные в распределениях ресурсов; второй раз – через субъективные представления агентов об этих отношениях¹. С учетом этого подхода сущность времени как феномена социальной реальности может быть раскрыта во взаимосвязи объективного и субъективного. Тот же принцип лежит в основе понимания влияния времени на эмоциональное состояние, социальное самочувствие и поведение людей.

Безусловно, теория социального пространства Бурдьё прямо не включает в себя рассмотрение темпоральных структур и факторов, однако общая логика построения объяснительной схемы показывает возможность такого анализа. Да и сама научная биография ученого свидетельствует о его интересе к проблемам социального времени, реализованном в исследовании структур восприятия и ощущения времени алжирских крестьян, эмигрировавших во Францию², и антропологическом исследовании организации пространственно-временных структур кабилльского дома³.

Мы полагаем, что, исходя из концепции Бурдьё, можно говорить о неразрывности социального пространства и социального времени. В контексте его теории время можно рассматривать как особый вид ресурса, как важнейший элемент социального капитала той или иной социальной общности. Наряду с другими видами капитала и их элементами социальное время структурирует социальное пространство через распределение его между социальными агентами. При этом темпоральные стратегии поведения, формируемые социальными общностями, представляют собой способ освоения данного социального ресурса и способ формирования социальных полей. Именно через принадлежность социального времени социальным общностям и распределение его как элемента социального капитала, между ними формируются поля науки, политики, экономики, религии. О поле науки Бурдьё пишет так: «Одним из факторов, определяющих самые явные социальные различия в научных карьерах... явля-

¹ Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб., 2001. – С. 33.

² Там же. С. 20–21.

³ Там же. С. 21.

ется дар предвосхищения тенденций, который, как замечают, всюду тесно связан с высоким социальным происхождением и хорошим образованием и который позволяет завладеть в нужный момент выгодными темами, хорошими местами публикаций... и т. д. Это чувство игры есть в первую очередь чувство истории игры и чувство будущего игры»¹.

Рассуждая о научном капитале, французский социолог говорит о двух его разновидностях, имеющих разные темпоральные характеристики. Первая разновидность – «чистый» научный капитал, приобретаемый вкладом в прогресс науки, накапливаемый медленно в ходе обучения, научных исследований и сотрудничества². Вторая разновидность – «институциональный» научный капитал, образуемый посредством стратегий, общей характеристикой которых является расход времени на участие в различных научных мероприятиях и учреждениях. Как разновидность бюрократического институционального научного капитала накапливается и транслируется достаточно быстро³. Таким образом, обладание различными видами научного капитала (или обладание обоими видами научного капитала в той или иной пропорции) продуцирует различные темпоральные стратегии поведения внутри научного сообщества.

Другие причины различий между формируемыми и реализуемыми темпоральными стратегиями поведения внутри социальной общности позволяет раскрыть понятие габитуса, трактуемое как интериоризованные диспозиции и складывающиеся на этой основе постоянные, устойчивые во времени способы поведения. По мнению Бурдьё, агенты развивают свои стратегии в пределах имеющихся у них диспозиций. Те агенты, чьи диспозиции сформировались вне рассматриваемого поля, «рискуют всегда отставать, быть оттесненными или неуместными, чувствовать себя не в своей тарелке, оказаться не с той стороны и не в то время, со всеми вытекающими отсюда последствиями»⁴.

¹ Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб., 2001. – С. 57.

² Там же. С. 66.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 58.

Основные категории и принципы социализации Бурдье позволяют реализовать особый подход в исследовании темпоральных стратегий поведения, согласно которому: 1) темпоральные стратегии поведения выступают специфическим видом социальных практик, связывающих социальное время и социальное пространство и репрезентирующих эту взаимосвязанность в объективных поведенческих актах и субъективных установках их носителей; 2) основным субъектом темпоральных стратегий поведения становятся социальные общности, деятельность которых разворачивается в социальных полях и предполагает использование ресурсов социального времени как инструмента властного доминирования, конструирования силовой напряженности поля; 3) различия между темпоральными стратегиями поведения детерминированы различиями позиций, которые занимают социальные общности внутри конкретного социального поля или которые определяются отношениями конкурирующих полей в социальном пространстве.

Для понимания процессов формирования и распространения различных типов темпоральных стратегий поведения социальных общностей значимы некоторые положения теории культурной травмы П. Штомпки, сложившейся в рамках интегративной парадигмы. С помощью этой теории мы можем выдвинуть и обосновать гипотезу о немногочисленности носителей конструктивных, инновационных темпоральных стратегий поведения. На наш взгляд, такая ситуация характерна для всех обществ (в том числе и для современного российского общества), остро испытывающих (или испытывавших) негативные последствия травмирующих культурных и социальных изменений.

По мнению Штомпки, большая часть общества или социальной общности, испытавшая культурную травму, формирует и реализует пассивные стратегии поведения. Это своеобразная форма адаптации к травмирующим событиям. При этом социальные изменения интерпретируются как травмирующие в зависимости от «значений, закодированных в культуре конкретной общности (общества)»¹. Травмирующее воздействие могут ока-

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 9.

зывать различные типы социокультурных изменений: перемещение в иную культурную среду, обновление образа жизни под влиянием новых технологий, смена политического режима. Травмой польский исследователь считает также асинхронность развития различных сегментов культуры, которая переживается людьми как проблема, болезнь¹.

Пассивные, неконструктивные стратегии поведения, в том числе, как мы полагаем, и темпоральные стратегии поведения, возникают не во всех социальных общностях, а только в тех, которые особенно болезненно восприимчивы к культурным изменениям или не имеют ресурсов адаптации к ним. В связи с этим можно привести слова Штомпки: «Не все группы общества равно восприимчивы к культурным травмам и способны выражать это. Скорее, у каждой травмы есть центральные группы, глубоко переживающие и воспринимающие ее, и периферийные группы, для которых она – несущественна, маргинальна. У разных групп дифференцирован и доступ к фонду культурных моделей интерпретации, используемому для описания событий как травм. Влияние одних и тех же потенциально травматических событий (ситуаций) может быть качественно противоположным для различных групп. Для одних оно деструктивно, разрушительно, для вторых полезно и желанно, третьи его игнорируют»².

Представители рассмотренных теорий и концепций, несмотря на разность трактовок, все же достаточно традиционно характеризуют поведенческие структуры, определяемые фактором времени. Современная же социальная реальность приобретает новые черты и качества, особенно заметным из которых становится нелинейность. Темпоральные стратегии поведения в условиях нелинейной социальной реальности и нелинейного социального времени требуют иных теоретико-методологических оснований.

Идея нелинейности и множественности как фундаментальных характеристик всего сущего лежит в основе синергетики, интегративный потенциал которой (в плане сближения естественно-научного и социогуманитарного знания, а также систем-

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма... С. 13.

² Там же. С. 13–14.

ного и поведенческого подходов в социологии) отмечают практически все ее сторонники¹. Кроме того, синергетика дает интеллектуальные ресурсы для социального управления, поскольку по праву может быть названа философией надежды, «ибо ее задача – не предсказывать бесконечные кризисы, которые пройдут, а указывать конструктивные способы, как их избежать»². Эти причины в совокупности с повышенным вниманием синергетики к темпоральным аспектам сложных систем дают возможность применения синергетической методологии в исследованиях темпоральных стратегий поведения социальных общностей, их новых типов и конфигураций.

Новые темпоральные стратегии поведения, соответствующие особенностям нелинейного общества, характеризуются тем, что в них содержится не одна линия поведения, а совокупность линий поведения, зачастую имеющих разнонаправленный характер. Эти линии поведения соответственно формируются и поддерживаются различными структурами индивидуального и общественного сознания. Особенностью темпорального поведения становится гибкое и быстрое переключение между этими линиями.

Многообразие вызовов внешней социальной реальности соответствует многообразию диспозиционных комплексов (целей, установок, интересов), лежащих в основе способов освоения социального времени социальными субъектами. Например, в деловой жизни реализуется один комплекс установок на темпоральное поведение, связанный с высокими скоростями, ориентацией на будущее, опережение, тогда как в семейной жизни – другой, связанный с неспешностью, традициями, устойчивостью к изменениям.

¹ Ахиезер А. С., Гольц Г. П. Критические пороги социальных систем // *Общественные науки и современность*. – 1992. – № 1 ; Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев, 2002 ; Добронравова И., Финкель Л. Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2005. – № 1.

² Гребенюк Е. Н. Синергетический подход в гуманитарном исследовании. – Астрахань, 2011. – С. 8.

Отличительной чертой темпоральных стратегий ряда социальных общностей становится принципиальная установка на постоянное обновление траекторий поведения, способствующих решению тех или иных жизненных и профессиональных проблем, достижению целей. В отношении использования временных ресурсов это проявляется в поиске новых способов их оптимизации, конвертации в другие виды ресурсов, иных форм временной организации жизни в различных сферах – в быту, на работе, в сфере досуга.

Кроме того, обозначенная установка способствует развитию новых темпоральных навыков, например гибкого и быстрого переключения с одного вида деятельности на другой, удержания в поле зрения сразу нескольких объектов или процессов, умения видеть развитие этих процессов и объектов во времени и управлять им. Эта установка, реализующаяся в поиске принципиально нового темпорального порядка и организации с учетом особенностей динамики социального времени современного общества, соответствует такому принципу функционирования нелинейных систем, как непредсказуемость развития и невозможность воспроизвести поведение в соответствии с начальными условиями и параметрами.

Нелинейная динамика социального времени позволяет произвольно «играть» этим фактором – сжимать и растягивать его, ускорять и замедлять, дробить его или формировать единый временной континуум, синхронизировать или десинхронизировать, делать более напряженным. При этом линейность и нелинейность не исключают, а дополняют друг друга. Линейно организованное социальное время может быть одной из линий или траекторий темпоральной стратегии поведения, не доминирующей и единственной, а одной из нескольких возможных.

В соответствии с вышеобозначенными принципами методологии нелинейного анализа темпоральные стратегии поведения социальных общностей можно рассматривать как способ перевода социального объекта (системы, ситуации, индивида, группы и т. д.) с одной траектории развития на другую за счет изменения свойств социального времени методом «иглоукалывания реальности» (выражение С. Курдюмова). Этот метод, описываемый известной метафорой «эффект бабочки», предполагает вы-

страивание такой линии поведения, когда манипулирование временем происходит в точно определенные моменты и с четко рассчитанной силой, способной произвести нужные изменения в социальном субъекте или его окружении и закрепить ситуацию или систему в подходящем аттракторе.

Формирование темпоральной стратегии поведения социальной общности детерминировано целой системой социокультурных, экономических, политических и иных факторов. Методология социокультурного анализа предполагает рассмотрение влияния на темпоральные стратегии поведения социальной общности такого фактора, как культура времени. О культуре времени можно говорить как о сложном, многоуровневом, многоструктурном и многофункциональном образовании. Она складывается на уровне общества (в этом смысле мы можем говорить о культуре времени россиян, немцев, американцев), социальной общности и на индивидуальном уровне (культура времени личности).

На формирование и реализацию темпоральной стратегии поведения влияет культура времени, складывающаяся у представителей социальной общности. Культура времени (темпоральная культура) не сводима только к способам рационального использования времени, приводящим к его экономии. Хотя именно такое понимание культуры времени характерно для экономического подхода¹. Социальное время имеет не только количественные, но и качественные параметры, соответственно, и культура времени определяется через качество временных отношений и связей между субъектом времени и его окружением.

Такое понимание культуры времени отражено в работе А. Н. Кучеренко, трактующего ее как систему способов и образцов использования и распоряжения временем в соответствии с ценностными установками личности и ориентацией на определенный модус времени, влияющую на выстраивание жизненной стратегии². В целом мы согласны с таким определением, по-

¹ Полещук В. И. Фактор времени в эколого-экономических системах // Культура и время. Время в культуре. Культура времени. – Шахты, 2007. – С. 179.

² Кучеренко А. Е. Культура времени современного горожанина : автореф. ... дис. канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – С. 11.

скольку также считаем, что культура времени социальной общности – это качественная характеристика способа темпоральной организации жизнедеятельности социальной общности, раскрывающаяся в темпоральном поведении ее представителей, темпоральных отношениях и связях, формирующихся как внутри, так и вне общности.

Структура культуры времени социальной общности включает в себя такие компоненты, как когнитивные (знания о природе социального времени, его роли в жизни социальных субъектов, динамике социального времени и усилении ее влияния на жизнедеятельность и взаимодействие социальных субъектов), аксиологические (темпоральные ценности и ориентации, в том числе на модус времени) и поведенческие (темпоральные умения и навыки, в том числе способы организации, использования времени, навыки темпоральной синхронизации с внешним окружением).

В культуре времени каждой социальной общности есть как универсальные черты и элементы (производные от национальной картины социального времени), так и специфические, обусловленные особенностями деятельности и образа жизни данной социальной общности. Так, специфической темпоральной ценностью для большинства работающих горожан является пунктуальность и соответствующие ей навыки регулирования скорости передвижения по городу, соблюдения расписания¹. То, что сельскому жителю кажется излишней спешкой и суетливостью, для жителя мегаполиса становится привычной нормой повседневного поведения.

Культура времени, рассматриваемая как элемент общей культуры социальной общности, служит показателем качества жизни, деятельности, развития ее представителей. Для бизнес-сообщества темпоральные ценности, объективированные во времени бизнес-проектов, сочетаются с тщательно выверенными, отработанными технологиями тайм-менеджмента. Эффективность планируемых и реализованных проектов зачастую измеряется временем, затраченным и сэкономленным на них. Следовательно, культура времени менеджера становится способом

¹ Кучеренко А. Н. Культура времени современного горожанина ... С. 4.

измерения его квалификации и личной эффективности. Не менее значима роль культуры времени в деятельности представителей структур государственного управления и власти. По мнению исследователей, любая администрация или бюрократическая организация, «которая не включает в себя временной контекст, будет неправильно описывать бюрократическую специфику, которую она должна отразить или проверить»¹.

Связь между жизнедеятельностью социальной общности и темпоральными стратегиями поведения ее представителей опосредована культурой времени этой общности. Благодаря своей регулятивной роли она выступает фактором, определяющим выбор темпоральных ценностей и представлений, лежит в основе культивирования способов распределения времени как ресурса повседневной жизни и биографической перспективы.

Введение в социологический оборот понятия «темпоральные стратегии поведения» продиктовано необходимостью разработки объяснительных схем тех новых социальных явлений и состояний, которые метафорично были названы З. Бауманом «текучей современностью»², а Дж. Урри – «мобильным обществом»³.

Проведенный анализ теоретико-методологических подходов к исследованию темпорального поведения социальных общностей показывает необходимость разработки и введения в социологический оборот понятия темпоральной стратегии поведения. По нашему мнению, темпоральная стратегия поведения социальной общности представляет собой систему ее жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени для достижения конкретных жизненных целей.

Темпоральные стратегии поведения выступают в качестве разновидности жизненных стратегий, формируемых на индивидуальном и общественном уровнях. Фактор времени играет большую роль в индивидуальной жизни, но особое значение он при-

обретает в жизни социальных общностей. В функциональном плане мы рассматриваем темпоральные стратегии поведения как способ реагирования социальных общностей на социальную турбулентность, вызванную динамикой социального времени. Темпоральные стратегии поведения не просто характеризуют стиль и образ жизни социальных общностей, степень их адаптированности и успешности в современных условиях. Они задают вектор и скорость их развития, служат маркером специфики социальных общностей, механизмом их образования и внутренней интеграции.

С научных позиций и с практической точки зрения понятие темпоральной стратегии поведения социальной общности служит инструментом адекватного исследования и оценки новых темпоральных феноменов, проявляющихся в сознании и поведении различных социальных субъектов. Разработка понятия и типологии темпоральных стратегий поведения позволяет соединить уровни «большой теории» социального времени и эмпирического исследования темпоральной реальности, конструируемой поведением и деятельностью конкретных социальных субъектов. Их изучение дает возможность создать научную основу для разработки социальных проектов и программ по формированию устойчивых и конструктивных темпоральных поведенческих стратегий различных социальных общностей.

Обозначенные в этом параграфе научные подходы и принципы задают направление дальнейшему теоретическому и эмпирическому исследованию темпоральных стратегий поведения многообразных социальных общностей. Отдельной проработки требует определение эмпирических показателей той или иной темпоральной стратегии поведения и изучение тех социальных общностей, которые ее продуцируют и транслируют в социальной среде.

¹ Культура времени // Человек и общество: Культурология. Словарь-справочник. – Ростов н/Д, 1996.

² Бауман З. Текучая современность. – СПб., 2008.

³ Урри Дж. Мобильности. – М., 2012.

§ 6.2. Особенности темпоральных стратегий поведения возрастных общностей

В этом параграфе мы представим опыт изучения темпоральных стратегий поведения старших возрастных общностей.

Стратегии «преодоления возраста»

По нашему мнению, практически любая возрастная общность характеризуется своим набором темпоральных противоречий и стратегий их преодоления. Если ранее социологи и психологи больше обращали внимание на стратегии взросления или инфантилизм в молодежной общности, то сегодня фокус внимания перемещается на старшие возрастные общности и исследование вырабатываемых ими способов снятия «давления» времени – как биологического, так и психологического и социального.

Далее мы остановимся на рассмотрении старших возрастных общностей, поведенческие стратегии которых попадают в фокус внимания в силу гуманизации межпоколенческих отношений и преодоления возрастной дискриминации, а также необходимости использования человеческого капитала возрастных общностей для решения многих социальных проблем.

Поскольку мы говорим о биологическом возрасте как важнейшем источнике «темпорального напряжения», то необходимо назвать основные его характеристики, присущие старшим возрастным общностям в современном обществе. Прежде всего, речь идет об увеличении продолжительности жизни. Биологическое время человека увеличивается, соответственно, на более поздний период жизни отодвигаются и процессы старения.

Биологи и медики утверждают, что современный человек обладает большим жизненным временем, чем представители предыдущих поколений, и умирает не от старости, а от сопутствующих заболеваний. Известный американский исследователь проблемы старения С. Ольшанский пишет, что оптимизм в отношении продления жизни (а может быть, и достижения бессмертия) человека подкрепляется осознанием того, что некоторые люди сохраняют свое физическое и психическое долголетие в течение более чем столетия. Значит, заключает он, гены, связанные с продлением здоровой жизни, уже существуют в геноме

человека¹. По прогнозам этого ученого, продолжительность жизни человека к 2050 г. увеличится на 7,9 лет².

Другая характеристика биологического времени старших возрастных общностей – это отягощение его различными заболеваниями и тенденция к снижению «возраста» некоторых из них. Связана эта тенденция с повреждением генетических структур химическими веществами, накоплением отрицательной генетической информации в клетках людей, постоянно проживающих в регионах с неблагоприятной экологической обстановкой, в сложных климатических условиях, регулярно испытывающих невротические стрессы. Таким образом, на фоне формирования способности к долгожительству наблюдается тенденция ускоренного старения у определенных групп населения (например, у жителей северных регионов, учителей, ветеранов войн)³.

Некоторые другие характеристики биологического возраста старших возрастных общностей (сохранение способности к репродукции, интеллектуального здоровья, активности и др.) определяются как природными (эволюционными), так и социальными факторами (повышением качества жизни, уровня медицины). Возможно, наблюдение описанных тенденций изменения биологического времени наряду с культом молодости, присущим современному обществу, вселило в человечество надежду на «преодоление возраста» и стимулировало поиск различных способов достижения этой цели.

Стратегии «преодоления возраста» условно можно разделить на две группы: 1) основанные на использовании медицинских технологий (так называемая антиэйджинговая, или анти-

¹ Olshansky S., Perry D., Miller R., Butler R. Pursuing the Longevity Dividend. Scientific Goals for an Aging World // Ann. N.Y. Acad. Sci. – 2007. – № 1114. – Pp. 11–13. doi: 10.1196/annals.1396.050

² Olshansky S., Goldman D., Zheng Y., Rowe J., Milbank Q. Aging in America in the twenty-first century: demographic forecasts from the on an Aging Society // The milbank quarterly a multidisciplinary Journal of population health and health policy. – 2009. – № 87 (4). – Pp. 842–862.

³ Плакуев А. Н., Юрьева М. Ю., Юрьев Ю. Ю. Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека // Экология человека. – 2011. – № 4. – С. 17–25.

возрастная, медицина) и 2) основанные на самосохранительных практиках.

Современные маркетинговые исследования рынка антивозрастной медицины в России и за рубежом отчетливо показывают возрастание год от года потребительской активности пациентов специализированных медицинских учреждений, реализующих антиэйджинговые программы. По данным исследований ИНБИОМ, ежегодно число посетителей выставок и конференций по этой тематике увеличивается в России на 30 %¹. При этом маркетинговые исследования показывают высокую степень дифференциации потребителей антиэйджинговых услуг. Ими являются люди разных возрастов – и молодые, и зрелые, и пожилые, с различными заболеваниями и здоровьем². Потребители услуг антивозрастных клиник обладают доходами как минимум выше среднего уровня, так как стоимость антивозрастных процедур высока (даже если это просто БАДы или относительно недорогие косметологические процедуры).

Современная антивозрастная медицина предлагает клеточные технологии омоложения (с использованием стволовых клеток), нано- и биотехнологии, технологии модификации образа жизни, эстетическую хирургию. В то же время исследователи отмечают, что в современной системе российского здравоохранения отсутствует целостная система персонифицированной помощи, цель которой – прогнозирование, профилактика и превентивное решение комплексных проблем, связанных с возрастом³. Это означает, что российское здравоохранение и система управления им пока не идентифицируют проблемы старших возрастных общностей как объект систематической, комплексной медицинской помощи и не ставят своей задачей создание и разви-

¹ ИНБИОМ – Проводник Anti-Aging технологий в Россию [Электронный ресурс]. – URL: <http://agarpak.ru/docs/specialists.html> (дата обращения: 26.12.2015).

² Жабоева С. Л., Полев А. В., Прощаев К. И., Ильницкий А. Н. Подходы к введению новых услуг в области антивозрастной медицины // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 7. – С. 951.

³ Фефилова И. Б. Антивозрастная медицина. Современная энциклопедия. – М. : Эксмо, 2015.

тие такого ее направления. Следовательно, стратегия «преодоления возраста» с помощью антивозрастной медицины складывается стихийно, путем проб и ошибок, сопряжена с большими рисками для здоровья и жизни и размытостью критериев оценки эффективности антиэйджинговых методов.

Вторая стратегия «преодоления возраста» предполагает обращение к самосохранительным практикам без использования медицинских технологий. Основой таких практик становятся здоровый образ жизни, соответствующий возрасту (включающий малокалорийную диету, физические нагрузки, полноценную сексуальную жизнь и др.), и позитивное восприятие своего биологического возраста. Названная стратегия нацелена на адаптацию к возрасту и гармоничное согласование биологических возможностей организма и психологической и социальной возрастных идентичностей. «Возраст – это то, что мы можем себе позволить» – таков девиз носителей описываемой стратегии поведения.

Отражением реализации названной стратегии в Европе и США является распространение «моды на возраст» в модельном бизнесе. В нем особое место занимают фотомодели, которым «слегка за 80» и которые никогда не обращались к пластическим хирургам и при этом проповедуют «стильную» и «элегантную» старость¹. Некоторые модельные агентства объявили о «смерти возраста» в современном западном обществе и выделили среди своих моделей группу «без возраста» (youth mode). Появление «возрастного» модельного бизнеса можно рассматривать как своеобразную реакцию на потребность старших возрастных общностей в образцах поведения по преодолению дисхроноза.

Для российского общества такое проявление стратегии «преодоления возраста» нехарактерно: практически отсутствуют

¹ Адаптация к возрасту зрелости. Как появилась мода на возраст: самые красивые женщины старше 60-ти [Электронный ресурс]. – URL: http://solarisan.ucoz.ru/publ/adaptacija_k_vozrastu_zrelosti_kak_pojavilas_moda_na_vozrast_samye_krasivye_zhenshhiny_starshe_60_ti/1-1-0-1294 (дата обращения: 04.02.2016) ; Личная страница Бадди Винкл в Инстаграм [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.instagram.com/baddiewinkle/> (дата обращения: 01.02.2016).

возрастные модели, не развита индустрия моды для «третьего возраста». Тем не менее представители старших возрастных общностей среди россиян формируют собственные поведенческие паттерны, характерные для описываемой темпоральной стратегии. Среди них: обращение к различным видам физической культуры (фитнес «после 60», йога для пожилых, гимнастика цигун и тайцзицюань и др.); общение на сайтах знакомств и специальных соцсетях для пожилых людей; волонтерство «серебрянного возраста»¹; различные образовательные и досуговые практики.

Формы реализации различных типов стратегий «преодоления возраста» детерминированы целым комплексом факторов, среди которых не последнюю роль играют стереотипы восприятия возрастных общностей и «социальные часы», отражающие представления о взаимосвязи биологического и социального возраста человека. Не менее значима роль представлений о праве человека на возраст, т. е. его возможностях управлять своим биологическим, психологическим и социальным временем, праве на выбор разных способов сглаживания дисхроноза. Исследование содержания, специфики, факторов формирования стратегий преодоления дисхроноза различными возрастными общностями, отношения к этим поведенческим темпоральным стратегиям со стороны общества в целом и конкретных возрастных групп представляется важным направлением современной отечественной социологии.

Стратегия пожилого родительства

Одним из способов преодоления темпоральных противоречий в старшем возрасте выступает стратегия пожилого родительства. «Социальные часы» в традиционном обществе и обществе модерна достаточно жестко предписывают возраст рождения детей – первого, последующего, последнего. Известно, что в некоторых восточных и северокавказских регионах брачный возраст для женщины наступает в 13–15 лет и примерно в это же

¹ О волонтерах «серебрянного возраста» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.volunteersochi.ru/volontery-serebryanyu-vozrast.html> (дата обращения: 23.04.2013).

время – возраст рождения ее первого ребенка. Известно также, что в советском обществе нормативным считалось рождение первого ребенка в 22–25 лет. Рождение первенца после этого возраста делало родителей старородящими, оттягивание деторождения вызывало общественное неодобрение.

В современном обществе (назовем ли мы его постиндустриальным или переходным к постиндустриальной стадии развития) временные предписания в отношении рождения детей становятся все более размытыми, неопределенными с точки зрения как нижней, так и верхней границы. Раннее материнство и феномен отложенного или позднего деторождения все чаще становятся предметом изучения в психологии и социологии.

На наш взгляд, современное общество, предоставляющее возможности свободного конструирования жизненной траектории, становится все более толерантным к рождению детей как в очень юном, так и в очень зрелом возрасте. Однако если в юном возрасте рождение ребенка, как правило, является случайным, незапланированным, то деторождение в зрелом и позднем возрасте – это осознанный шаг, основанный на определенных социальных установках и мотивах. Именно последний феномен является объектом нашего исследования, а поведенческая стратегия пожилых родителей – его предметом.

Предваряя изложение результатов анализа введением, мы хотели бы подчеркнуть, что позднее деторождение в социальном плане есть особая стратегия преодоления возраста. Возможности ее реализации обеспечены, с одной стороны, терпимым отношением к размытости темпоральной нормы рождения детей, с другой – развитием медицинских технологий. Далее мы раскроем социальные характеристики родителей «серебрянного возраста» и дадим обоснование выбора ими позднего деторождения как стратегии преодоления возраста.

В позднем деторождении мы различаем две разновидности – рождение детей в зрелом и пожилом возрасте. Разведение этих двух типов репродуктивного поведения имеет существенное значение. Первый тип постепенно стал массовым явлением, осо-

бенно в западноевропейских странах, отчасти – и в России¹. Второй тип не является столь распространенной практикой, но все чаще становится предметом обсуждения. Если не затрагивать такие предпосылки отложенного деторождения, как развитие медицины и повышение качества жизни, то, без сомнения, одной из основных причин рождения детей в зрелом возрасте является стремление родителей ребенка обеспечить себе, прежде всего, материальную независимость и возможности самореализации. В основе рождения детей в пожилом возрасте (мы не принимаем во внимание уникальные случаи незапланированной беременности) лежит, на наш взгляд, решение стратегически важной жизненной задачи – преодоление возраста и тех темпоральных противоречий, которые с ним связаны.

Понятие преодоления возраста было введено в научный оборот антропологами², но в силу своей продуктивности быстро распространилось на другие социальные науки, в том числе социологию. Преодоление возраста в социологическом понимании означает формирование поведенческой стратегии, которая позволяет снимать барьеры, вызванные темпоральными противоречиями возрастной общности.

Как уже отмечалось, в отношении каждого возраста действуют специфические социальные предписания, которые, в совокупности с биологическими факторами, ограничивают жизненную активность и жизненные возможности человека. Они могут быть определены понятием жизненных трудностей в том случае, если становятся препятствием на пути к достижению цели и требуют напряжения и усилий для их преодоления. В современном обществе действует множество социальных и культурных факторов, стимулирующих поиск (как на индивидуальном, так и на общественном уровне) способов преодоления этих темпоральных противоречий.

¹ Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10, № 3. – С. 325.

² Бочаров В. В. Антропология возраста. – СПб. : СПбГУ, 2001. – 196 с.

Нами разработан и апробирован особый подход к исследованию феномена позднего деторождения. Мы исходили из предположения о том, что исследуемая стратегия преодоления возраста отражает жизненные стратегии представителей творческой элиты (известных актеров, певцов, шоуменов, «звездных» семей), частная жизнь которой, как правило, недоступна исследователям, но открывается публичному пространству через интервью, фильмы, дневниковые записи и блоги, т. е. сферу журналистского дискурса. Через эти каналы может быть презентирована и стратегия преодоления возраста представителей названной социальной общности, решивших родить позднего ребенка. Наше исследование доказало эффективность такой методики применительно к любому эмпирическому материалу, представленному в СМИ, и это касается не только «звездных» родителей, но и прочих обнаруженных случаев пожилого родительства.

По данной методике нами было исследовано 10 случаев, анализ которых позволил сделать некоторые выводы. Далее представим краткое описание 5 случаев из 10.

1-й случай. «Звездные двойняшки» Аллы Пугачевой и Максима Галкина

18 сентября 2013 г. у «звездной» пары А. Пугачевой и М. Галкина родились двойняшки – мальчик и девочка. На момент рождения матери исполнилось 64 года, отцу – 37 лет. Семейно-брачный статус родителей: состоят в гражданском браке с 2005 г., в официально оформленном браке – с 2011-го. Оба родителя являются представителями шоу-бизнеса. Рождение детей имело запланированный характер. По словам матери, за 12 лет до рождения детей она сохранила свой биологический материал, которым смогла воспользоваться. Таким образом, принятие решения о рождении детей носило вполне осознанное, тщательно спланированное характер, особенно со стороны матери.

О том, что рождение детей для одного из родителей – матери – стало элементом стратегии преодоления возраста, свидетельствует следующий отрывок из интервью: *«Сейчас купаюсь в этой теплой, младенческой энергии. Они дают мне силы держаться на плаву. Хочу дожить до того, как им будет 13 лет, и*

*выйти с ними в свет*¹. Отметим, что для певицы характерны и другие элементы стратегии преодоления возраста – поздний уход со сцены (из активной профессиональной деятельности), применение множества пластических операций, постоянные попытки держать себя в хорошей, привлекательной физической форме с помощью диет, стремление окружать себя молодыми поклонниками и учениками. По-видимому, рождение детей стало еще одним способом преодоления возрастных барьеров.

Контент комментариев к материалам, выложенным в Интернете по данному сюжету, свидетельствует о неоднозначности общественного мнения по поводу рождения детей Галкина и Пугачевой. Однако сами родители в своих блогах постоянно презентуют сюжеты о многочисленных подарках и реакциях восхищения как самими детьми, так и «героическим» поступком родителей со стороны ближнего социального окружения.

2-й случай. «Дочь поп-идола Валерия Леонтьева»

Данный случай дает иную «картину» стратегии преодоления возраста представителем шоу-бизнеса. Ребенок рожден суррогатной матерью, подробности рождения не освещаются в СМИ. Мотивы рождения дочери «просвечиваются» в одном из интервью, в котором певец признался, что порой чувствует себя очень одиноким и хочет, чтобы рядом был родной маленький человек: *«А если говорить серьезно, то сейчас я уже начинаю жалеть, что у меня до сих пор нет детей. Ловлю себя на мысли, что мне этого не хватает, и все чаще думаю о том, как исправить ситуацию и не поздно ли это делать»*². В этом случае можно говорить о сложном переплетении мотивов рождения дочери в «серебряном» возрасте – желании иметь опору и близкого человека в пожилом возрасте и стремлении фертильностью доказать свою претензию на статус более молодого человека.

¹ Светлов Я. Первые фото подросших детей Пугачевой и Галкина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ural.kp.ru/daily/26401.3/3276534/> (дата обращения: 29.04.2016).

² Валерий Леонтьев. Измотанный и одинокий [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. – 2003. – 17 декабря. – № 51. – URL: <http://www.aif.ru/archive/1630795> (дата обращения: 09.05.2016).

3-й случай. «Москвичка должна прожить еще долгое время за сына, которого потеряла»

60-летняя москвичка Галина Шубенина в январе 2015 г. родила дочку, побив официальный российский рекорд 1996 г., когда женщина родила в 57 лет. Муж Галины – также возрастной отец, хотя немного моложе жены (52 года). Рождение ребенка было не случайным, спланированным, с использованием технологии ЭКО. Решение о рождении совместного ребенка, по-видимому, продиктовано неудовлетворенностью «родительского инстинкта», т. е. нереализованностью в полной мере роли матери и отца, а также отчетливо прослеживающейся стратегией преодоления возраста.

После рождения ребенка родители испытывают чувство гордости, чувствуют себя молодыми, активными, испытывающими все ощущения молодого возраста. Более того, Галина ощущает себя конкурентоспособной по сравнению с молодыми мамами.

4-й случай. «Сын и наследник» счастливых индийцев

Индианке Омкари Панвар на момент рождения детей-близнецов в 2008 г. исполнилось 70 лет, ее мужу, Чаран Сингху, – 77 лет. Рождение детей планировалось в связи с отсутствием мальчиков в семье. В Индии иметь сыновей престижно и необходимо. Беременность Омкари не была случайной, супруги планировали ее, годами откладывая деньги на процедуру искусственного оплодотворения. В силу особенностей образа жизни в сельской местности от своего социального окружения супруги не могли скрыть, и не скрывали, своих намерений, хотя они вызывали неодобрение со стороны соседей и собственных дочерей. Свои намерения они осуществляли, преодолевая давление общественного мнения и отношения родных.

5-й случай. «Быть успешной, написать 25 книг и... родить дочь»

В январе 2005 г. румынская пенсионерка Адриана Илиеску в возрасте 66 лет родила дочь. Беременность наступила вследствие искусственного оплодотворения (использовался донорский биологический материал). Материально Илиеску обеспечена. У нее есть двухкомнатная квартира в Бухаресте, земля, зарплата

и сбережения, которые позволяют ей покупать дочери все, что она захочет, и обеспечить ей дальнейшее безбедное существование.

Социальное окружение осуждает Адриану, утверждая: «она идет против законов природы», «она эгоистка, так как не думает о том, что дочь рано ее потеряет»¹. Порой она сталкивается с оскорблениями на улице, они звучат за ее спиной. Представители православной церкви осудили ее поступок: при крещении дочери монахини назвали ее «ребенком от дьявола». Адриана стойко держится и уверена в правильности выбранной стратегии: «Всегда найдутся люди, жаждущие осудить. Они невежды, они просто ничего не понимают. Это настоящее торжество для женщин, которые не смогли забеременеть во время их плодородных лет»².

Анализ приведенных ситуаций пожилого родительства, переведенных в матрицу социальных характеристик, позволяет сделать следующие выводы.

1. Пожилое родительство отнюдь не является для современного общества сенсацией. Наше исследование показывает, что сохранение фертильности мужчин и женщин в пожилом возрасте – не привилегия уникальных в биологическом плане личностей и не удел только известных людей. Медицинская статистика Германии и Японии (стран с различными культурными и социальными нормативными системами!) показывает, что возраст отцов новорожденных детей в этих странах достаточно часто превышает 50 лет³. Отмечается также популяризация желания возрастных женщин иметь детей, хотя бы с использованием гармональной терапии и искусственного оплодотворения. Такая ситуация не обходит стороной и Россию. По мнению главного московского акушера-гинеколога Марка Курцера, в клиниках

¹ Адриана Илиеску родила в 66 лет [Электронный ресурс]. – URL: <http://yandex.ru/video/search?text=%D0%90%D0%B4%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BD%D0%B0+%D0%98%D0%BB%D0%B8%D0%B5%D1%81%D0%BA%D1%83&redircnt=1463129971.1> (дата обращения: 19.04.2016).

² Там же.

³ Мужская фертильность в пожилом возрасте [Электронный ресурс]. – URL: <http://medkarta.com/?cat=article&id=27351> (дата обращения: 03.05.2016).

столицы в 2015 г. наблюдалось около 15–20 женщин преклонного возраста, ожидающих рождения ребенка. Благодаря процедуре ЭКО они совершают зачатие, благополучно вынашивают и рожают ребенка¹.

2. Как правило, пожилое родительство характерно для семейных пар, а не одиноких людей. Приведенные случаи (2) и (5) показывают, что социальное окружение более благосклонно к такому семейному типу родительства, поскольку одна из его задач – обеспечить социальную защиту позднему ребенку, который объективно останется без родительского попечения раньше, чем дети, родившиеся у более молодых родителей.

При этом мы видим, что решение о рождении позднего ребенка зачастую возникает в асимметричном по возрасту браке. Во-первых, вынашивание и рождение ребенка в таком браке легче осуществить по биологическим и финансовым причинам (особенно если мама моложе своего супруга). Во-вторых, социальное окружение более толерантно относится к такой семье, так как она обеспечивает, с точки зрения общественного мнения, минимальные гарантии материальной и социальной защиты ребенка.

3. Пожилое родительство вызывает неоднозначные оценки в отдельных социальных группах и слоях. Отрицательно воспринимают пожилое родительство (особенно если оно наступило с помощью специальных медицинских технологий) представители церкви, сторонники традиционной общественной морали, бросающие упреки пожилым родителям в аморальности и безответственности их поведения по отношению и к ребенку, и к обществу. Вследствие этого, например, в Румынии появился закон о запрете применять технологию ЭКО по отношению к женщинам старше 50 лет, а в Великобритании вопрос о возрастных ограничениях ЭКО активно дебатруется.

Профессиональной группой, более или менее спокойно (нельзя сказать, что абсолютно одобрительно) относящейся к пожилому родительству, являются медики. С одной стороны,

¹ Марк Курцер: «Беременным в возрасте 47–48 лет не удивляемся, их много» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.woman.ru/health/Pregnancy/article/96333/> (дата обращения: 03.05.2016).

для них пожилые родители – благодатный материал для экспериментов над природой человека (притом что пациенты испытывают жгучее желание быть «подопытными объектами», лишь бы эта ситуация дала искомый эффект). С другой стороны, некоторые врачи сомневаются в успешности пожилого родительства с точки зрения сохранения здоровья и жизни этих людей и их детей.

4. Стратегия позднего деторождения, как показывают все без исключения случаи, – удовольствие весьма дорогое. Без серьезной финансовой базы успешно может реализоваться лишь небольшое количество поздних рождений. Следовательно, от отношения государства к феномену пожилого родительства зависит уровень финансовой, административной и нормативно-правовой поддержки пожилых родителей и их детей. На сегодняшний день обеспечение социальной и материальной защиты поздних детей – инициатива исключительно их родителей. И не без основания: выбор права на индивидуальную жизненную стратегию всегда должен быть сопряжен с социальной, материальной и моральной ответственностью и обязанностями.

5. Все рассмотренные нами случаи пожилого родительства свидетельствуют о темпоральном характере анализируемой стратегии. Это определяется категориями возраста и возрастной общности, временным содержанием данной стратегии и временными условиями ее реализации. Очевидно, что глубинной потребностью родителей «серебрянного возраста» является необходимость увеличения жизненного времени и синхронизации всех видов темпоральности – биологической, психологической и социальной.

Всем родителям по тем или иным причинам не хватило биологического и социального времени для решения жизненно важной задачи, на которую природа и общество отпускают только определенный срок, – рождения и воспитания детей. При этом мотивацию выбора пожилого родительства можно в одних случаях трактовать как эгоистическую («я хочу хотя бы сейчас сделать для себя то, на что не хватило времени и ума в молодости»), в других случаях – как ориентированную на общечеловеческие ценности («подарить еще одну жизнь умному, красивому человеку, сделать счастливым мужа/жену»).

Дети самим фактом своего рождения доказывают фертильность (пусть даже искусственную) и молодость родителей, их способность выполнять социальные роли, предписанные более молодым возрастным общностям. Биологическое и психологическое время (отраженное в ощущениях молодости, силы, конкурентоспособности, ожидании долголетия) как бы растягивается и приходит в соответствие с социальным временем человека. Качество последнего определяется особым характером социальных интеракций (с супругом, коллегами, поклонниками), позволяющих внешне и внутренне растягивать период молодости и зрелости.

§ 6.3. Регулирование социального времени возрастных общностей и темпоральных стратегий их поведения

Проблема регулирования поведения возрастных групп и общностей, несмотря на достаточно высокую степень ее разработанности в социологии, сохраняет свою актуальность. Очевидным это становится в случае исследования поведения возрастных общностей, ориентированного на преодоление темпоральных противоречий между их биологическим, психологическим и социальным временем. Теоретические представления о социальных регуляторах и целенаправленном управлении темпоральным поведением требуют своей конкретизации применительно к различным типам и видам возрастных общностей.

Практическое значение исследования данной проблемы обусловлено превращением возрастной общности в объект управления, который сохраняет собственную субъектность, способность к саморегулированию и темпоральной самоорганизации. Следовательно, для содержательной и методической разработки культурной и социальной политики в отношении различных возрастных общностей необходимо понимание того, как формируется и регулируется такая разновидность жизненной стратегии возрастной общности, как темпоральная.

Возрастные общности дифференцированы маркерами возрастных градаций (детство, школьные годы, молодость и т. д.). Темпоральное поведение каждой возрастной общности детерминировано следующими факторами: доминантной формой и видом деятельности, влиянием значимых социальных агентов и

институтов, процессами адаптации, интериоризации, социализации и др. Очевидно, что с наличием различных временных границ связаны и трактовки этапов социализации социальных общностей. Неслучайно этапы социализации определяются не только содержательными характеристиками, спецификой деятельности ее субъектов, основными агентами и институтами этого процесса. Неменьшую роль играют темпоральные аспекты социализации и временные границы каждого ее этапа.

В связи этим особое значение приобретает соединение, взаимовлияние и взаимопроникновение содержательных и возрастных (более широко – темпоральных) характеристик этапов социализации. Поэтому когда исследователи выделяют детство (дошкольное и школьное), подростковый период, юность, молодость, этапы зрелого трудового возраста, затем предпенсионного и пенсионного возраста, они рассматривают каждый из этих этапов с точки зрения и его содержательных характеристик, и темпоральной специфики (за которой часто стоят биологические, физиологические и психологические особенности).

В исследовании возможностей регулирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей важную роль играет анализ социализации как формы выражения дисхроноза биологического, психологического и социального времени в жизнедеятельности этих общностей. Главная задача состоит в том, чтобы определить критические темпоральные «точки» при переходе представителей возрастной общности от одного этапа социализации к другому.

В отличие от других социальных общностей, включенность в деятельность которых зависит от человека (к примеру, профессиональная, образовательная, досуговая общности), принадлежность к возрастной общности задана объективно самой природой. Избежать включенности в нее человек не в состоянии.

Вместе с тем, в возрастных общностях могут складываться механизмы ускорения или замедления социального и психологического развития человека. С их помощью осуществляется форсирование/замедление взросления членов конкретной возрастной общности, быстрее преодолеваются образовательные, культурные и трудовые рубежи, предписанные тому или иному возрасту. Среди этих механизмов особое значение имеют внут-

рилицистными, обусловленные наличием у людей способностей к определенным интеллектуальным видам деятельности, проявлениям творчества, занятиям отдельными видами спорта, уникальным достижениям в игре на музыкальных инструментах. Чуть дальше, в связи с характеристикой темпоральных стратегий поведения возрастных общностей, мы еще скажем о тех важных функциях, которые выполняют эти внутрилицистные механизмы.

Как уже было показано в предыдущих разделах, возрастная общность характеризуется определенными стратегиями поведения, среди которых темпоральные стратегии становятся доминирующими. Разработка подходов к их формированию и регулированию требует рассмотрения их внутренней структуры. Это позволяет определить наиболее адекватные и эффективные механизмы влияния на конкретные элементы темпоральной стратегии поведения.

Мы исходим из представлений о темпоральной стратегии поведения как самонастраивающейся системы жизнедеятельности, в основе которой лежит сложный комплекс взаимосвязанных когнитивных, эмоциональных и поведенческих элементов. Их выделение мы осуществляем, опираясь на положения диспозиционной теории. Названные структурные элементы темпоральной стратегии поведения возрастной общности соотносятся с когнициями (знаниями, предшествующим опытом), эмотивными (переживаниями, эмоциями) и конативными (поведенческими) компонентами¹. При этом заметим, что в различных ситуациях у людей активизируется и становится ведущим один из двух компонентов – либо когнитивный, либо эмоциональный².

¹ Ядов В. А. Взаимосвязи когниций, эмоций и поведенческой готовности в диспозиционной системе // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. – М.: ЦСПиМ, 2013. – С. 335.

² Ядов В. А. Взаимосвязи когниций, эмоций и поведенческой готовности в диспозиционной системе ... С. 335–343 ; Ajzen I., Fishbein M. Attitude-behavior relations: A theoretical analysis and review of empirical research // Psychological Bulletin – PSYCHOL BULL. – 1977. – Vol. 84, № 5. – P. 888–918.

Названные структурные элементы темпоральной стратегии поведения взаимосвязаны, их трудно разделить в исследовании реальных процессов темпорального поведения. Тем не менее сделать это необходимо, по крайней мере в теоретическом анализе, чтобы понять механизмы их формирования и регулирования.

Когнитивный блок мы условно называем «философией» времени, поскольку он включает в себя темпоральные ценности, ориентации на определенный модус времени (прошлое, настоящее или будущее), смыслы времени. На этой мировоззренческой основе формируются сложные диспозиционные механизмы выбора темпоральной стратегии поведения – установки, потребности, совокупность жизненных целей и задач, жизненная позиция. Ценность времени определенным образом соотносится с другими ценностями и раскрывается в представлениях о нем.

«Философия» времени может рассматриваться как социальный конструкт, создаваемый в рамках реализации темпоральных стратегий поведения отдельных социальных общностей. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана, временные конструкты возникают как результат интеракции и в дальнейшем принимают принудительный, обязательный характер для социальных субъектов¹. Временные конструкты изменяются в различных социальных условиях и, соответственно, трансформируют темпоральное поведение своих носителей.

Эмоциональный блок темпоральных стратегий поведения включает в себя восприятие и переживание времени, рефлексии темпорального поведения. Представители возрастной общности не просто осознают, понимают и оценивают свое биологическое, психологическое и социальное время – они переживают его. И это восприятие и переживание времени сопряжено с широким спектром социальных эмоций, среди которых особо выделяются темпоральные страхи и надежды. Именно наличие эмоциональных характеристик, на наш взгляд, определяет трудности регулирования темпоральных стратегий поведения возрастной общности.

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. : Медиум, 1995. – С. 50.

Психологические факторы восприятия времени оказывают существенное влияние на особенности функционирования возрастной общности, прежде всего на ее социальное самочувствие, отражающее баланс двух эмоций (страха и надежды), выявление которого составляет субъективный аспект исследования темпоральных стратегий поведения. Страх перед временем, выраженный в боязни перемен, потерь, увеличения различных рисков, затрагивающих как обыденные, так и смысложизненные аспекты бытия, формирует, например, у старших возрастных общностей социальный пессимизм. Противоположная эмоция – надежда на перемены к лучшему или на поддержание стабильности, на успешное осуществление в будущем каких-либо намерений, планов, мечтаний – позволяет сохранить и укрепить оптимизм, особенно необходимый в кризисные периоды развития общества. Мы специально рассматриваем эту пару эмоций как диаметрально противоположные, хотя полагаем, что между ними есть и промежуточные эмоциональные состояния (например, безразличие).

Поведенческий блок темпоральной стратегии поведения образован моделями темпорального поведения, устойчивыми принципами темпоральной организации жизнедеятельности и взаимодействия, умениями и способами организации времени (темпоральная компетентность). Это не просто навыки тайм-менеджмента. Речь идет о способности видеть и выстраивать жизненные планы и перспективы, ставить цели, синхронизировать свое поведение в соответствии с темпоральной организацией социального окружения, на уровне биографического времени конструировать оптимальную последовательность жизненных событий¹. Названные поведенческие элементы служат наиболее адекватными показателями темпоральных стратегий поведения возрастной общности.

В структуре поведенческого блока темпоральных стратегий поведения мы особо выделяем умения и способы организации времени, объединенные понятием временной компетентности. Под ней понимается совокупность умений и навыков рацио-

¹ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – С. 131.

нального планирования и использования времени. В социальной психологии данное понятие широко применяется, наполняясь конкретным содержанием в виде тех или иных умений и навыков использования ресурса времени. Так, Л. П. Енькова в качестве структурных элементов временной компетентности рассматривает адекватную оценку временных затрат (или «чувство времени»), умение конструировать программу достижения цели во временном континууме (пространстве), правильно определять эти затраты¹. Временная компетентность включает также чувство времени, навыки его планирования, умение учитывать время другого человека. Временная компетентность позволяет эффективно распоряжаться имеющимися у представителей возрастной общности ресурсами времени в повседневной личной и профессиональной жизни.

Новая темпоральная реальность, в которой сегодня приходится функционировать определенным возрастным общностям, потребовала развития у них навыков компенсаторного поведения, направленного на минимизацию рисков и последствий чрезвычайно напряженного временного режима деятельности, который не конгруэнтен обычным человеческим способностям и возможностям и может нарушить психическое и физическое здоровье человека. Это проявляется в использовании новых подходов к планированию и структурированию рабочего и вне рабочего, в том числе свободного, времени, развитию гибкости и нестандартности мышления, а также умственной, психической и физической работоспособности.

Таким образом, темпоральные возможности, которыми обладают представители той или иной возрастной общности, определяются не только социальными, но и социально-психологическими факторами – свойствами темперамента, памяти, степенью гибкости/ригидности, способностями к переработке и структурированию информации. Сознательное увеличение скорости мыслительных процессов и деятельности, эффективные действия в условиях ограниченного времени или хаотичного, неупо-

¹ Енькова Л. П. Структура и содержание временной компетентности в контексте психолого-педагогического образования // Вектор науки ТГУ. – 2001. – № 4 (7). – С. 98.

рядоченного временного режима, интуиция служат основой выстраивания конструктивных темпоральных стратегий поведения.

Безусловно, принимая в расчет влияние социально-психологических факторов на темпоральное поведение, мы отступаем от рамок строго дисциплинарного подхода, но приобретаем возможность более глубокого и всестороннего анализа такого сложного явления, как темпоральные стратегии поведения. Тем более что сам объект изучения имеет двойственную социальную и психологическую природу и в его структуре тесно переплетаются объективные и субъективные характеристики поведения, устойчивое сочетание которых позволяет применять более гибкие регуляторы темпорального поведения возрастных общностей.

Фактор времени «вкрапливается» в ткань повседневных действий представителей возрастной общности. Так, например, старшие возрастные общности его начинают по-особому ценить и беречь. У представителей зрелого возраста появляются «времяберегающие» технологии повседневной жизни, отношений с близкими и «далекими» людьми. Они в значительной степени регулируют темпоральные стратегии поведения людей – носителей этих технологий. Вероятно, подобный процесс мог бы быть назван саморегулированием темпоральных стратегий поведения. К саморегулированию мы можем отнести и те внутриличностные механизмы реализации особых способностей людей, о которых говорилось чуть выше, поскольку они выполняют важные функции регулирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей.

Стратегия саморегулирования и регулирования темпорального поведения присуща возрастным общностям. Их эволюционизм, неустойчивость, изменчивый характер, неопределенность и нелинейность поведения тесно сопряжены с темпоральными характеристиками того или иного возраста. Отсюда возникает необходимость регулирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей, поиска ресурсов этого процесса.

Регулирование темпоральных стратегий поведения возрастных общностей осуществляется через управление темпоральными знаниями, темпоральной социализацией, посредством формирования культуры времени.

Изучение процессов темпоральной социализации сквозь призму проблемы социальной регуляции является не только интересным, но и продуктивным направлением как социологического творчества, так и социального управления. Время представляет собой не только и не столько метрическую оболочку различных процессов социализации, сколько их содержание. На наш взгляд, социальное время – это ось, вокруг которой происходит формирование личности. Исходя из общего понимания социализации как интеграции человека в различные социальные общности посредством интериоризации их социокультурного опыта, мы можем определить процесс интеграции человека в эти общности через освоение их темпоральных категорий, смыслов, отношений, социальных ролей как темпоральную социализацию.

Сама по себе социализация – процесс, разворачивающийся во времени, имеющий стадии, этапы, динамику. Результаты, успешность социализации обязательно измеряются по временным параметрам и соотносятся с «социальными часами», действующими в обществе или конкретной социальной общности. Мы считаем, что социальное время в социологическом анализе необходимо поместить «внутри» процесса социализации. Это связано с тем, что человек взрослеет, осваивает новые социальные роли, приобретает знания, опыт во времени и через время. Освоение социокультурного опыта имеет свои темпоральные границы и связано с биографическим временем, возрастом человека.

В ряду темпоральных параметров социализации стоят: ценностное отношение к возрасту, базирующееся на представлениях о значении и возможностях того или иного возрастного статуса; освоение темпоральных дистанций и этикета, регулирующих темпоральные аспекты взаимодействия социальных субъектов; научение способу темпоральной организации жизнедеятельности (полихронному, нелинейному или монокронному, линейному). Ключевым процессом темпоральной социализации можно считать усвоение представлений о ценности времени.

В социуме, культивирующем образ времени как стратегически важного ресурса, ориентира жизнедеятельности, формируются не только личности, но и социальные общности, способные выстроить конструктивные темпоральные стратегии поведения, которые способствуют достижению целей, успеха, быстрой

адаптации в сложном, турбулентном обществе. Человек, формирующийся в общностях, не имеющих традиций «культуры времени», не способен отразить темпоральные вызовы современности, равно как не способны это сделать и некоторые социальные общности: они не-успешны (не успевают), не-современны, немобильны.

Освоение обобщенных представлений о времени как важнейшем параметре социальной реальности означает обращение к смыслам, значениям, которые бытуют в возрастных общностях в форме обыденного знания. Категория времени выделяется в ряду других, конституирующих «жизненный мир» общности, тем, что временные представления пронизывают и определяют все отношения и практики повседневности, и в то же время они наиболее сакрализованы и ускользают от рефлексии в обыденном сознании представителей этих общностей.

В ходе темпоральной социализации у членов общности формируется временная картина мира, представляющая собой многоуровневое образование. Некоторые его пласты функционируют как средства маркировки и упорядочения окружающего мира на уровне чувственного восприятия, интуиции, образного представления. Другие являются воплощением рационально-логического, научного познания.

Конструирование временной картины мира представляет собой способ самоопределения возрастной общности, выстраивания ее отношений с окружающим природным миром и человеческим сообществом. Смыслы и значения, которые члены общности придают этим отношениям, составляют содержание, определяют структуру и свойства временной картины мира. При этом субъективные представления о времени важны и сами по себе, и как часть коллективных представлений, сформировавшихся в конкретно-историческом и конкретно-культурном контексте.

Управление темпоральной социализацией включает в себя механизмы социального влияния, действующие на общественном уровне и основанные на так называемой когнитивной власти, когда «человек или группа самостоятельно придают необходимые значения (смыслы) тем информационным конструкциям, которые предоставляются субъектом управления, и меняют свое

сознание и поведение в соответствии с ним»¹. В связи с этим управление темпоральными стратегиями поведения можно рассматривать как сопряженное с другими процессами, способствующими формированию и развитию социальных общностей. Важнейшими из них, на наш взгляд, являются управление знаниями и культурными моделями. Утверждая это, мы исходим из знания уже разработанных в социологии и апробированных в практике социального управления социальных технологий управления социализацией некоторых социальных общностей².

Важными ресурсами регулирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей являются знание и образование, рассматриваемые нами в единстве, как содержание и форма. Такой подход означает, что образование (самообразование как его неотъемлемая и важнейшая составная часть) выступает формой создания, усвоения и освоения, трансляции, распространения знания. Поэтому не случайно о будущем обществе исследователи часто говорят как об обществе не только знания, но и образования.

В этом отношении большую ценность для нас в методологическом плане представляют социологические концепции, связанные с разработкой проблематики знания и образования как инструментов регулирования поведения социальных субъектов и развития общества. Это концепция воспитания Э. Дюркгейма (начало XX в.)³, концепции знания М. Шелера (ко-

¹ Савельева О. О. Влияние социальное в управлении // Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / общ. ред. А. В. Тихонова. – М. : КРАССАНД, 2015. – С. 41.

² Виноградова М. В. Управление социализацией подростков в средней школе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – 24 с. ; Митронин В. К. Управление социализацией в медицинской организации. – Самара : АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2007. – 294 с. ; Лунёв А. П., Храпов С. А. Управление социализацией студенчества как механизм роста человеческого капитала России // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия «Экономика». – 2013. – № 1. – С. 149–156.

³ Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

нец 1920-х гг.)¹, К. Манхейма (конец 1920-х – 1930-е гг.)², М. Фуко (вторая половина 1970-х – 1980-е гг.)³, появившиеся в конце XX в. концепции общества знания, экономики знания и управления знаниями. Все они представляют собой важный теоретико-методологический ресурс для понимания регулирования сложных социальных процессов.

К числу таковых относятся темпоральные процессы, которые требуют «интеллектуального регулирования», предполагающего наличие определенного интеллектуального капитала у самих регулирующих (в том числе управленческих) структур. Опираясь на концепции знания и образования, мы можем расширить наши представления об инструментальной стороне «интеллектуального регулирования» темпоральных стратегий поведения, введя понятие регулирования поведения через знание, интериоризованное объектом этого регулирования.

Согласно вышеназванным концепциям, знание – это информация, которая активно регулирует или даже управляет человеческой деятельностью, придавая ей определенные направленность и качество. Реализация знания тесно связана с образованием, неоднократно подчеркивал К. Манхейм. «Образование, – пишет он, – может быть правильно понято лишь тогда, когда мы будем рассматривать его как один из способов воздействия на человеческое поведение»⁴. Знание и образование как институт, «ответственный» за его трансляцию в социум, связаны, по мнению немецкого философа и социолога, с другими социальными институтами, структурами, системами, способны оказывать влияние на мышление и поведение нового поколения людей. При этом лучшей образовательной единицей является группа или социальная общность, вырабатывающие в ходе обучения,

¹ Шелер М. Формы знания и общество. Сущность и понятие социологии культуры // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 122–160.

² Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.

³ Фуко М. Археология знания. – СПб. : Университетская книга, 2004. – 416 с.

⁴ Манхейм К. Указ. соч. С. 480.

усвоения знаний надындивидуальные модели поведения¹. Эта идея Манхейма была впоследствии развита в работах отечественных социологов, занимающихся проблемами знания и образования².

Развитие научных представлений о знании, вписанном в поле тех или иных социальных практик, формирующем у людей понимание смысла действий, продолжили М. Фуко и П. Бурдьё. Рассматривая влияние политического и управленческого знания на социальные процессы и поведение людей, Фуко писал: «Ценность этого знания определяется тем, что оно реализуется в направлении форм поведения, столкновений, конфликтов, решений и тактик»³. Бурдьё, продолжая традиции французской социологии (в первую очередь, социологии Дюркгейма), рассматривал образование как проводник определенной модели культуры, культурных ресурсов и капитала и в этом качестве – как средство социального регулирования⁴.

Опираясь на идеи поименованных социологов, мы можем рассматривать знание и образование как инструменты регулирования темпоральных стратегий поведения, обладающие: 1) мягким действием на темпоральное сознание и поведение возрастных общностей; 2) высокой результативностью (вследствие глубокой интериоризации темпоральных знаний и превращения их в темпоральные умения и навыки), несмотря на мягкий, латентный характер влияния; 3) возможностью влияния на темпоральное поведение людей как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Мы имеем все основания говорить о необходимости использования знания и образования, насыщенных темпоральным содержанием – знания о времени, образования,

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ. ; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М. : Юрист, 1994. – С. 479.

² Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – С. 231.

³ Фуко М. Археология знания. – СПб. : Университетская книга, 2004. – С. 356.

⁴ См.: Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с франц. Н. А. Шматко. – М. : Просвещение, 2007. – 267 с.

которое транслирует эти знания, формирует необходимые темпоральные потребности, интересы, умения, навыки, компетенции.

Концепции Э. Гоффлера, Д. Белла, М. Макклёзна, Ё. Масуды и других ученых, раскрывающие информационную природу современного общества, дают возможность дальнейшего исследования и совершенствования форм, способов, механизмов регулирования темпоральных стратегий поведения возрастных общностей на основе знания с использованием возможностей коммуникативных технологий – средств массовой информации, Интернета, социальных сетей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное теоретическое и эмпирическое исследование времени социальной общности базировалось на методологии междисциплинарного изучения этого феномена и применении ряда научных подходов, среди которых доминирующие позиции принадлежали социологическому анализу. Благодаря плюрализму использованных подходов удалось исследовать две центральные категории – социальное время и социальную общность. Рассмотренные во взаимосвязи, они стали основой категории «время социальной общности». Это позволило осуществить исследование социальной общности как субъекта социального времени, а само это время – в тесной связи с его акторами. Такой методологический подход привел к разработке понятия «темпоральная стратегия поведения». Под ней понимается особая система жизнедеятельности социальной общности, формы и способы которой ориентированы на использование различных темпоральных ресурсов для достижения жизненных целей.

Использование авторской методологии дало возможность проанализировать на теоретико-эмпирическом уровне различные социальные общности сквозь призму их темпоральности. Особое внимание было уделено возрастным общностям. Их темпоральные стратегии поведения стали предметом специального социологического исследования. Его результаты позволили выявить особенности темпоральной организации, темпоральной стратегии поведения и преодоления темпоральных противоречий возрастных общностей. Благодаря этому стало возможным изучение проблем регулирования их социального времени и темпоральных стратегий поведения.

Опыт проведения нашего исследования позволяет ставить вопрос о возможности рассмотрения сквозь призму темпоральности не только возрастных, но и любых других социальных общностей, в жизни и стратегиях поведения которых фактор времени играет значительную роль.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М. : Мысль, 1991. – 299 с.
2. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. – СПб. : Алетейя, 2001. – 304 с.
3. Адаптация к возрасту зрелости. Как появилась мода на возраст: самые красивые женщины старше 60-ти [Электронный ресурс]. – URL: http://solarisan.ucoz.ru/publ/adaptacija_k_vozrastu_zrelosti_kak_pojavilas_moda_na_vozrast_samye_krasivye_zhenshhi_ny_starshe_60_ti/1-1-0-1294 (дата обращения: 04.02.2016).
4. Алексеев В. П. Вектор времени в таксономическом континууме // Вопросы антропологии. – 1975. – Вып. 49. – С. 65–77.
5. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени. – М. : URSS, 2012. – 240 с.
6. Алюшин А. Л., Князева Е. Н. Эндофизический поворот в эпистемологии, или Попытка увидеть мир изнутри // Философия и культура. – 2009. – № 5 (17). – С. 80–91.
7. Амбарова П. А. Авангардные общности в контексте исследования темпоральных стратегий поведения // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 3. – С. 149–162.
8. Амбарова П. А. Динамика социального времени: от «человека разумного» к «человеку безумному» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 52–57.
9. Амбарова П. А. Динамика социального времени: эволюция социологических представлений // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 6–24.
10. Амбарова П. А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 2 (126). – С. 103–110.
11. Амбарова П. А. Культурная вариативность социальных часов. Начало жизненного пути // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 2 (89). – С. 220–229.

12. Амбарова П. А. Культурная вариативность «социальных часов». «Серебряный возраст» или «возраст невидимки» // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 3 (92). – С. 172–178.

13. Амбарова П. А. Межкультурные коммуникации в ситуациях повседневности // Известия УрГУ. – 2010. – № 6 (85). – Ч. 1. – С. 195–199.

14. Амбарова П. А. Нелинейное время: как люди в нем живут? [Электронный ресурс] : препринт монографии. – Екатеринбург, 2016. – URL: <http://www.rfh.ru/downloads/Books/16-43-93514.pdf>

15. Амбарова П. А. О проблеме динамики социального времени // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2. – С. 109–115.

16. Амбарова П. А. Понятие и типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей // Известия УрФУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – № 1. – С. 123–139.

17. Амбарова П. А. Проблема социального времени в работах К. Маркса // XIX Уральские социологические чтения «Региональные особенности разработки и реализации социальной политики» (14–16 марта 2013 г., УрФУ, Екатеринбург). – Екатеринбург : УрФУ, 2013. – С. 12–15.

18. Амбарова П. А. Проблема социального часу в социологии классического этапа // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». – 2013. – Вип. 30, № 1045. – С. 24–29.

19. Амбарова П. А. Проблема страха перед временем в европейской и отечественной социальной мысли // Дискуссия. – 2012. – № 11. – С. 6–13.

20. Амбарова П. А. Родятся дети, и жизнь повторится сначала... Пожилое родительство как стратегия «преодоления возраста» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2016. – № 4. – С. 127–134.

21. Амбарова П. А. Социальное время в контексте современного социологического знания // Вестник Сургутского госу-

дарственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 13–24.

22. Амбарова П. А. Сопротивление организационным изменениям в условиях образовательного учреждения // Актуальные проблемы управления персоналом в условиях социально-экономической модернизации страны : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (УрФУ, 27–28 апреля 2012 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2012. – С. 7–10.

23. Амбарова П. А. Социум и власть сквозь призму общественных страхов // Социум и власть. – 2012. – № 6. – С. 24–27.

24. Амбарова П. А. Темпоральная мобильность как основа социального неравенства // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 27–28 ноября 2013 г.) : в 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский институт РАНХиГС, 2013. – С. 14–16.

25. Амбарова П. А. Темпоральное измерение социализации [Электронный ресурс] // Психосоциальная адаптация в трансформирующемся обществе: социализация субъекта на разных этапах онтогенеза : матер. IV Междунар. науч. конф. (Минск, 21–22 мая 2015 г.) / отв. ред. И. А. Фурманов [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2015. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 20–22.

26. Амбарова П. А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований // Известия УрГУ. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2011. – № 4 (95). – С. 232–238.

27. Амбарова П. А. Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. – Екатеринбург : УрФУ, 2015. – 252 с.

28. Амбарова П. А. Фрилансеры: темпоральные стратегии поведения авангардной социальной общности // Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : матер. Всерос. науч.-практ. конф. памяти В. Т. Шапка (Екатеринбург, 28 февраля 2014 г.) : в 4 т. Т. I / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – С. 12–16.

29. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни преподавателя вуза глазами социологов // Высшее образование в России. – 2015. – № 2. – С. 70–79.

30. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время в жизни студента глазами социолога // Высшее образование в России. – 2014. – № 12. – С. 48–55.

31. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. На перекрестке естественно-научного и социологического знания: опыт исследования одной проблемы // Социологические исследования. – 2015. – № 9. – С. 14–21.

32. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Образовательные ресурсы управления темпоральными стратегиями поведения студентов // Университетское управление: практика и анализ. – 2014. – № 3. – С. 8–18.

33. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. – 2015. – № 5. – С. 63–73.

34. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные характеристики и противоречия студенческой молодежи как возрастной общности // Высшее образование в России. – 2016. – № 4. – С. 72–80.

35. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. Т. 1. – М., 1980.

36. Ананьев Б. Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психолого-педагогические проблемы высшей школы. Вып. 2. – Л. : ЛГУ, 1974. – С. 3–15.

37. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1968. – 339 с.

38. Андреева Г. М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 363 с.

39. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 288 с.

40. Артемов В. А. К истории возникновения исследований бюджетов времени // СОЦИС. – 2003. – № 3. – С. 140–149 ; № 5. С. 141–149.

41. Артемов В. А. Социальное время: Проблемы изучения и использования. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1987. – 237 с.

42. Артемов В. А. Социологические аспекты времени в отечественных научных работах 1920–1930-х гг. // Социологический журнал. – 2007. – № 3. – С. 124–136.

43. Артемов В. А. Эскиз социологической концепции социального времени // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 3–9.

44. Артемов В. А., Болгов В. И., Вольская О. В. Статистика бюджетов времени трудящихся. – М. : Статистика, 1967. – 220 с.

45. Артемов В. А., Новохацкая О. В. Использование времени и социальное самочувствие: опыт экспериментального анализа // Социологические исследования. – 2011. – № 2. – С. 24–31.

46. Артемов В. А., Новохацкая О. В. Сельская повседневность: девяностые годы (по материалам лонгитюдного исследования бюджетов времени) // Повседневная деятельность и бюджет времени населения России и их изменения / отв. ред. В. Д. Патрушев. – М. : Изд-во ИС РАН, 2003. – С. 15–51.

47. Артемов В. А., Новохацкая О. В. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920–1930-е гг.) // Социологические исследования. – 2008. – № 4. – С. 92–104.

48. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 416 с.

49. Арямова Т. В. Занятия россиян в свободное время // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2014. – № 1 (19). – С. 63–67.

50. Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. – М. : Мысль, 1966. – 200 с.

51. Ахиезер А. С., Гольц Г. П. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. – 1992. – № 1. – С. 45–56.

52. Балацкий Е. В. Понятие времени в экономической науке // Вестник Российской академии наук. – 2005. – Т. 75, № 3. – С. 224–232.

53. Бауман З. Текущая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.

54. Бевзенко Л. Д. Социальная самоорганизация. Синергетическая парадигма: возможности социальных интерпретаций. – Киев : Институт социологии НАН Украины, 2002. – 437 с.

55. Беккер Г. Теория распределения времени // Вехи экономической мысли : в 6 т. / под ред. В. М. Гальперина. Т. 3. Рынки факторов производства. – СПб. : Экономическая школа. 1999. – С. 82–121.

56. Бельских И. Е. Время как экономическая категория (к вопросу формирования экономики времени) // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 23. – С. 19–24.

57. Бенин В. Л., Жукова Е. Д. Феномен мозаичности как результат дифференциации современного знания [Электронный ресурс] // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. – М. : Владос, 2007. – С. 164–175. – URL: culturalnet.ru/main/getfile/1854 (дата обращения: 03.02.2013).

58. Бергер П., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология. – М. : Академический Проект, 2004. – С. 25–396.

59. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.

60. Бердяев Н. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. Философия свободного духа. – М. : Республика, 1994. – 480 с.

61. Березина Т. Н. Время как вероятность // Мир психологии. – 2011. – № 3. – С. 30–43.

62. Беспалова Ю. М. Обращение к себе: повседневная жизнь западносибирской семьи глазами социолога. – Тюмень : Мандр и Ка, 2014. – 472 с.

63. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. – 1997. – № 8. – С. 112–122.

64. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты. – М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996. – С. 166–212.

65. Божков О. Б. Публичный дискурс о прошлом: разорванное и агрессивное сознание // Наше прошлое: ностальгические воспоминания или угроза будущему? – СПб., 2015.

66. Болгов В. И. Бюджет времени при социализме. Теория, методы и опыт социологических исследований. – М. : Наука, 1973. – 287 с.

67. Болгов В. И. Вне рабочее время и уровень жизни трудящихся. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1963. – 165 с.

68. Бочаров В. В. Антропология возраста. – СПб. : СПбГУ, 2001. – 196 с.

69. Бохан Т. Г., Алексеева Л. Ф., Шабаловская М. В., Морева С. А. Трансформация временной перспективы студента в процессе обучения в вузе // Высшее образование в России. – 2014. – № 10. – С. 50–55.

70. Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев : Центр учебной литературы, 2011. – 248 с.

71. Бунге М. Интуиция и наука. – М. : Прогресс, 1967. – 188 с.

72. Бурдьё П. Клиническая социология поля науки // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 49–95.

73. Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с франц. Н. А. Шматко. – М. : Socio-Logos, 1994. – 288 с.

74. Бурдьё П., Пассрон Ж.-К. Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с франц. Н. А. Шматко. – М. : Просвещение, 2007. – 267 с.

75. Бухалова Н. А. Проблемы социальной инклюзии лиц пожилого и старческого возраста // Вектор науки ТГУ. Серия : Педагогика, психология. – 2015. – № 4. – С. 57–60.

76. Бюджет времени городского населения / под ред. Б. Т. Колпакова, В. Д. Патрушева. – М. : Статистика, 1971. – 247 с.

77. Бюджет времени нашего молодняка / под ред. М. С. Бернштейна и Н. А. Рыбникова. – М.-Л. : Госиздат, 1927. – 136 с.

78. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников / ред. А. И. Парфенова. – М. : ЦСУ РСФСР, 1978. – 318 с.

79. Бюджет времени семей рабочих, ИТР, служащих промышленности, колхозников и рабочих совхозов Горьковской, Ростовской, Свердловской и Ивановской областей за июнь 1963 г. / ред. А. И. Парфенова, О. В. Вольская : в 2 т. – М. : ЦСУ РСФСР, 1966. – 115 с.

80. Вакуленко А. А., Караваев Э. Ф., Козырев Д. Н., Шихобалов Л. С. Время как организующий фактор ноосферы // Вестник Санкт-Петербургского отделения Российской академии естественных наук. – 1997. – № 1 (4). – С. 378–383.

81. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
82. Васильева Е. О. Карьерный успех в жизненных стратегиях управленческого персонала современной организации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.
83. Васильева Н. В., Щеглова С. Н. Подросток и труд: как уберечь себя от эксплуатации. – М. : Социум, 2001. – 30 с.
84. Васильева Ю. А. Песня строить и жить помогает. Зачем компании разрешают сотрудникам слушать музыку на работе // Ведомости. – 2004. – 15 июня. – С. 7.
85. Вернадский В. И. Проблема времени в современной науке // Известия АН СССР. 7 серия. ОМОН. – 1932. – № 4. – С. 511–541.
86. Виноградова М. В. Управление социализацией подростков в средней школе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – 24 с.
87. Вирильо П. Машина зрения. – М. : Наука, 2004. – 144 с.
88. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Актуальные теоретико-методологические проблемы социальной инерции // Вестник Уральского государственного технического университета. – 2003. – № 4 (24). – С. 21–32.
89. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. – Екатеринбург : УГТУ–УПИ, 2006. – 430 с.
90. Владимиров Ю. С. Реляционная теория пространства-времени и взаимодействий. – М. : МГУ, 1982. – 712 с.
91. Вне рабочее время трудящихся / под общ. ред. Г. А. Пруденского. – Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. – 256 с.
92. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет [Электронный ресурс]. – М. : Левада-центр, 2014. – URL: <http://www.levada.ru/books/potentsial-grazhdanskogo-uchastiya-v-reshenii-sotsialnykh-problem> (дата обращения: 17.03.2015).
93. Волков Ю. Е. Общность социальная // Российская социологическая энциклопедия. – М., 1998. – С. 338.
94. Волов В. Т. Высшее образование как фактор управления социализацией осужденных в исправительных учреждениях. – М. : Изд-во СГА, 2009. – 393 с.

95. Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 106–115.
96. Воспроизводство кадрового потенциала науки и высшего образования. [Электронный ресурс]. – URL: <http://old.researcherat.ru/index.php?id=345&Itemid=&option=content&task=view> (дата обращения: 26.04.2015).
97. Высоцкая И. В. Самостоятельная организация как образовательное учреждение в сфере образования пожилых людей в Германии // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 6. – С. 159–162.
98. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
99. Гайденко П. П. Время и вечность: парадоксы континуума // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 110–136.
100. Гайденко П. П. Понимание времени // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 174–184.
101. Гайденко П. П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции // Современный экзистенциализм. – М. : Мысль, 1966. – С. 77–107.
102. Галицкий В. А. Эпигенетическая природа старения // Цитология. – 2009. – Т. 51, № 5. – С. 388–397.
103. Гаранин О. Ю. Протестная активность молодежи в условиях политической модернизации современной России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2010. – 28 с.
104. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. – М. : Экономика, 1972. – 478 с.
105. Генин В., Тилли М., Белоножко М. Л. Фасилитирование учебы студентов. Андрагогика и инновации в образовательных процессах вузов // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2007. – № 4. – С. 66–70.
106. Гердер И. Идеи к философии истории человечества. – М. : Наука, 1977. – 703 с.
107. Гершуни Дж. Бюджеты времени и неформальная экономическая деятельность // Неформальная экономика. Россия и мир / под ред. Т. Шанина. – М. : Логос, 1999. – С. 343–355.
108. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь : пер. с англ. – М. : Весь Мир, 2004. – 120 с.

109. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуры. – М. : Академический проект, 2005. – 528 с.
110. Гидденс Э. Последствия современности. – М. : Praxis, 2011. – 352 с.
111. Глобальное исследование предпринимательского духа студентов (GUESSS – Global University Entrepreneurial Spirit Students' Survey) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.guesssurvey.org/> (дата обращения: 05.03.2015).
112. Глобальный мониторинг предпринимательства: Национальный отчет. – М. : Высшая школа экономики, 2011. – 62 с.
113. Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. – 2004. – № 10. – С. 42–49.
114. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб. : Питер, 2000. – С. 23–56.
115. Головаха Е. И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. – Киев : Наукова думка, 1998. – 144 с.
116. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. – М., 2008.
117. Головаха Е. И., Панина Н. В. Социальное безумие: история, теория и современность. – Киев : Абрис, 1994. – 168 с.
118. Головкин О., Штейн А. Остановиться и начать жить [Электронный ресурс] // Православие и мир. – URL: <http://www.pravmir.ru/asya-shtejn-ostanovitsya-i-nachat-prosto-zhit/> (дата обращения: 20.02.2017).
119. Горбунов В. Е. Социологические аспекты социального времени в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Саратов, 2001. – 24 с.
120. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы: Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. – М. : Наука, 1972. – 368 с.
121. Городской средний класс в современной России / Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации. – М. : ИС РАН, 2006. – 222 с.

122. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. О жизненных планах российской молодежи: настоящее и будущее // Россия и Китай: молодежь XXI века. – М., 2014. – С. 384–404.
123. Горюнова Л. В. Ориентированность содержания профессионального образования на подготовку мобильных специалистов // Психолого-педагогические исследования в системе образования : матер. Всерос. науч.-практ. конф. : в 7 ч. Ч. 4. – Челябинск : Образование, 2008. – С. 56–64.
124. Гребенюк Е. Н. Синергетический подход в гуманитарном исследовании. – Астрахань : ИД «Астраханский государственный университет», 2011. – 100 с.
125. Григорьева И. А., Видясова Л. А., Дмитриева А. В., Сергеева О. В. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем. – СПб. : Алетей, 2015. – 336 с.
126. Грушин Б. А. Свободное время: Актуальные проблемы. – М. : Мысль, 1967. – 175 с.
127. Грязева Е. Д., Жукова М. В., Кузнецов О. Ю., Петрова Г. С. Оценка качества физического развития и актуальные задачи физического воспитания студентов. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013.
128. Гудков Л. Д. Понятие времени в социологии и временные характеристики социальных структур в социологических исследованиях // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 131–157.
129. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3.
130. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
131. Делез Ж. Логика смысла. – М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. – 480 с.
132. Дзюба С. В. Онтология В-теории времени и гипотеза о психофизиологической природе течения времени [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/dzuba_ontologia.htm (дата обращения: 09.03.2016).
133. Дикий А. А. Стратегии долгового поведения населения в современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Нижний Новгород, 2012. – 23 с.

134. Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 416 с.

135. Добронравова И., Финкель Л. Динамический хаос в социуме как среда социальной самоорганизации // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. – № 1. – С. 168–180.

136. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. [Электронный ресурс] / ред.-конс. А. Н. Алексеев ; ред. электр. изд. Е. И. Григорьева. – 4-е доп. изд. – М. : ЦСПиМ, 2014–2017. – 1687 с. – URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>

137. Докторов Б. З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски [Электронный ресурс] : в 3 т. – М. : ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM.

138. Докторов Б. З. Современная российская социология: история в биографиях и биографии в истории. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

139. Долгов Ю. Н., Смотров Т. Н. Типология жизненных стратегий личности [Электронный ресурс] // Проблемы и перспективы педагогики и психологии : матер. Междунар. заочной науч.-практ. конф. (24 октября 2011 г., г. Новосибирск). – URL: <http://sibac.info> (дата обращения: 15.05.2014).

140. Дубин Б. В. Память и образ. К вопросу о визуализации исторической травмы [Электронный ресурс] // Стенгазета. – 2013. – 17 июля. – URL: <http://stengazeta.net/?p=10009228> (дата обращения: 17.03.2015).

141. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2002/04/17/474861/> (дата обращения: 25.04.2015).

142. Дубин Б. В. Символы возврата вместо символов перемен [Электронный ресурс] // Pro et Contra. – 2011. – № 5 – URL: http://uisrussia.msu.ru/docs/nov/pec/2011/5/ProEtContra_2011_5_01.pdf (дата обращения: 17.03.2015).

143. Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. – М. : Канон, 1995. – 352 с.

144. Ежов О. Н., Печенкин В. В., Ярская В. Н. Пространство и время социальных изменений : учеб. пособие. – М. ; Саратов : Научная книга, 2004. – 280 с.

145. Енькова Л. П. Структура и содержание временной компетентности в контексте психолого-педагогического образования // Вектор науки ТГУ. – 2001. – № 4 (7). – С. 123–125.

146. Жабоева С. Л., Полев А. В., Прощаев К. И., Ильницкий А. Н. Подходы к введению новых услуг в области антивозрастной медицины // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 7.

147. Желтикова И. В., Гусев Д. В. Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. – Орел : Изд-во ОГУ, 2011. – 172 с.

148. Заборова Е. Н. Власть и население: аспекты взаимодействия на муниципальном уровне // Вопросы управления. – 2014. – № 1 (7). – С. 42–49.

149. Заборова Е. Н. Город на грани веков. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2007. – 272 с.

150. Загускин С. М. Временная организация и устойчивость биосистем // Проблема времени в культуре, философии и науке. (Библиотека времени, вып. 3). – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2006. – С. 80–91.

151. Зарубина Н. Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 1 (28). – С. 185–189.

152. Заседание Совета по науке и образованию. 23 июня 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/45962>

153. Заславская Т. И., Ядов В. А. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 8–22.

154. Зборовский Г. Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2013. – 484 с.

155. Зборовский Г. Е. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. проф.-пед. университета, 2000. – 301 с.

156. Зборовский Г. Е. Образовательные общности в зеркале темпоральных противоречий // Актуальные проблемы социоло-

гии культуры, образования, молодежи и управления : матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 24–25 февраля 2016 г.). – Екатеринбург : УрФУ, 2016. – С. 402–409.

157. Зборовский Г. Е. Общая социология. – М. : Гардарики, 2004. – 592 с.

158. Зборовский Г. Е. Пространство и время как формы социального бытия. – Свердловск : Свердловский юрид. ин-т, 1974. – 223 с.

159. Зборовский Г. Е. Социальное сравнение как повседневное явление и социологическая проблема // Социологические исследования. – 2005. – № 12.

160. Зборовский Г. Е. Социология досуга и культуры. – М. : Альтекс, 2006. – 242 с.

161. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Социология образования. – М. : Гардарики, 2005.

162. Зборовский Г. Е. Теоретическая социология XX – начала XXI века. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2007. – 364 с.

163. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. – 2010. – № 4. – С. 3–12.

164. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2009. – 304 с.

165. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. – 2017. – № 4. – С. 38–49.

166. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Управление темпоральными стратегиями поведения профессиональных социальных общностей: проблемы и возможности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 5 (242). – С. 15–21.

167. Зборовский Г. Е., Кузьминчук А. А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2. – С. 57–70.

168. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Досуг: действительность и иллюзии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. – 232 с.

169. Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Проблемы свободного времени в марксистской и буржуазной социологии. – Свердловск : Средне-Уральское книжное изд-во, 1970. – 232 с.

170. Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 31–34.

171. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А., Певная М. В., Кузьминчук А. А. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности : кол. монография. – Екатеринбург : УрФУ, 2014. – 200 с.

172. Здравомыслов А. Г. «Если мы не можем объяснить нечто воздействием высших сил, значит – надо искать объяснение в мире людских отношений» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. – 2006. – № 5. – С. 2–10.

173. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. – М. : Логос, 2010.

174. Зербино Д. Научное творчество: неразгаданный феномен [Электронный ресурс]. – URL: http://gazeta.zn.ua/SCIENCE/nauchnoe_tvorchestvo_nerazgadannyu_fenomen.html (дата обращения: 29.04.2015).

175. Иконникова С. Н. Молодежь: социологический и социально-психологический анализ. – Л. : ЛГУ, 1974. – 166 с.

176. Ионин Л. Н. Социология культуры. – М. : Логос, 1998. – 280 с.

177. Исаева М. А. Поколение // Энциклопедия гуманитарных наук. – 2011. – № 1. – С. 265.

178. История теоретической социологии : в 4 т. Т. 3 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – М. : Канон, 1997. – 448 с.

179. История социологии в Западной Европе и США / отв. ред. Г. В. Осипов. – М. : НОРМА – ИНФРА-М, 2001. – 576 с.

180. Казанский Б. А. Формализация со-бытийности: бутстрап-системы в биологии, биосферологии, кибернетике и физике [Электронный ресурс] // Экогеософский альманах «Мудрость дома Земля»: О мировоззрении XXI века. – Донецк, 2007. – URL: http://www.evol.nw.ru/labs/lab38/kazansky/kazansky_al6_site.doc (дата обращения: 25.10.2013).

181. Как музыка повышает спортивный результат... [Электронный ресурс]. – URL: rusjudo.ru/page/blog/club/view_post.Seam?userId=220615&postId=226132&ssoRedirect=true (дата обращения: 23.11.2014).

182. Как снизить нагрузку университетских преподавателей? [Электронный ресурс] // Троицкий вариант. – 2014. – № 158. – URL: <http://trv-science.ru/2014/07/15/kak-snizit-nagruzku-universitetskikh-prepodavatelej/> (дата обращения: 19.04.2015).

183. Канке В. А. Единство и многообразие форм времени : дис. ... д-ра филос. наук. – М., 1984. – 322 с.

184. Канке В. А. Проблема времени в экономической теории К. Маркса // Экономические науки. – 1979. – № 5. – С. 12–15.

185. Канке В. А. Проблема реальности социального времени // Философские науки. – 1972. – № 2.

186. Канке В. А. Философское значение марксовской концепции двойственности рабочего времени // Философские науки. – 1983. – С. 14–19.

187. Канке В. А. Формы времени. – Томск : Изд-во ТГУ, 1984. – 225 с.

188. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.

189. Кащенко Е. А., Агарков С. Т. Сексуальность в цивилизации: социогенез сексуальности. – Воронеж : ИПЦ «Научная книга», 2011. – 600 с.

190. Кемеров В. Е. Время и пространство // Современный философский словарь / под. общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемерова. – Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск : ПАНПРИНТ, 1998. – 1064 с.

191. Князева Е. Н. Овладение временем и управление коэволюционной сложностью [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.ru/philosophy/ovladenie-vremenem/> (дата обращения: 07.12.2014).

192. Князева Е. Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) // Знание, философия и жизнь. – 1991. – № 7. – С. 3–20.

193. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. – 1994. – № 2. – С. 110–122.

194. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. – СПб. : Алетейя, 2002. – 418 с.

195. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Синергетическое мировидение. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 256 с.

196. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Память и забывание в эволюционных процессах как основа рефлексивного управления // Рефлексивные процессы и управление : сб. тез. докл. III Международн.о симп. (8–10 октября 2001 г., Москва, Ин-т психологии РАН). – М. : Институт психологии РАН, 2001. – С. 73–75.

197. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. – М. : КомКнига, 2014. – 272 с.

198. Ковалев В. И. Категория времени в психологии (личный аспект) // Категории материалистической диалектики в психологии / под ред. Л. И. Анциферовой. – М. : Наука, 1988. – С. 117–124.

199. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. – Екатеринбург : УрГУ, 1994. – 208 с.

200. Коган Л. Н. В четвертом измерении: Философские идеи русской философии. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1994. – 192 с.

201. Коган Л. Н. Социология культуры : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 1992. – 120 с.

202. Коган Л. Н. Философия: серьезная и веселая: Очерки о философии Уильяма Шекспира. – Челябинск : ГУ ПТО адм. Челябин. обл.; ЧИРПО, 1996. – 154 с.

203. Козлова Л. А. Карьерно-профессиональные модели современных поколений российских социологов в исторической динамике [Электронный ресурс]. 2010. – URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kozlova_inst.pdf

204. Кон И. С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – С. 384–385.

205. Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. – М. : Айрис-пресс, 2005. – С. 331–332.

206. Кон И. С. Социологическая психология. – М. : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. – 560 с.

207. Кондря Т. И. Влияние гендерной социализации на формирование жизненных стратегий женщин современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Иркутск, 2007. – 23 с.

208. Константинова Е. Б. Вторичная занятость студентов как фактор формирования жизненных стратегий : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 21 с.

209. Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чердиченко Г. А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. – М. : ЦСП и М, 2014. – 548 с.

210. Каримова А. Д. Особенности результатов образовательного процесса в магистратуре // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2011. – № 3 (46). – С. 67–71.

211. Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 59–72.

212. Кравченко С. А. Возрождение социологической теоретической мысли в России: проблемы и достижения // Социологические исследования. – 2008. – № 6. – С. 124–130.

213. Кравченко С. А. Нелинейная динамика: парадоксальные разрывы и синтезы социума // Вестник МГИМО Университета. – 2008. – № 2. – С. 66–76.

214. Кравченко С. А. Социологическая диагностика сложного социума [Электронный ресурс] // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие : матер. IV очередного Всерос. социол. конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М. : РОС, 2012. – С. 100–112.

215. Кравченко С. А. Сложный социум: востребованность поворотов в социологии // Социологические исследования. – 2012. – № 9.

216. Кравченко С. А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота. – М., 2015.

217. Кравченко С. А. Становление сложного социума // Гуманитарий Юга России. – 2012. – № 2. – С. 29–45.

218. Кулаев Б. С. Эволюция гомеостазиса в биологическом пространстве-времени. – М. : URSS, 2006. – 236 с.

219. Култыгин В. П. Теория рационального выбора – возникновение и современное состояние // Социологические исследования. – 2004. – № 1. – С. 27–37.

220. Культура времени // Человек и общество: Культурология : словарь-справочник / под ред. О. М. Штомпеля. – Ростов н/Д : Феникс, 1996. – 544 с.

221. Куркина Е. С. Конец режимов с обострением. Коллапс цивилизации [Электронный ресурс]. – URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/kurkinaes.htm> (дата обращения: 05.10.2013).

222. Курносоева Т. И. Гибкая занятость в экономике развитых стран (причины, формы, эффективность) : дис. ... канд. экон. наук. – М., 1998. – 143 с.

223. Кучеренко А. Н. Культура времени современного горожанина : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.

224. Кынин А. Эти неслучайные «случайные» открытия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.metodolog.ru/01200/01200.html> (дата обращения: 28.04.2015).

225. Лапин Н. И. Динамика ценностей населения реформируемой России. – М., 2003.

226. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – Т. IX, № 3. – С. 25–42.

227. Латов Ю. В. Ретропрогнозирование: фантастика или наука? [Электронный ресурс]. – URL: <http://institutional.narod.ru/history/latov.htm> (дата обращения: 05.03.2015).

228. Лебедев-Патрейко В., Рабинович Г., Родин Д. Бюджет времени рабочей семьи. – Л. : ЛНИИКХ, 1933. – 156 с.

229. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб. : Макет, 1995. – 311 с.

230. Левада Ю. А. Заметки о проблеме поколений // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. (Б-ка журн. «Неприкоснов. запас»). – С. 235–244.

231. Левада Ю. А. Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. – М. : Моск. высшая школа соц. и экон. наук, 2004. – С. 147–160.

232. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. – М. : Новое лит. обозрение, 2005. (Б-ка журн. «Неприкоснов. запас»). – С. 39–60.

233. Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 6 (62). – С. 7–13.

234. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой ; сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой. – М. : Смысл, 2001. – 572 с.

235. Левин Э. Пространство-время в высокоразвитых биологических системах. – Jerusalem : Health and Healing LT, 2012.

236. Левич А. П. Природные референты «течения» времени: становление как изменение количества субстанции // Ежегодник Института философии РАН «Философия науки». Вып. 6. – М. : Изд-во ИФ РАН, 2000. – С. 48–53.

237. Левич А. П. Субстанциональное время открытых систем // Метафизика. – 2013. – Т. 2, № 1. – С. 50–73.

238. Лекторский В. А. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. – 2012. – № 5. – С. 26–35.

239. Лефевр А. Социальное пространство [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70). – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/2/le1.html> (дата обращения: 17.03.2015).

240. Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; отв. ред. и сост. Я. М. Бергер и др. – М. : Юрист, 1994. – 700 с.

241. Манхейм К. Очерки социологии знания. Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. – М., 2000.

242. Маринов М. Б. Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Ростов н/Д, 2008. – 43 с.

243. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала». Ч. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. II. – М. : Изд-во полит. лит-ры, 1969. – 244 с.

244. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

245. Мелёхин А. И. Исследования времени в отечественной психологии: наследие и перспективы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/melehin_issledovaniya_vremeni.html (дата обращения: 11.02.2015).

246. Меркулова Н. Б. Детский труд // Социологические исследования. – 1997. – № 5.

247. Методика изучения бюджетов времени трудящихся / отв. ред. В. Д. Патрушев. – Новосибирск : ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1966. – 299 с.

248. Мещеркина-Рождественская Е. Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий (анализ зарубежных концепций) // Социологические исследования. – 2002. – № 7. – С. 61–67.

249. Микляева А. В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. – СПб. : Речь, 2009. – 160 с.

250. Митронин В. К. Управление социализацией в медицинской организации. – Самара : АНО «Изд-во СНЦ РАН», 2007. – 294 с.

251. Михеев В. Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. – М.-Л. : Гос. изд. эконом. лит-ры, 1932. – 102 с.

252. Мнацаканян М. О. Социальное поведение, социальные общности, социальная реальность (О природе предмета социологической науки) // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 21–28.

253. Можейко М. А. Теория нелинейных динамик [Электронный ресурс] // Энциклопедия постмодернизма. – URL: <http://enc-dic.com/postmodern/Nelineinh-dinamik-teorija-255.html> (дата обращения: 06.10.2013).

254. Можейко М. А. Язык и творчество. Постмодернизм в лингвистике // Известия Смоленского государственного университета. – 2008. – № 1. – С. 58–67.

255. Мокрогуз Е. Д. Образование людей «третьего возраста»: социокультурный анализ тенденций развития // Человек и образование. – 2015. – № 4. – С. 169–173.

256. Молодые и очень молодые. Результаты он-лайн опроса портала «Kadrof.ru» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kadrof.ru/news_id.php?id=1156848932 (дата обращения: 30.03.2014).

257. Молодые предприниматели (исследование ФОМ, 2009) [Электронный ресурс] // Доминанты. – 2009. – № 28. – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/az/%D0%B2/dominant2009/dom0928/d092813> (дата обращения: 10.04.2014).

258. Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике. – М. : Наука, 1977. – 192 с.

259. Морено Я. Л. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. – М. : Академический проект, 2001. – 384 с.

260. Морозова Т. Лучше поздно: как учатся студенты в возрасте 45+. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mr7.ru/articles/107763/> (дата обращения: 12.01.2017).

261. Мосийчук А. В. Становление и развитие педагогики взрослых в международном контексте // Дискуссия. – 2011. – № 2. – С. 99–104.

262. Мотова Г. Н., Аносова Н. А. Проблемы дополнительного образования в свете нового закона [Электронный ресурс] // Аккредитация в образовании. – 2013. – № 11. – URL: http://www.akvobr.ru/problemy_dpo_v_sвете_zakona.html (дата обращения: 03.02.2017).

263. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М. : МБА, 2013. – 440 с.

264. Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 4–13.

265. Наумова Н. Ф. Время человека // Социологический журнал. – 1997. – № 3. – С. 159–176.

266. Научно-педагогическая работа в китайском университете [Электронный ресурс]. – URL: <http://inel.stu.cn.ua/forum/index.php?topic=527.0> (дата обращения: 28.04.2015).

267. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских, А. К. Клюев, А. А. Кузьминчук, С. В. Кульпин, М. В. Певная, Н. В. Шаброва, Е. А. Шуклина / под ред. Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.

268. Нестик Т. А. Отношение к времени в малых группах и организациях. – М., 2011.

269. Нестик Т. А. Социальная психология времени. – М., 2014.

270. Нестик Т. А. Социальное конструирование времени // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 12–19.

271. Нестик Т. А. Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 2015.

272. Неценко А. В. Свободное время и его использование. – Л. : Знание, 1964. – 56 с.

273. Неценко А. В. Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме. – Л. : ЛГУ, 1975. – 167 с.

274. Новиков А. С. Научные открытия: повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые. – М. : УРСС, 2003. – 111 с.

275. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / Д. Л. Константиновский, М. А. Абрамова, Е. Д. Вознесенская, Г. С. Гончарова, В. Г. Костюк, Е. С. Попова, Г. А. Чередниченко. – М. : ЦСП и М, 2015. – 232 с.

276. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. – М., 2004.

277. Общие черты и особенности использования бюджета времени жителями различных национальностей // Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / отв. ред В. Д. Патрушев. – М. : Институт социологии РАН, 1999. – 143 с.

278. Овсянко Д. М. Административное право [Электронный ресурс] : учеб. пособие. – М. : Юрист, 2000. – URL: <http://www.>

bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-6/159.htm (дата обращения: 25.11.2014).

279. Орехова Л. Г. Социально-философское осмысление страха : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 26 с.

280. Оловников А. М. Редусомная гипотеза старения и контроля биологического времени в индивидуальном развитии // Биохимия. – 2003. – Т. 68, Вып. 1. – С. 7–41.

281. Орлов Г. П. Свободное время – условие развития человека и мера общественного порядка. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 173 с.

282. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма. – М. : Наука, 1977. – 279 с.

283. Очиров Д. Э. Методологическая физика : учеб. пособие. – Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ, 2014. – 346 с.

284. Патрушев В. Д. Бюджет времени городского населения социалистических и капиталистических стран // Философия науки. – 1968. – № 5. – С. 53–61.

285. Патрушев В. Д. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во ИС РАН, 1998. – С. 412–429.

286. Патрушев В. Д. Время как экономическая категория. – М. : Мысль, 1966. – 237 с.

287. Патрушев В. Д. Жизнь горожанина (1965–1998). – М. : Academia, 2001. – 184 с.

288. Патрушев В. Д. Основные изменения в сфере свободного времени городского населения в последнюю треть XX века // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965–1998 гг. / отв. ред. Т. М. Караханова. – М. : ИС РАН, 2001.

289. Патрушев В. Д. Социально-экономические проблемы свободного времени сельского населения // Социологические исследования. – 1974. – № 1. – С. 88–99.

290. Патрушев В. Д., Артемов В. А., Новохацкая О. В. Изучение бюджетов времени в России XX в. // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 112–120.

291. Патрушев В. И. Основы общей теории социальных технологий. – М. : ИКАР, 2008. – 319 с.

292. Паутова Л. А. Молодые «Люди XXI»: общие черты локомотивной группы и региональная специфика [Электронный ресурс]. – URL: <http://ppt4web.ru/okruzhajushhijj-mir/molodye-ljudi-i.html> (дата обращения: 05.04.2014).

293. Петровский А. В. Психология и время. – СПб., 2006.

294. Петросян Г. С. Внеурочное время трудящихся. – М. : Экономика, 1965. – 259 с.

295. Печерская Н. В. Мифология родительства: анализ дискурсивного производства идеальной семьи // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Т. 10, № 3.

296. Пименова В. Н. Свободное время в социалистическом обществе. Теоретический анализ соотношения свободного времени общества и личности. – М. : Наука, 1974. – 311 с.

297. Плакуев А. Н., Юрьева М. Ю., Юрьев Ю. Ю. Современные концепции старения и оценка биологического возраста человека // Экология человека. – 2011. – № 4. – С. 17–25.

298. Повседневная деятельность городских жителей в годы реформ: бюджет времени, ценности, тенденции (1986–2008). – М. : ИС РАН, 2010. – 343 с.

299. Полещук В. И. Фактор времени в эколого-экономических системах // Культура и время. Время в культуре. Культура времени : сб. науч. тр. / под ред. В. С. Чуракова. – Шахты : Изд-во ЮРГУЭС, 2007. – 302 с.

300. Поправко В. Н. Закрытое интернет-сообщество как форма коммуникации в Интернет-пространстве // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 322. – С. 52–54.

301. Преснякова Л. А. Кредиты для россиян: «догоняющая» или «опережающая» стратегия финансового поведения? // Социальная реальность. – 2006. – № 6. – С. 23–45.

302. Пригожин А. И. Методы развития организаций. – М. : МЦФЭР, 2003. – 863 с.

303. Пригожин А. И. Современная социология организаций. – М. : Интерпакс, 1995. – 295 с.

304. Пригожин И. От существующего к возникающему. Время и сложность в физических науках. – М. : КомКнига, 2006. – 296 с.

305. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Арши-

нова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

306. Пригожин И. Послание к будущему поколению [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. – 2002. – № 11. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4946/> (дата обращения: 18.03.2015).

307. Пруденский Г. А. Время и труд. – М. : Мысль, 1964. – 351 с.

308. Публикационная активность: практические аспекты [Электронный ресурс] // Университетская книга. – 2013. – Июль-август. – URL: <http://www.unkniga.ru/vishee/1719-publikacionnaya-aktivnost-prakticheskia-aspekty.html> (дата обращения: 22.04.2015).

309. Резник С. Д. Кто научит студента жить? // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 146–151.

310. Резник С. Д. Управление кафедрой. – М. : Инфра-М, 2008. – 635 с.

311. Резник С. Д., Бондаренко В. В., Соколов С. Н., Удалов Ф. Е. Персональный менеджмент. – М. : Инфра-М, 2008. – 556 с.

312. Резник Ю. М. Человек как субъект социального времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». – 2012. – № 3 (27). – С. 144–150.

313. Резник Г. А., Пономаренко Ю. С. Студенческое предпринимательство как важный фактор формирования инновационной экономики // Университетское управление: практика и анализ. – 2010. – № 2. – С. 62–67.

314. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 110–119.

315. Рейн А. Чем отличается постиндустриальная структура от индустриальной? Ключевые особенности [Электронный ресурс]. – URL: <http://fb.ru/article/138835/chem-otlichaetsya-postindustrialnaya-struktura-ot-industrialnoy-klyuchevyie-osobennosti> (дата обращения: 25.11.2014).

316. Ринкявичус Л., Буткявичене Э. Концепция общности (Gemeinschaft/community) и ее специфика в виртуальном пространстве // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 3–11.

317. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – СПб. : Питер, 2002. – 688 с.

318. Рогозин Д. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62–93.

319. Родионов Д. Г., Ялунер Е. В., Кушнев О. А. Гонка за лидером: правительственная программа «5-100-2020» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 6, № 2. – С. 83–84.

320. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. – М., 2012.

321. Романов Ю. А. Хронотопобиология как одно из важнейших направлений современной теоретической биологии // Хронобиология и хрономедицина / под ред. Ф. И. Комарова, С. И. Рапопорта. – М. : Триада-Х, 2000. – С. 5–15.

322. Романовский Н. В. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 13–22.

323. Российская социологическая энциклопедия. – М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998.

324. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб. : Питер, 2000. – 712 с.

325. Рубл Б. А. Город XXI века в поисках ответа на вызовы современности // Городское управление. – 2009. – № 3. – С. 48–54.

326. Рубл Б. А. Вашингтонская U-стрит. Биография. – Вашингтон : Изд-во Центра Вудро Вильсона ; Балтимор : Изд-во Университета им. Джонса Гопкинса, 2010. – 410 с.

327. Руткевич М. Н. О диалектике и эклектике в теоретической социологии // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2.

328. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М. : Языки славянской культуры, 1997. – 796 с.

329. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социология знания о прошлом. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2005. – 343 с.

330. Сайфуллин Н. Ф. Адаптивные жизненные стратегии автономных социальных групп в кризисных условиях: к постановке задач. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.keldysh.ru/papers/2007/prep83/prep2007_83.html (дата обращения: 28.09.2014).

331. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция / под ред. В. А. Ядова. – 2-е изд. – М. : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.

332. Санкова Л. В. Занятость инновационного типа: теория, методология исследования, управление : автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. – М., 2008. – 48 с.

333. Сассен С. Глобальный город: введение понятия // Глобальный город: теория и реальность / под ред. Н. А. Слуки. – М. : ООО «Аванглион», 2007. – С. 9–27.

334. Сачко Г. В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам? // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 12. – С. 48–52.

335. Семенова В. В. Возраст как социальный ресурс: возможные источники социального неравенства // Россия реформирующаяся: ежегодник. – М. : Изд-во ИС РАН, 2004. – С. 157–170.

336. Семенова В. В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М. : РОССПЭН, 2009. – 271 с.

337. Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / пер., прим., подг. изд. С. А. Ошерова ; отв. ред. М. Л. Гаспаров. – М. : Наука, 1977. – 383 с.

338. Сен-Симон К. А. Избранные сочинения : в 2 т. – М.-Л. : АН СССР; Институт всеобщей истории, 1948. – Т. 1. – С. 167–168.

339. Сивиринов Б. С. Социальные системы и социальная перспектива. – М., 2000.

340. Синягин Ю. В., Переверзина О. Ю., Яковлева Ю. А., Полякова А. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности // Акмеология. – 2010. – № 1. – С. 119–126.

341. Смелзер Н. Социология. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.

342. Смирнов Е. М. Жизненные стратегии государственных служащих // Государственная служба. – 2002. – № 4. – С. 108–118.

343. Сорокин Г. А. Профессиональные риски при режимах труда с ночной работой // Справочник специалиста по охране труда. – 2014. – № 2. – С. 37–44.

344. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

345. Сорокин П., Мертон Р. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 112–119.

346. Сорокина Е. С. Жизненные стратегии молодой семьи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2007. – 24 с.

347. Социологические размышления : интервью с проф. Н. Луманом // Проблемы теоретической социологии. – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1994. – С. 237–238.

348. Социальные настроения россиян по итогам 2015 года [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск № 3014. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115543> (дата обращения: 28.02.2016).

349. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М. : ИС РАН, 1998. – 696 с.

350. Староверова Н. А. Андрагогические основы профессионального образования // Вестник Казанского технологического университета. – 2011. – № 24. – С. 299–302.

351. Стегний В. Н. Взаимосвязь критериев модернизации общества и образования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2013. – № 18 (45). – С. 7–13.

352. Стребков Д. О. Факторы и типы сберегательных стратегий населения России во второй половине 1990-х годов : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – 24 с.

353. Стребков Д., Шевчук А. Фрилансеры в информационной экономике // Социальная реальность. – 2008. – № 1. – С. 23–39.

354. Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. – М. : Госполитиздат, 1957. – 733 с.

355. Тард Г. Законы подражания. – М. : Книга по Требованию, 2012. – 378 с.

356. Творогова С. В. Трудовая занятость как фактор накопления человеческого и социального капитала студентов в постсоветской России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2003. – С. 8.

357. Тённис Ф. Общность и общество. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2002. – 451 с.

358. Тихонова Н. Е. Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли говорить об особом российском цивилизацион-

ном проекте? // *Общественные науки и современность*. – 2015. – № 1. – С. 52–63.

359. Ткаченко Н. Наши университеты [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.3vozrast.ru/article/society/amerika/8179/> (дата обращения: 29.12.2016).

360. Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. – М. : Логос, 2002. – 280 с.

361. Тощенко Ж. Т. Жизненный мир и его смыслы // *Социологические исследования*. – 2016. – № 1. – С. 7–8.

362. Тощенко Ж. Т. Социология управления. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.

363. Тощенко Ж. Т. Социология управления. – М. : Юрайт, 2015. – 304 с.

364. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.

365. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 520 с.

366. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М. : Наука, 1987. – 255 с.

367. Труд в СССР: Экономико-статистический справочник / под ред. З. Л. Миндлина, С. А. Хеймана. – М.-Л. : Гос. экон. изд., 1932. – 167 с.

368. Труд в СССР (1934 год) : ежегодник. – М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1935. – 154 с.

369. Уайт Л. А. Работы по культурологии : сб. переводов. – М. : ИНИОН, 1996. – 169 с.

370. Уинфри А. Т. Время по биологическим часам. – М. : Мир, 1990. – 208 с.

371. Урри Дж. Мобильности. – М. : Праксис, 2012. – 576 с.

372. Урри Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI века. – М. : ИД «Высшая школа экономики», 2012. – 336 с.

373. Федотова-Антонова Е. П. Детский труд: плюрализм в определении понятия и меры социальной политики // *Вестник СГТУ*. – 2014. – № 2. – С. 266–269.

374. Фейгенбаум М. Универсальность в поведении нелинейных систем // *Успехи физических наук*. – 1983. – Т. 141, Вып. 2. – С. 343–374.

375. Фотев Г. Хоманс: теория социального обмена // *Современная американская социология*. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – С. 119–131.

376. Фуко М. Археология знания. – СПб. : Университетская книга, 2004. – 416 с.

377. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М. : Ad Marginem, 1999. – 480 с.

378. Хасанов И. А. Темпоральность, темпоральный // *Время как объективно-субъективный феномен : словарь*. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 328 с.

379. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). – М. : ЦСП и М, 2014. – 560 с.

380. Чернышева М. П. Временная структура биосистем и биологическое время. – СПб. : «Написано пером», 2014. – 172 с.

381. Цветкова О. А. Работа и семья в жизненных стратегиях российских женщин: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Новочеркасск, 2011. – 23 с.

382. Цуканов Б. И. Время в психике человека. – Одесса : Астро-Принт, 2000. – 220 с.

383. Хакен Г. Синергетика. – М. : Мир, 1980. – 406 с.

384. Харченко В. К. Как заниматься наукой. – Белгород : Изд-во Белгородск. гос. пед. ун-та, 1996.

385. Хренов Н. А. Мифология досуга. – М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 1998. – 448 с.

386. Хренов Н. А. Пространство и время в контексте становления интегральной культуры XX века (Возникновение картины мира в ее художественных формах) // *Мир психологии*. – 1999. – № 4. – С. 50–71.

387. Шапко В. Т. Феномен актуальной культуры // *Социологические исследования*. – 1997. – № 10. – С. 93–104.

388. Шелер М. Формы знания и общество. Сущность и понятие социологии культуры // *Социологический журнал*. – 1996. – № 1/2. – С. 122–160.

389. Шиффман Х. Ощущение и восприятие. – СПб. : Питер, 2003. – 928 с.
390. Шматко Н. А. Горизонты социоанализа // Социоанализ Пьера Бурдьё. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 13–46.
391. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. – М. : Мысль, 1993. – 1270 с.
392. Штейн А. Несколько принципов раннего развития [Электронный ресурс]. – URL: http://savenok96.ru/vse_o_rannem_razvitiu_detey/blogid/559/ (дата обращения: 20.02.2017).
393. Штомпель Л. А. Смыслы времени [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д, 2001. – URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/shtompel_smysly.pdf (дата обращения: 12.06.2014).
394. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
395. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М. : Логос, 2005. – 664 с.
396. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
397. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М. : Прогресс, 1969. – 240 с.
398. Щуров В. А. Информационная гипотеза акселерации и децелерации роста // Философские проблемы биологии и медицины: персонализация и стандартизация : сборник статей научной конференции (Москва, 27–28 октября 2015 г.). – М. : Навигатор, 2015. – С. 248–249.
399. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
400. Юдина И. А. Виртуальная педагогическая событийная общность: природа, признаки, характеристики // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 229–238.
401. Ядов В. А. Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 70–72.
402. Ядов В. А. Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. – 1990. – № 2. – С. 3–17.
403. Ядов В. А. Реплика уважаемому оппоненту // Социологический журнал. – 1996. – № 1/2. – С. 89–92.

404. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – Самара : Изд-во Самарского ун-та, 2006. – 328 с.
405. Яковлев В. П. Социальное время. – Ростов : Изд-во Ростовского ун-та, 1980. – 160 с.
406. Январева И. Н., Шерешков В. И., Шумилова Т. Е. Физиологические технологии повышения адаптационных резервов организма // Инновации. – 2005. – № 3. – С. 88–91.
407. Яницкий О. Н. Социология критических состояний общества: теоретические и методические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 4. – С. 5–24.
408. Ярская В. Н. Время в эволюции культуры. – Саратов : СГУ, 1989. – 196 с.
409. Ярская В. Н. Жизненный путь в постмодерн: пространство и время // Современное общество: территория постмодерна : сб. науч. ст. / ред. М. Э. Елютина. – Саратов : Научная книга, 2005. – С. 199–209.
410. Ярская В. Н. Инверсия времени в структуре предвидения // Философские науки. – 1980. – № 5. – С. 66–73.
411. Ярская В. Н. Калейдоскоп времени. Следы биографии. – М., 2015.
412. Ярская В. Н. Пространство и время социальных изменений: курс лекций. – М. ; Саратов : Научная книга, 2004. – 288 с.
413. Ярская В. Н. Развитие понятия времени // Вопросы философии. – 1981. – № 3. – С. 157–160.
414. Ярская В. Н. Советские немцы: история и современность. – М., 1990.
415. Ярская В. Н. Современный социологический темпорализм // Журнал исследований социальной политики. – 2011. – Т. 9, № 2. – С. 277–282.
416. Ярская В. Н. Социально-философские аспекты проблемы времени : Материалы совещания по проблема исторического материализма в редакции журнала // Вопросы философии. – 1982. – № 5. – С. 50–51.
417. Ярская В. Н. Темпорально-смысловая дистанция в поле социальной сплоченности // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 14–24.

418. Ярская В. Н. Философско-социологическое исследование времени : Материалы совещания // Вопросы философии. – 1982. – № 5.
419. 200 лучших университетов мира в 2014 году [Электронный ресурс]. – URL: <http://ria.ru/abitura/20140916/1023640713.html> (дата обращения: 28.04.2015).
420. Adam B. *Time and Social Theory*. – Cambridge : Polity Press, 1994.
421. Adam B. *Generational Time. Time and Society*. – Cambridge : Polity Press, 1999.
422. Ajzen I., Fishbein M. Attitude-behavior relations: A theoretical analysis and review of empirical research // *Psychological Bulletin – PSYCHOL BULL.* – 1977. – Vol. 84, № 5. – Pp. 888–918.
423. Antunes L. C., Levandovski R., Dantas G., Caumo W., Hidalgo M.P. Obesity and shift work: chronobiological aspects // *Nutrition Research Reviews*. – 2010. – No. 23. – Pp. 155–168.
424. Bauman Z. *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. – Cambridge : Polity Press, 2001.
425. Bauman Z. *Culture in a Liquid Modern World*. – Polity, 2011. – 144 p.
426. Bauman Z. *Liquid Fear*. – Polity, 2013. – 188 p.
427. Bauman Z. *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. – Polity, 2013. – 176 p.
428. Bauman Z. *Liquid Modernity*. – Polity, 2000. – 240 p.
429. Bauman Z. *Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty*. – Polity, 2007. – 128 p.
430. Becker G. S. A theory of the allocation of time // *Economic Journal*. – 1965. – Vol. 75, № 299. Sept. – Pp. 571–583.
431. Block R. A., Hancock P. A., Zakay D. How cognitive load affects duration judgments: A meta-analytic review // *Acta Psychologica*. – 2010. – No 134. – Pp. 330–343.
432. Bohm D. *Wholeness and the Implicate Order*. Routledge & Kegan Paul, London, Boston, 1980. – 284 p.
433. Bueti D. The Sensory Representation of Time // *Frontiers in Integrative Neurosci.* – 2011. – № 5. Article. 34. – URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/fnint-05-00034.pdf> (дата обращения: 23.07.2015).

434. Carmi N. Caring about tomorrow: future orientation, environmental attitudes and behaviors // *Environmental Education Research*. – 2012. – No. 1. – Pp. 1–15.
435. Chew G. F. «Bootstrap»: a scientific idea? // *Science*. – 1968. – Vol. 161, № 3843. – P. 762–763.
436. Chua R. L. E., de Guzman A. B. Do You See What I See? Understanding Filipino Elderly's Needs, Benefits, and Expectations from an Adult Continuing Education Program // *Educational Gerontology*. – 2014. – Vol. 40, No. 1. – Pp. 1–15.
437. Cooke M. Policy changes and the labour force participation of older workers: Evidence from six countries // *Canadian Journal on Aging*. – 2006. – Vol. 25, No. 4. – P. 387–400.
438. Cook K. S., Whitmeyer J. M. Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis // *Annual Review of Sociology*. – 1992. – № 18. – Pp. 109–127.
439. Dauenhauer J., Steitz D. W., Cochran L. J. Fostering a new model of multigenerational learning: Older adult perspectives, community partners, and higher education // *Educational Gerontology*. – 2016. – Vol. 42, No. 7. – Pp. 483–496.
440. Dickson J. W., Roethlisberger F. J. *Early Sociology of Management and Organizations: Management and the Worker*. – N.Y. : Routledge, 2003. – 652 p.
441. Dupuis-Blanchard S., Theriault D., Mazerolle L. University of the third Age: The continuing education needs of senior franco-phone people in New Brunswick // *Canadian Journal on Aging – revue Canadienne du Vieillissement*. – 2016. – Vol. 35, No. 4. – Pp. 423–431.
442. Ehrenreich B. *Smile Or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World*. – London : Granta Books, 2010. – 256 p.
443. Emerson R. *Exchange Theory. Part I: A Psychological Basis for Social Exchange* // *Sociological Theories in Progress*. Vol. 2. – Boston : Houghton Mifflin, 1972. – Pp. 38–57.
444. *European Societies*. – 2006. – № 2.
445. Fang D., Lazar M.A. Clocks, metabolism and epigenome // *Molecular Cell*. – 2012. – V. 47 (2). – P. 158–167.
446. Felfe J., Schmook R., Schyns B., Six B. Does the form of employment make a difference? – Commitment of traditional, temporary, and self-employed workers // *Journal of Vocational Behavior*. – 2008. – № 72. – Pp. 81–94.

447. From exclusion to inclusion in old age: a global challenge / Ed. by N. Scharf, N. C. Keating. – Bristol, UK : Polity Press, 2012. – 192 p.
448. Giddens A. *Sociology*. – Cambridge : Polity Press, 1989.
449. Golombek D. A., Bussi I. L., Agostino P. V. Minutes, days and years: molecular interactions among different scales of biological timing // *Philosophical Transactions of the Royal Society B*. – 2014. – Vol. 369. – URL: <http://dx.doi.org/10.1098/rstb.2012.0465> (дата обращения: 17.07.2015).
450. Grondin S. *Psychology of time*. – Bingley, 2008.
451. Jamieson A. Retirement, learning and the role of Higher Education // *International Journal of Lifelong Education*. – 2016. – Vol. 35, No. 5. – P. 477–489.
452. Jencks C. A. *The Architecture of the Jumping Universe*. Academy, London & NY, 1995. – 177 p.
453. Gersbunly J., Sullivan O. The sociological uses of time-use diary analysis // *European Sociological Review*. Oxford, 1998. Vol. 14, № 1. – P. 69–85.
454. Hagura N., Kanai R., Orgs G., Haggard P. Ready steady slow: action preparation slows the subjective passage of time // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 5 September 2012.
455. Hancock P. A. Cognitive differences in the ways men and women perceive the dimension and duration of time: *Contrasting Gaia and Chronos*. Edwin Mellen Pr., 2011.
456. Heidegger M. *Time and Being*. – N.Y. : Harper and Row, 1972.
457. Hillery G. H. Definitions of Community: Areas of Agreement // *Rural Sociology*. – 1995. – V. 20. – C. 111–123.
458. Hogenesch J. B., Ueda H. R. Understanding systems-level properties: timely stories from the study of clock // *Nature Reviews Genetics*. – 2011. – № 12 (6). – P. 407–416.
459. Lefebvre H. *Critique of Everyday Life*. V. 1. – L. : Verso, 1991. – 283 p.
460. Lefebvre H. *The Production of Space*. – Oxford : Blackwell, 1991. – 464 p.
461. Lewin K. *Field theory in the social sciences: Selected theoretical papers*. – N.Y., 1951. – C. 53–56.

462. Lorenz E. N. Designing Chaotic Models // *Journal of the Atmospheric Sciences*. – 2005. – Vol. 62, № 5. – Pp. 1574–1587.
463. Mayo E. *The Social Problems of an Industrial Civilization*. – N.Y. : Routledge, 2003. – 204 p.
464. Mercer B. *The American Community*. – New York, 1957. – 124 p.
465. Olshansky S., Goldman D., Zheng Y., Rowe J., Milbank Q. Aging in America in the twenty-first century: demographic forecasts from the on an Aging Society // *The milbank quarterly a multidisciplinary Journal of population health and health policy*. – 2009. – № 87 (4). – Pp. 842–862.
466. Olshansky S., Perry D., Miller R., Butler R. Pursuing the Longevity Dividend. Scientific Goals for an Aging World // *Ann. N.Y. Acad. Sci.* – 2007. – № 1114. – Pp. 11–13.
467. Park E. R., Burgess E. W., McKenzie R. D. *The City: Suggestions for Investigation of Human Behavior in the Urban Environment*. – Chicago : The University of Chicago Press, 1984. – 250 p.
468. Parsons T. *Social System*. – Glencoe, 1951. – 575 p.
469. Richardson V. E., Barusch A. S. *Gerontological Practice for the Twenty-First Century: A Social Work Perspective*. – N.Y. : Columbia University Press, 2005.
470. Salvioni P., Murray M. M., Kalmbach L., Buetti D. How the visual brain encodes and keeps track of time // *Journal of Neuroscience*. – 2013. – № 33. – Pp. 12423–12429.
471. Schnore L. F. *Community // Sociology: An introduction (2nd ed.)* / Ed. by N. Smelser. – N.Y. : John Wiley&Sons, Inc., 1973. – 744 p.
472. Steptoe A., Hamer M., Butcher L. et al. Educational attainment but not measures of current socioeconomic circumstances are associated with leukocyte telomere length in healthy older men and women // *Brain Behavior and Immunity*. – 2011. – Vol. 25, No. 7. – Pp. 1292–1298.
473. Su S., Kleiner M. Commitment and work-related expectations in flexible employment forms: An empirical study of German IT freelancers // *European Management Journal*. – 2010. – № 28. – Pp. 40–54.
474. Tornstam L. *Gerotranscendence: a development theory of positive aging*. – N.Y. : Springer Publishing Company, 2005.

475. Urry J. *Sociology beyond Societies. Mobilities for the twenty-first century.* – London and New York : Routledge, 2000. – 255 p.

476. Urry J. *Climate Change and Society.* – Cambridge, 2011. – 200 p.

477. Virilio P. *Vitesse et politique. Essai de dromologie.* – Galilée, 1977. – 151 p.

478. Wittmann M., van Wassenhove V. The experience of time: Neural mechanisms and the interplay of emotion, cognition and embodiment // *Philosophical Transactions of the Royal Society B.* – 2009. – No. 364. – Pp. 1809–1813.

479. Yang S., Hsu W. C., Chen H. C. Age and gender's interactive effects on learning satisfaction among senior university students // *Educational Gerontology.* – 2016. – Vol. 42, no. 12. – Pp. 835–844.

480. Zimbardo P. G., Boyd J. *The time paradox: The new psychology of time that will change your life.* – N.Y., 2008.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**АМБАРОВА Полина Анатольевна
ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович**

ВРЕМЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Монография

Редактор С. В. Фельдман
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Подписано в печать 26.09.2017. Формат 60x90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Уч.-изд. л. 20,17. Тираж 500 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
620089, г. Екатеринбург, ул. Луганская, д. 59/4